

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

3 (46)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 3 (46), 2020

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

3 (46)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 3 (46), 2020

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *T.S. Bittirova*; Candidate of History *A.H. Borov*;
Doctor of Philology *A.M. Gutov*; Doctor of History *A.G. Kazharov*;
Candidate of History *Z.M. Kesheva*; Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> К вопросу о кавказско-анатолийском культурно-языковом единстве и родстве	7
<i>Бгажноков Б.Х.</i> О кашаках (касах) и Кашакии на Северном Кавказе	14
<i>Базиева Г.Дж.</i> Народное искусство как система социокультурной коммуникации	22
<i>Дзуганов Т.А.</i> К вопросу о правонарушениях в сфере торговли и предпринимательства в Нальчикском округе на рубеже XIX–XX вв.	28
<i>Кешева З.М.</i> «Черкесский круг» как этнокультурный феномен	34
<i>Мирзоев А.С.</i> Песенный фольклор в системе военной культуры черкесов (адыгов)	40
<i>Нахушева И.Р.</i> Деятельность генерал-майора И.П. Дельпоцо в должности пристава кабардинцев в 1805–1810 гг.	48

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>БиццӀо Б.Ч.</i> Адыгэбзэм и ГуэхуцӀэ лӀэужьыгъуэхэмрэ абыхэм я къэхъукӀэм хэлъ хьэлэмэтагъхэмрэ	54
<i>Бижоев Б.Ч., Токмакова М.Х.</i> Лексико-грамматическая характеристика бранной лексики и проклятий в кабардино-черкесском языке	63
<i>Абазэ М.М.</i> Адыгэбзэм (къэбэрдей-шэрджэсыбзэм) и текъузэр (ударенэр) зыхуэдэр	69
<i>Дзуганова Р.Х., Ошироева К.В.</i> Особенности компаративных фразеологизмов с фитонимами в кабардино-черкесском языке	76
<i>Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.</i> Особенности структурной классификации антонимов кабардино-черкесского языка	82
<i>Шэру Н.Г.</i> Адыгэбзэм и лэжьыгъэцӀэ псалъэщӀэ Гэмалхэр	90
<i>Алхасова С.М.</i> Юмор и сатира в творчестве Муртаза Пачева	97
<i>Биттирланы Т.Ш.</i> Чам бла самаркъауну устасы: Джаныбекланы Аппаны энчи хаты	102
<i>Бетуганова Е.Н.</i> Различные подходы к восстановлению утраченной целостности бытия этноса (По материалам кабардинских новелл)	108
<i>Хакуашева М.А.</i> Новые сведения к биографии А.А. Шогенцукова (К 120-летию классика кабардинской литературы)	115
<i>Гутов А.М.</i> К изучению поэтического стиля адыгского эпоса	123
<i>Гутова Л.А.</i> Функция песен и благопожеланий в свадебном обрядовом фольклоре адыгов (Вывод невесты из отчего дома)	130
<i>Гергокова Л.С.</i> Образы оборотней в карачаево-балкарском фольклоре	140

ЮБИЛЕИ

<i>Гутов А.М.</i> Высокая честь. К 80-летию профессора Х.И. Бакова	147
<i>Махийланы Л.Х., Локияланы Ж.М.</i> Гузеланы Жамалны къарачай-малкъар тилни тинтиуге эм айнытыугъа салгъан къыйыны (Гузеланы Жамалны 80-жыллыгына)	153

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Bgazhnokov B.H.</i> To the question of the caucasian-anatolian cultural linguistic unity and affinity	7
<i>Bgazhnokov B.H.</i> About kashaks (kasakhs) and Kashakia in the North Caucasus	14
<i>Baziyeva G.D.</i> Folk art as a system of sociocultural communication	22
<i>Dzukanov T.A.</i> On the issue of offenses in the field of trade and entrepreneurship in the Nalchik district at the turn of the XIX–XX centuries ...	28
<i>Kesheva Z.M.</i> Circassian circle as an ethno-cultural phenomenon	34
<i>Mirzoev A.S.</i> Song folklore in the system of military culture of the circassians (adygs)	40
<i>Nahusheva I.R.</i> The activities of general-major I.P. Delpozov in the post of bailiff of kabardinetes in 1805–1810	48

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Bizhoev B.Ch.</i> Classification of participations and features of the formation of their varieties in the kabardino-circassian language	54
<i>Bizhoev B.Ch., Tokmakova M.H.</i> Lexical and grammatical characteristics swearing and curses in kabardino-circassian language	63
<i>Abazova M.M.</i> The features of the accent of the kabardino-cherkess literary language	69
<i>Dzukanova R.H., Oshroeva K.V.</i> Features of comparative phraseologists with phytonyms in the kabardino-cherkassian language	76
<i>Kumykova D.M., Kumykova (Guchapsheva) E.T.</i> Features of the structural classification of antonyms of the kabardino-cherkassian language	82
<i>Sherieva N.G.</i> Ways of verbal word formation kabardino-circassian language	90
<i>Alkhasova S.M.</i> Humor and satire in the works of Murtaz Pachev	97
<i>Bittirova T.S.</i> Master of humor and satire: creative personality of Appa Dzhaniybekov	102
<i>Betuganova E.N.</i> Various approaches to restoring the lost integrity of the ethnos existence (Based on materials from Kabardian short stories)	108
<i>Khakuasheva M.A.</i> New information about the biography of A.A. Shogentsukov (To the 120 th anniversary of the classic of Kabardian literature)	115
<i>Gutov A.M.</i> To study the poetic style of the adyghe epic	123
<i>Gutova L.A.</i> The function of songs and good wishes at the wedding ritual folklore of adyghe's (The conclusion of the bride from her father's house)	130
<i>Gergokova L.S.</i> Images of welfare in karachayev-balkar folklore	140

ANNIVERSARY

<i>Gutov A.M.</i> High honor. On the occasion of the 80 th anniversary of Professor Kh.I. Bakova	148
<i>Mahieva L.H., Lokyaeva J.M.</i> Contribution of J.M. Guzeev in study of the karachay-balkarian language and development of turkology (On the occasion of the 80 th birthday of Guzeev J.M.)	153

УДК 94 (262 + 479)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-7-13

К ВОПРОСУ О КАВКАЗСКО-АНАТОЛИЙСКОМ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ЕДИНСТВЕ И РОДСТВЕ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН)», bbarasbi@yandex.ru

Вынесенная на рассмотрение в очередной раз проблема кавказско-анатолийского культурно-языкового родства рассматривается на основе современных достижений в этой области: лингвистики, этнологии, археологии. Предлагается выделить понятие кавказско-анатолийских языков как аналога хатто-абхазско-черкесских языков, сложившихся в доисторические времена, считать термин *хатты* древним самоназванием хатто-абхазо-адыгов, а термины *кас/каска* – индоевропейским экзонимом этих народов. Поддерживается также гипотеза этногенетической дивергенции кавказско-анатолийской общности, ее разделения на две ветви – кавказскую и анатолийскую после последнего глобального потепления в IX тысячелетии до н.э. Подчеркивается особая роль в этническом развитии хатто-абхазо-адыгов дарквето-мешоковской, предмайкопской и майкопской археологических культур.

Ключевые слова: Ближний Восток, Кавказ, Анатолия, абхазы, черкесы, хатты, хетты, майкопская культура, этногенетическая дивергенция, экзоним.

1

Существует мнение, что в кавказско-анатолийской контактной зоне еще в конце каменного века могла образоваться «обширная восточнопричерноморская этнокультурная область, лежавшая в основе хатто-абхазо-адыгского древнего единства» [Бетрозов 1998: 101]. Предполагается, что в период мезолита протохатто-абхазо-адыгские племена занимали обширную территорию на северо-востоке Малой Азии, на Юго-Западном и Северном Кавказе. Соединяясь друг с другом через восточный берег Черного моря, эти племена, как принято считать, активно и плодотворно взаимодействовали с соседними народами Кавказа, Ближнего Востока, Юго-Восточной Европы.

Кавказско-анатолийскими, исходя из такой постановки вопроса, мы называем древние племена, сформировавшиеся под влиянием хатто-абхазо-адыгского культурно-языкового взаимодействия и родства. Открывается в то же время возможность акцентировать внимание на связи хаттов с древними цивилизациями и памятниками Циркумпонтийской металлургической провинции в Центральной Евразии, с дарквети-мешоковской, затем майкопской археологической культурой Северного и Западного Кавказа, фиксировать вполне вероятное участие хаттов в этногенезе и этнической истории кавказских народов, известных сейчас под названием черкесов, абхазов, абазин.

Последовательное разъяснение историко-культурного содержания и применения понятия «кавказско-анатолийское культурное единство и родство», позволяет

преодолеть некоторую односторонность и неопределенность в представлениях о кавказско-анатолийской контактной зоне в древности. В том числе и неопределенность в отношении историко-культурного содержания этнонимов *хатты* и *каска* (кашка). В нашем понимании, из двух семантически не вполне равноценных названий хатто-абхазо-черкесских племен первый – *хатты* функционировал, главным образом, как самоназвание (эндоэтноним), как способ самоидентификации кавказско-анатолийской общности, связанной узами этнического родства. Второй – *каска/кашки/каскайцы* выполнял функции экзонима – термина, который применялся к майкопско-анатолийским племенам представителями других, прежде всего соседних народов. Он возник и активно использовался преимущественно в среде индоевропейцев, с которыми хатты находились в постоянном контакте, в том числе на Ближнем Востоке – в Месопотамии, Иране, Анатолии, а также и в Европе – в Приазовье, Северном Причерноморье, Карпатах.

Из этого следует также, что распространенное мнение, согласно которому этноним *каска/каскайцы* является только обозначением одного из хаттских племен на северо-востоке Анатолии, не совсем точно отражает историко-культурное содержание данного термина [Singer 1981]. На самом деле, это индоиранское название хатто-абхазо-адыгских племен, фактически, синоним этнического имени хатты. Судя по всему, этноним *каска* восходит к индийскому *kas* – «сверкать, сиять», *kasih* – «солнце, свет, сияние» [König 1930: 62] и соотносится с названием Бога луны у хаттов – *Каску*. Отсюда внутренняя форма этнонима *каска* и соответствующие коннотации слова, ставшего индоевропейским названием хаттов – «почитающий луну народ» [Гиоргадзе 1961: 209–210] или «сияющий, луноподобный народ». В черкесском языке такое название переключается с семантикой термина *хатты*, в котором первый элемент *хъэ* восходит к значению «жизнь», «живое», а второй *-т-* соотносим, как и в индоевропейских языках, со значением «давать» и, таким образом, закрепляет в языковом сознании термин с внутренней формой «животворящий», «жизнеутверждающий» [Бгажноков 2015: 18].

Корень *kas* лежит и в основе названия касситов, которые правили Вавилоном во второй половине II тыс. до н.э. Отсюда также имя главного божества касситов – *Кашшу*. Эти факты позволяют думать, что касситы являются ответвлением хатто-каскайцев, смешавшимися с населением Вавилона, к этому времени преимущественно ираноязычным. Версия кассито-каскайского родства, вообще говоря, имеет давнюю традицию. О том, что касситы сформировались как народ на основе каскских (кашкайских) племен, обосновавшихся в Загросе, писал, например Гр. Капанцян [Капанцян 1947: 131–135]. Надо отметить в этой связи, что первоначальный центр касситов находился все же не в горах Загроса, как принято думать [Бауэр 2011: 216], а на северо-востоке Малой Азии [Jaritz 1960: 850], насколько мы понимаем, в верховьях Евфрата и в его среднем течении, вдоль впадающей в него справа реки Хабур.

Отсюда, кроме всего прочего, высказывавшаяся неоднократно мысль о возможной внутренней связи касситского языка с хаттским и соответственно с каскским языком [Forrer 1930: 230]. Что неизбежно ставит и вопрос о характере взаимодействия касситского языка с абхазо-черкесскими языками. Так, Б. Грозни считает язык касситов одним из древних кавказских языков и усматривает прямую связь между касситами Передней Азии, касками Анатолии и касогами Кавказа. По-видимому, из множества кавказских языков, прежде всего, именно проточеркесский язык был наиболее тесно связан с древним, еще не иранизированным касситским языком. Поэтому касаясь этой гипотезы, и фактически поддерживая ее, И. Алиев пишет: «Кашков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: касоги)» [Алиев 1960: 81].

Важно, как мы убеждаемся, представить с самого начала общую картину раннего этногенеза черкесского народа, способную объединить в одно целое некоторое множество имеющих отношение к данной проблеме взаимосвязанных, дополняющих друг друга и принципиально важных сведений, фактов, отношений.

В числе первоочередных следует назвать при этом ставший, кажется, уже неоспоримым факт хатто-абхазо-адыгского языкового и культурного родства. Трудно переоценить вслед за этим соотносимый чаще всего с хатто-абхазо-адыгским населением фактор майкопской культуры и выступающий в этой же роли феномен дольменной культуры, глубоко и теснейшим образом связанный с майкопом. По общему мнению многих исследователей, эти культуры, не смотря на то, что они испытали огромное влияние народов и культур Передней Азии и Европы, являются материальным выражением внутреннего единства и общности населения почти на всей северо-западной и северной части Кавказа.

К настоящему времени хорошие перспективы для формирования внятной, вполне осязаемой общей картины раннего этногенеза абхазо-адыгов создали результаты многочисленных археологических раскопок и исследований, начало которым положили, сделанные Н.И. Веселовским в 1897 находки в Большом Майкопском курганном захоронении (местное название Ошад). Исследования А.А. Йессена, Е.П. Крупнова, А.Д. Столяра, А.А. Формозова, Р.М. Мунчаева, С.Н. Кореневского, А.Д. Резепкина, В.А. Трифонова, А.А. Нехаева, многих других отечественных ученых подготовили почву для различных гипотез и версий участия местного населения в создании предмайкопской (дарквето-мешоковской) и майкопской культур. Можно говорить, таким образом, и о формировании населения, консолидированного в предмайкопскую и майкопскую общность со специфичными для них формами социальной самоорганизации, материального и духовного производства.

Стала, в частности, очевидной возможность предположить (во всяком случае, в качестве гипотезы), что древнейшая история или предыстория черкесов уходит своими корнями в эпоху мезолита. Хотя вполне определенно дает о себе знать только в период энеолита и ранней бронзы, когда на Северном Кавказе возникли и получили развитие две пересекающиеся во времени и пространстве культуры: дарквети-мешоковская и майкопская.

Принципиальное значение имеет, кроме того, культура Аладжа-Хююка в Центральной Анатолии. Установлено, что она сопоставима с майкопской материально и (в меньшей степени) хронологически [Frankfort 1996: 231–233; Acurgal 1979: 20; Acurgal 2015: 7–8], что в любом случае свидетельствует о сохранении или воспроизводстве элементов кавказско-анатолийской общности. В «Царских гробницах» Аладжа-Хююка останки лежали в могилах на правом боку, в характерной для майкопа позе адорации головой на юг. Рядом с покойниками располагалось множество металлических, в том числе золотых изделий, напоминающих находки из майкопского кургана Ошад. В их числе сосуды, ювелирные изделия, оружие. Большую известность получили солнечные диски, напоминающие найденный в кургане Ошад скипетр из пучка золотых и серебряных стрел с насаженными на них бычками.

Существует разделяемое рядом археологов и лингвистов общее мнение, согласно которому создателями и носителями названных культур были изначально племена, говорившие на древнем хатто-абхазо-адыгском языке [Клейн 2007: 74–75; Kassian 2010; Бифов 2018]. На языке племен, которых можно объединить сейчас под общим названием хатто-каскайских (с учетом «азианического» и индоевропейского названий проточеркесов).

Что касается майкопской культуры, то в IV веке до н. э. она стала, по словам Е.Н. Черных, «прародительницей» и центром Циркумпонтийской металлургической

провинции, охватывавшей громадное, населенное множеством племен и народов пространство вокруг Черного моря [Черных 2008: 37]. По уровню развития металлургического производства майкоп в этот период превосходил производство и металлообработку угасающей Балкано-Карпатской провинции и богатых, цивилизованных стран в Анатолии, Месопотамии, Египте [Chernych 1992; Клейн 2007].

Основываясь на результатах археологических и историко-лингвистических исследований последних десятилетий можно предположить также, что распространение, этническое и культурное развитие хатто-каскайского населения ознаменовалось интенсивным взаимодействием с соседними народами не только на Кавказе и в Юго-Восточной Европе, но и на Ближнем Востоке. С одной стороны, эти процессы сопровождалось обогащением майкопской культуры достижениями соседних народов и расширением сферы влияния майкопской культуры на культуру сопредельных регионов, так или иначе вовлеченных в сферу влияния Циркумпонтийской металлургической провинции. А с другой – формированием в Передней Азии новых этнических общностей – эламитов, касситов, луллубеев, родственных между собой [Winkler 1892; Hüsing 1908: 23], и вместе с тем культурно и генетически связанных с хатто-каскайцами Анатолии и Северного Кавказа [Forrer 1930: 230; Алиев 1960: 81].

3

В специальном рассмотрении нуждается особая роль хеттов в этнической истории черкесов. В настоящее время, как мы знаем, не только исторические, но, что особенно важно, и лингвистические данные свидетельствуют о том, что «носители хетто-лувийских языков, прежде чем переселиться в Малую Азию, длительное время обитали на Кавказе» [Дунаевская 1969: 15] и находились здесь в тесном контакте с местным хатто-каскайским населением, перенимая элементы их языка и культуры. Во всяком случае, эта версия остается одной из основных, когда речь заходит о ранней истории хеттов.

Тесное культурно-языковое взаимодействие хеттов с хаттами продолжилось и после завоевания Страны хаттов в Анатолии. Достаточно вспомнить, что некоторое время хетты пользовались хаттским языком как государственным, а также поклонялись хаттским богам, соблюдали хаттские обычаи, обряды, ритуалы. Сохранили за собой и прежнее название страны – Хатти/Хаттия. Кроме того, они поддерживали особенно близкие политические и культурные отношения с ответвлениями хатто-каскайского населения на Ближнем Востоке, в частности, с касситами. Но, правда, с касками на северо-востоке Анатолии находились в состоянии перманентной вражды и войны, что вполне объяснимо естественным желанием касков вернуть себе контроль над всей прежней Страной хаттов.

Известно, что благодаря хеттам и в тесном взаимодействии с ними касситы воцарились в 1595 г. в Вавилоне, когда хеттский царь Мурсили I (внук Анниты) с объединенными хетто-касситскими войсками взял город штурмом, сверг и пленил вавилонского царя Самсудитана (праправнука Хаммурапи) и, оставив город разрушенным, с победой возвратился в Хаттусу. Удовольствовавшись этим, он открыл для касситов путь для их правления в Вавилоне [Richardson 1969: 347], которое с этого времени продолжалось почти 500 лет.

И в дальнейшем хетты активно поддерживали касситов в их сложных отношениях с египтянами, ассирийцами, хурритами и другими народами Ближнего Востока. Дружеские, союзнические отношения связывали Кардунияш (Касситский Вавилон) и Хаттию (Хеттскую державу) на протяжении всех столетий правления касситской династии в Вавилоне – вплоть до начала XII в. до н.э., когда хеттское царство прекратило свое существование под ударами народов моря. Показательно, что после этого ослабленные опустошительными походами ассирийцев,

лишившись поддержки египтян, хурритов, хеттов, а также эламитов, питавших надежду установить свое господство в Вавилоне, касситы недолго сохраняли свою власть в Кардунияше, всего около 40–50 лет.

Все это позволяет считать хеттов в известной мере продолжателями хатто-каскайских культурных и языковых традиций. Хаттский язык лег в основу хеттского языка в качестве субстрата, что позволяет современным исследователям обнаруживать хатто-абхазо-адыгские языковые параллели, используя для этого также и средства индоевропейского хеттского (лувийского) языка. Например, хеттское *zahhai* (битва, сражение), заимствованное, возможно, из хаттского языка [Ардзинба 1982: 80], сопоставимо с адыгским *зэхэуэ* (стычка, сражение). Можно предположить, что результатом длительного сосуществования индоевропейского хеттского и протоадыгского языков стали такие соответствия как *aṣu* [Дунаевская 1969: 62] и *шы* (лошадь), *arma* [Дунаевская 1969: 98] и *мазэ* (луна, месяц), *pankus* [История Древнего Востока 1979: 200] и *пэку* (народное собрание вече). Также точно, как у хеттов, у адыгов народные собрания включали в себя все свободное мужское население и отсюда древнее общеиндоевропейское значение слова *pankus* «обширный, густой, совокупный, объединенный» [Иванов 2007: 473–474]. Но такое значение заключено и во внутренней форме адыгского термина *пэ-ку* – букв. «первичный, начальный, общий сход».

Заостряя на этом внимание, следует подчеркнуть, что хатто-хеттское культурно-языковое и политическое взаимодействие складывалось и развивалось на фоне длительных и масштабных контактов северокавказцев с индоевропейцами. И отсюда в их языках десятки, сотни одних и тех же слов с одним и тем же значением. Во многих случаях это заимствования, сделанные индоевропейскими языками из хатто-каскайских языков. Ср. например: черк. *нысэ* «невеста», русск. невеста, черк. *шы*, убых. алашэ «лошадь», русск. «лошадь», инд. *асва* «лошадь», черк. *жэзэу* «очаг», *жээн* «жарить», русск. «жарить»; черк. *адэи* и хеттское *attuṣ* – «отцы», «родственники по отцовской линии», черк. *анэи* и хеттское *annuṣ* «матери», «родственники по материнской линии».

4

В заключении отметим еще раз и особо эвристическую значимость изложенного подхода к этногенезу и этнической истории хатто-абхазо-адыгских племен. Вполне обоснованным и правомерным представляется он на фоне исследований, выдвигающих и поддерживающих гипотезу культурно-языкового единства кавказских и анатолийских хаттов в период, предшествовавший последнему глобальному потеплению. Согласуется также и с гипотезой последовавшей за этим этногенетической дивергенции кавказско-анатолийской общности, с предположением о том, что каждая из ветвей хатто-абхазо-адыгской общности (кавказская и анатолийская) имела индоевропейское название *kas/kas*, *kaska/kaska*.

Одной из главных причин такого разделения стало глобальное потепление и таяние ледников в IX тыс. до н.э., когда Чёрное море поднялось более чем на 100 м и вместе с труднодоступными горами и густыми лесами Западного Кавказа стало препятствием для общения анатолийских и кавказских хаттов (протоабхазо-черкесов). Культурная и языковая связь между ними устанавливается сейчас только благодаря специальным изысканиям, начало которым положили труды Е. Форрера и Б. Грозного, а в отечественной науке работы И.М. Дунаевской, И.М. Дьяконова, В.В. Иванова, В.Г. Ардзинба, Н.Г. Ловпаче, Р.Ж. Бетророва и др.

Впоследствии кавказская культурно-языковая ветвь разделилась, как мы знаем, на две подгруппы. Первая из них протоабхазская на Юго-Восточном побережье Черного моря и в Центральном Предкавказье (нынешние абхазы и абазины). Вторая – проточеркеская на Северо-Западном и Северном Кавказе и в Северном

Причерноморье. На ее основе сформировались кабардинцы (включая нынешних черкесов), адыгейцы (кяхи), убыхи.

Очевидная близость между этими подгруппами позволяет говорить о том, что абхазо-адыгские языки на Кавказе обособились друг от друга гораздо позже, чем от хаттского в Анатолии. На наш взгляд, обособление абхазо-абазинских и адыгских этнических групп и языков могло окончательно состояться не раньше IV тыс. до н.э. Есть мнение, что это могло произойти позже – в III–II тыс. до н.э. [Анчабадзе 1964: 120–121; Инал-Ипа 1965: 86]. Думаю, следует принять эту дату как наиболее вероятную.

Источники и литература

1. Алиев И. История Мидии. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1960. 360 с.
2. Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964. 240 с.
3. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 250 с.
4. Бауэр С.У. История Древнего мира. От истоков цивилизации до падения Рима. М.: АСТ: Астрель, 2011. 988 с.
5. Бетров Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик: Эльбрус, 1998. 280 с.
6. Бгажноков Б.Х. Культ собаки и семантика хьэ в языковом сознании черкесов // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2016. № 1 (28). С. 7–22.
7. Бифов Э.Р. Вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов в свете современных данных лингвистики, генетики и археологии // Вестник науки АРИГИ. № 12 (36). Майкоп, 2018. С. 50–65.
8. Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре каспских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вып. 1. Вопросы хеттологии и хурритологии. М.: Изд. Восточной литературы, 1961. С. 161–210.
9. Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов. М.: Наука, 1969. 115 с.
10. Иванов Вяч.Вс. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Индоевропейские корни в хеттском языке. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. 559 с.
11. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965. 595 с.
12. История Древнего Востока. М.: Высшая школа, 1979. 396 с.
13. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1947. 290 с.
14. Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007.
15. Черных Е.Н. Евразийский «степной пояс»: у истоков формирования // Природа. № 3. 2008. С. 34–43.
16. Acurgal E. Die Kunst der Hethiter. München: Hirmer, 1979. 124 p.
17. Acurgal E. Hatti uygarlılari. Ankara: Phenix Yayınevi, 2015. 352 p.
18. Forrer E. Stratification des Langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // Journal Asiatique, CCXVII, 1930. P. 230.
19. Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. New Haven and London: Pelican, 1996. 456 p.
20. Hrozný B. Ancient history of Western Asia, India and Crete. New York: Philosophical Library, 1953. XIV + 260 p.
21. Hüsing G. Sagros und seine Völker. Leipzig: I.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1908. 66 p.
22. Jaritz K. Die Kulturreste der Kassiten // Anthropos. Bd. 55. Wien, 1960. P. 17–84.
23. Jaritz K. Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. № 5–6. 1957. P. 850–898.
24. Kassian A. Hattic as Sino-Caucasian Language // Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Surien-Palastinas herausgegeben von Manfred Dietrich und Oswald Loretz. Band 41. Ugarit-Verlag, Münster, 2010. P. 309–448.
25. König Fr.W. Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche, 1930. 74+XVI.

26. *Richardson S.F.C.* The Collapse of a Complex State: A Reappraisal of the End of the First Dynasty of Babylon, 1683–1597 B.C. // Ph.D. diss., Columbia University, 2002. P. 347.

27. *Singer I.* Hittites and Hattians in Anatolia at the Beginning of the Second Millennium B.C. // *Journal of Indo-European Studies*. 1981. 9. P. 119–134.

28. *Chernych E.N.* Ancient metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. New York: Cambridge University Press, 1992. XXI +335.

29. *Winkler H.* Geschichte Babyloniens und Assyriens. Völker und Staaten des alten Orients 1. Leipzig: Verlag von E. Pfeiffer, 1892. 354 p.

TO THE QUESTION OF THE CAUCASSIAN-ANATOLIAN CULTURAL LINGUISTIC UNITY AND AFFINITY

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head Sector of the Ancient History and Archeology of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The problem of the Caucasian-Anatolian cultural and linguistic affinity considered once again is regarded on the basis of modern achievements in this fields: linguistics, ethnology, archeology. It is proposed to identify the concept of the Caucasian-Anatolian languages as an equivalent (analogue) of the Hattic-Abkhaz-Circasian languages that existed in prehistoric times, to consider the term Hatts as an ancient self-designation of Hatt-Abkhaz-Adygs and the tern Cas/Caska as an Indo-European exonym of these peoples. The hypothesis of ethnogenetic divergence of the Circasian-Anatolian unity, its division into two branches – Circasian and Anatolian after the last global warming in the 9th century BC is also supported. The special role of Darkveto-Mashokovskaya, pre-Maykop and Maykop cultures is emphasized.

Keywords: The Middle East, the Caucasus, Anatolian, Abkhazians (Abkhaz), Circasian, Hatts, Hetts, Maykop culture, ethnogenetic divergence, exonym.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-7-13

О КАШАКАХ (КАСАХ) И КАШАКИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН)», bbarasbi@yandex.ru

В центре внимания статьи вопросы ранней истории черкесов, когда они были известны на Кавказе и за его пределами под именем касов, кашаков, касогов, кабаров и были включены в состав Хазарского каганата, а затем Кавказской Алании. Большое место уделяется кабарам (кабардинцам). Будучи частью касского (кашакского, касогового) этнического массива они были самой влиятельной группой туземного населения Хазарии, «правлящим кланом» государства, политической и военной опорой кагана и бега. Аналогичное место занимали кабары и Страна кабаров (Кабартай) в составе Аланской конфедерации. Рассматриваются также сложные вопросы этнонимии, расселения и миграций черкесов, их преемственной связи с кавказскими и анатолийскими предками.

Ключевые слова: Северный Кавказ, раннее средневековье, этническая история, черкесы, касы, кашаки, кабары, Кабарда, Хазарский Каганат, Кавказская Алания.

1

Экзонимы *кас* и *кашаки*, синонимичные им другие имена – *кавкаси*, *хаскуы* (*каскуны*), *касахи*, *касоги*, *джаркасы*, *акасы* использовались для обозначения адыгов (черкесов) Северного Кавказа главным образом в раннем средневековье, в домонгольский период. Это был период господства хазар, затем (после падения Хазарского каганата) период формирования и развития в X–XII веках крупной Аланской конфедерации. В контактах, во внешних связях, а также и в составе этих образований касы (кашаки) и в том числе кабары (кабардинцы) занимали особое место как автохтонные и многочисленные родственные племена. Такого мнения придерживались так или иначе отечественные ученые (Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, А.В. Гадло), известные дореволюционные историки (Д.И. Иловайский, А.Я. Гаркави, Ф. Брун и др.), а также известные западные медиевисты (И. Маркварт, П. Кречмер, Д.М. Данлап и др.).

Однако в последнее время в исследованиях по этнической истории Хазарии и Кавказской Алании касы (кашаки, кабары, касахи) обычно не упоминаются вообще. В большинстве современных работ о хазарах и Хазарии речь идет об аланах, венграх, печенегах, булгарах, крымских готах, о ряде славянских племен [См. напр.: James 2009: 148–150]. Не учитывается, что кашакам (касам, касахам, кабарам) уделяли особое внимание хазарский царь Иосиф, византийский император Константин Багрянородный, знаменитые арабские историки и географы Ал-Баладзори, Масуди, многие другие авторы IX–X века.

У большого числа ученых, так же как и у простых читателей создается в итоге впечатление, что адыги как будто бы и не жили на Кавказе, а если и жили, то их место в ранней истории региона было всегда настолько малым и ничтожным, что не заслуживает обсуждения. Даже упоминания.

Пытаясь преодолеть инерцию такого взгляда, мне неоднократно приходилось высказываться о географии касского населения Северного Кавказа и Крыма, о его распространении на огромном пространстве от районов западного побережья Каспийского моря до Черного моря. Отмечалось, что с адыгским (касским, кашакским) населением связано множество топонимов, оронимов, хоронимов, гидронимов не только северо-западного, но и северо-восточного Кавказа: Киссейские горы, река Кас (Сулак), страна Каспиана, Каспийское море, гора Казбек (в древности Каспий), Кассарское ущелье, Страна Каса, Кашакия, Касахия, Черкесские горы (как синоним Главного Кавказского хребта), названия поселений и намогильных сооружений с элементом *кас/каш* и др.

Это тот случай, когда география и географические названия прямо связаны с демографией, побуждая признать, что общая численность касских племен в регионе уже в раннем средневековье была довольно внушительной. Достаточно вспомнить в этой связи слова Н.Я. Марра о том, что имена, содержащие этноним *кас/касп*, объединяют Каспийский бассейн с Понтийским. И в целом это может свидетельствовать о «соответственно широком некогда расселении в этом пространстве племен под таким названием» [Марр 1922: 336]. Или заключение И.И. Мещанинова, согласно которому касы были племенем, «давшим свое имя целой стране и морю (Кавказ и Каспий)» [Мещанинов 1925: 26].

В самом деле, не только в раннем средневековье, но, по всей вероятности, и в предшествующий период народ или родственные племена, содержащие в своем названии элемент *кас*, обитали в различных областях к северу от Главного Кавказского хребта. Что касается источников античного времени и средневековья, то присутствие адыгов прослеживается здесь в течение многих тысячелетий и практически на всем тысячекилометровом пространстве Черноморско-Каспийского перешейка, а в отдельные периоды также и в Юго-Восточном Крыму, в низовьях Дона.

Можно предположить, исходя из сказанного, что касы или кашаки, касоги – это потомки кавказских хаттов, носителей майкопской, дольменной, кобанской культур.

2

Возвращаясь к вопросу о расселении касов или кашаков (касахов, касогов) следует сказать о возможности их соотнесения с кабарями, кабардинцами, черкесами, о чем неоднократно писали дореволюционные историки. Однако в последующее время большинство известных историков (Л.И. Лавров, Е.П. Алексеева и др.), стали совершенно неоправданно игнорировать, либо отвергать эту гипотезу. Подчеркивалось, что она строится только на основании созвучия этнонимов кабары и кабардинцы, что кабары – это даже не вполне кавказцы, а жители Придонья, Северного Причерноморья. Объяснения, прямо скажем, неубедительные в первом случае и ошибочные – во втором. На самом деле кабары занимали изначально земли в Центральном и Восточном Предкавказье, но жили в разное время также и на Дону, и в Северном Причерноморье, и в Крыму и даже в Киеве, где и по сей день район их проживания сохраняет название Копырев (Кабаров) конец.

Заметим в данной связи, что в Армянской географии, отражающей этническую ситуацию первой половины VII века, среди других народов Азиатской Сарматии кабары упоминаются, судя по всему, как *хебуры* (*хебары*). Отмечается, что хебары живут вместе с *авганами* (аланами), *дигорами* (*аш-дигорами*), *кутетами* и другими племенами Кавказа [Патканов 1883: 30], располагаясь в этом порядке с запада на восток. Сообщается также, что «за дигорами (адыгами, согласно В.И. Абаеву) в области Ардоз Кавказских гор живут аланы, откуда течет река Армна (Терек)», которая, направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем

(Волгой)». А.А.Туаллагов соотносит с областью Ардоз верхнее и среднее течение реки Армна (Терек) [Туаллагов 2010: 29], что согласуется с заключениями на этот счет Ф. Миллера и А.В. Гадло.

За аланами Ардоза (видимо, с востока на Запад и ближе к склонам Кавказского хребта) Армянская география располагает 13 народов, в том числе *кистов*, *дуриков* (ингушей), *дидоев*, *леков*, *тапатаран* (*табасаран*) и в самом конце списка *шигпов*, *чигбов* (зихов), *пуиков* (пекхов или убыхов).

На картах, составленных по материалам Армянской географии, хебуров представляют как крупное племенное объединение на Среднем Кавказе. Следует думать, что, получив известность под названием кабаров (кабардинцев), этот народ стал затем составной и важной частью Хазарского каганата, а затем Аланского царства. Видимо, с ними (в меньшей степени с аланами) были объединены в этот период дигоры, а также, возможно, кутеты (кундеты). Можно предположить также, что уже в раннем средневековье за областью, занимаемой кабарами в Центральном Предкавказье, закрепилось название Кабартай с тюрко-монгольским окончанием *тай*.

Вместе с тем кабары и кабарские племена в целом относятся к числу кашакского (касского) этнического массива, исторически связанного с кавказско-анатолийскими предками абхазов и адыгов, начиная с эпохи бронзы, с касситами и касками II тыс. до н.э., с каспами античного времени. Не исключено даже, что этноним *хебур*, *хебар* в Армянской географии восходит к названию одного из самых крупных и воинственных касситских племен – *хабиру*. Особенно показательна в свете этой гипотезы взаимозаменяемость этнических имен *хабиру* и *кас/каси*. Еще в 1916 г. Г. Хьюзинг указывал на письменные источники, в которых касситов по одному и тому же поводу и событию называют то хабирами (*hapiri*, *habiri*), то касами (*kas*, *sa-kas*, *kas-sa*, *kas-si*) [Hüsing 1916: 94–95].

3

Длительное время кабары были одной из самых влиятельных групп туземного населения Хазарии, «правлящим кланом» [Голб, Притцак 1997: 54] государства, политической и военной опорой его правителей – кагана и бега (бака, шада). С этим связано, как видно, одно из значений термина *кабар* – древнеевр. «товарищ», основанное, на народной этимологии. В российской историографической традиции кабаров идентифицируют с касогами древнерусских летописей, а также с современными кабардинцами и Кабардой. Поэтому кабардинцем принято считать касожского князя Редедю, с которым в 1022 г. за обладание Тмутараканским княжеством вступил в единоборство внук Святослава Мстислав Владимирович.

О том, что кабары или кабардинцы Приазовья это, вероятно, кашаки, казахи, касоги (черкесы), восставшие против кагана и изгнанные из Центральной Хазарии, писал Ф. Брун [Брун 1879: 113]. Ссылаясь в данной связи также и на то, что боярин Хабар Симский, как сказано у Н.М. Карамзина, вел свой род от Редеди, князя касогов [Карамзин 1989: 36]. Еще раньше, в 1775 году в таком же духе высказывался Дж.Эллиас. Утверждается, что имеется прямая связь между современными черкесами и племенным объединением, инкорпорированным в состав Хазарии под именем кабаров (*Sabari*), что это тот же самый народ, который упоминается у Плиния Старшего под именем *Agedi* (адыги) [Ellias 1788: 29–30].

«Статус» кабаров как кавказского народа, тождественного адыгам, кабардинцам, поддерживают и языковеды [Мудрак 2010: 382].

Константин Багрянородный представляет кабаров как воинственный народ Хазарии, бежавший из страны после неудачного восстания и присоединившийся к венграм (к тюркам у Константина) Леведии. Указывает также, что кабары, вошедшие в конфедерацию венгров, состояли из трех тюркских племен [Константин

Багрянородный 1989: 163], следуя при этом сложившейся в этот период практике называть многие народы тюрками, хотя они не являлись таковыми. Тюрко-хазарами, ссылаясь на Константина Багрянородного, считают кабаров и многие современные исследователи, что, на наш взгляд, нуждается в существенных уточнениях. Безусловно, кабары (кабардинцы) восприняли и усвоили многие элементы языка и культуры тюрко-хазар, о чем мы неоднократно писали. Но оставались в основе своей кавказским, кашакским, касожским народом.

Можно предположить, таким образом, что в уже в VII вв. кабардинцы были ядром касских племен, преобладающим населением Центрального Кавказа. А их включение в число тюркских, а не касских, кашакских, касожских племен это только дань раннесредневековой традиции, согласно которой к тюркам причисляли множество разных народов, даже венгров.

На Северо-Западном Кавказе в качестве родственных кабарам (кабардинцам) выступают упоминающийся в Армянской географии народ *гару/гарик*, *garsk*, который ассоциируется с касами, кашаками (черкесами) [Marquart 1903: 171], а также племена, выделенные в тексте Географии под названием *чигбов* (зихов) и *пуиков* (пекхов, убыхов). Добавим к этому, что для протоармян этноним *гашик* служил обозначением касков Северо-Восточной Анатолии [Капанцян 1947: 132]. Одновременно хетты применяли имя *gashg/gashgash* к касситам и к каскам [Hrozný 1953: 49–50]. В то же время ассирийцы называли касситов и касков *каскайцями/каскайцами* – *kaskaya* [Hrozný 1953: 50].

В использовании этнонима *кас/каш/гашик* наблюдается, как мы видим, не только хронологическая, но также и определенная географическая преемственность и последовательность: одни и те же имена с элементом *кас/каш* применялись для обозначения кавказской и ближневосточной ветви хатто-абхазо-адыгов. И это лишний раз напоминает нам о некогда едином кавказско-анатолийском массиве племен и народов.

Особо следует сказать в данной связи об этническом имени *касаг/касакон*. Этот этноним и в настоящее время служит у осетин обозначением кабардинцев и Кабарды. В Осетии и сейчас вместо распространенного названия *Кабарда* применяют повсеместно термин *Касаг*, используя его даже в официальном названии Кабардино-Балкарской республики, а также в различного рода топонимах: *Касаеги будур* – «Кабардинская степь», *Касаеджы уелмсердта* – «Кабардинские захоронения» в одном из кварталов сел. Рассвет в Осетии-Алании [Осетинская этнографическая энциклопедия 2012: 287] и др.

И, наконец, самое главное. Вне всякого сомнения, именно осетинское (аланское) название кабардинцев и всех северокавказских касов/кашаков лежит в основе древнерусского названия адыгов – *касоги* и их страны *Касоги*, а также в названии *казак/казаки*, который закрепился за многими этносоциальными группами на южных рубежах России и Украины.

Значение всей совокупности этих фактов и особенно ключевого – алано-осетинского наименования адыгов трудно переоценить. Дело в том, что осетины это один из индоарийских народов. И отсюда их индоарийское и наиболее распространенное самоназвание *ир/ирон*, восходящее к древнему имени *ariya*, что и отмечено в известной работе Ф. Юсти [Justi 1895: 485]. Из этого следует, что почти все известные названия народов, так или иначе связанные с кавказскими и анатолийскими хаттами, восходят к индоевропейцам (индоарийцам). Проточеркесы тесно и длительно взаимодействовали с ними сначала в Юго-Восточной Европе, на Северном и Западном Кавказе, а затем на Ближнем Востоке и в Индии. Об этом писал, как мы знаем, Пауль Кречмер [Kretschmer 1944: 35–42], позволяя предположить, что значительная часть древних черкесов после миграций в составе индоиранцев на Ближний Восток и в Индию вернулись на Северный Кавказ, о чем постоянно напоминают нам этногенетические предания адыгов.

Как видим, история имен *кавкази*, *хаскуны* (*каскуны*), *кашаки*, *касахи*, *касоги*, *джаркасы*, *акасы*, *черкесы* и соответственно народов, к которым эти имена применялись на Северном Кавказе, уходит далеко вглубь истории. Она не исчерпывается сведениями античных писателей о *кисах*, *кизах*, *кизиках*, *каси*, *киссиантах*, *каспах* или агдеях (адыгах), живших в центральном Предкавказье в низовьях Киссийских гор (Плиний Старший). Не ограничивается также и данными Певтингеровой карты (III–IV вв.) о *кавказах* (*caucasi*), страна которых граничит с синдами, аланами, зихами (хизоями), аорсами. Или сведениями грузинских летописей о народе *хаскун* (*каскун*), с которым византийский император Юстиниан I (527–565) «вел войну в пограничной к Овсетии стране» [Джанашвили 1897: 21], защищая восставших против греков абазгов от расправы над ними византийцев и картлийцев.

5

Вывод, который следует из всего сказанного, представляется нам вполне предсказуемым. Основываясь на древних именах, применявшихся индоиранцами по отношению к анатолийским и кавказским хаттам, следует думать, что в средние века сформировался и распространился особенно среди арабов и других народов Востока этноним общий для всех черкесских племен – *касаки/кашаки* (*kashaki*). По данным арабских географов IX–X веков даже в период господства хазаров этот народ занимал большую часть всего Северного Кавказа. При этом кабары (кабардинцы), будучи относительно крупным кашакским объединением располагались в Центральном Предкавказье как в период господства хазар, так, и в период расширения пределов Кавказской Алании, что хорошо показано на карте, составленной А.В. Гадло [Гадло 1979: 202].

Рис. 1. Этническая ситуация на Северном Кавказе.
Вторая половина XI – начало XIII в. (По А.В. Гадло)

Самого пристального внимания заслуживают в этой связи сообщения арабско-го историка IX века ал-Баладзори и затем Этхема ал-Куфи о Стране кашаков. По их словам, которые были отмечены и поддержаны Данлапом [Dunlop 1954: 80–81],

в 737 году во время очередной победоносной Арабо-Хазарской войны полководец Мерван ибн-Мухаммад, руководивший походом, устроил свою ставку на Северном Кавказе в Стране Касäk (Kasäk, Kasäl) в 40 парасангах от Бардхааха (столица Кавказской Албании) и в 20 парасангах (100–120 км) от Тифлиса [Al-Baladhuri 1866: 207].

По-видимому, в этот момент кашаки и другие кавказские народы поддержали Мервана и способствовали победе 150-тысячного арабского войска над хазарами. Не исключено, что они принимали участие в осаде и взятии штурмом хазарской столицы Семендер в Приморском Дагестане, после чего главный город Хазарии был перенесен в низовье Волги и получил название Итиль.

Из сведений Ал-Баладзори вытекают три очень важных для нас заключения:

1) В глазах арабских историков и географов кабары (кабардинцы) Северного Кавказа это касаки (кашаки), а Кабарда – это Касакия (Кашакия) или часть Кашакии.

2) Ставка Мервана II в Кашакии располагалась где-то в районе современного Татартупа или Владикавказа, что может свидетельствовать о том, что ко времени его похода в Хазарию (737 год) границы Кабарды продвинулись на юго-восток.

3) Из всего этого следует также, что в VIII веке юго-восточные границы Страны касов, кашаков или кабаров простирались, видимо, до Сунжи, а кое-где, возможно, до Аргуна. Подтверждается, таким образом, мнение А.В. Гадло о том, что Алания или страна Ирхан в VIII–IX вв. занимала горы и предгорья за Сунжей к юго-востоку от Дарьяльского ущелья [Гадло 1984; Гадло 1984, 1998].

По-видимому, до миграции трех кабарских (кабардинских) племен на северо-восток во второй половине IX века касы или кашаки владели на Северном Кавказе территорией от Сунжи и Аргуна на востоке до Черного моря на западе. Такое положение сохранялось, надо думать, вплоть до конца 860-х годов, до подавления восстания кабаров (кабардинцев, касов) в Хазарии в начале 860-х годов. Значительная часть этого народа мигрировала в это время в низовья Дона, а также в районы на востоке и на северо-востоке от Азовского моря и присоединилась там к венграм Леведии, враждовавшим с хазарами. Но другая, по-видимому, большая часть оставалась в Центральном Предкавказье, мнение которое поддерживают некоторым образом Н. Голб и О. Притцак, утверждая, что после неудачного восстания Хазарию покинула только часть кабарских (каварских племен), непосредственно вовлеченная в конфликт с верховной властью в Каганате [Голб, Притцак 1997: 75–76].

Одним словом, Кабарда в Центральном Предкавказье продолжала свое существование и сохраняла статус особой социальной, политической, этноконтактной зоны. По всей вероятности, с учетом этого очень важного обстоятельства А.В. Гадло помещает Кабарду в самом центре Алании, там, где кабардинцы сосредоточены и в настоящее время.

Составляя эту карту А.В. Гадло, надо полагать, руководствовался мыслью и данными о том, что Кабарда всегда сохраняла за собой Центральное Предкавказье от Пятигорья до Терека и Сунжи, а асы или аланы в этом регионе располагались главным образом к югу от кабардинцев в горах и предгорьях Кавказа. Кроме того, карта позволяет сделать определенные выводы относительно расселения в этот период чеченцев и ингушей, находившихся с черкесами в родстве, восходящем к культурному взаимодействию на Ближнем Востоке хурритов, касков, касситов. Показано, в частности, что во времена Аланской конфедерации чеченцы (цанары) оставались еще в Закавказье, а ингуши (дурдзуки) жили в междуречье Сунжи и Аргуна.

В то же время после вынужденной миграции части кабаров (кабардинцев) на северо-восток, в низовьях Дона сформировалась еще одна Кабарда, а на севере Таганрогского залива и в Крыму были созданы поселения и области с кабардинским (кашакским) населением. Это подтверждается множеством, в том числе и

картографических материалов, но требует отдельного и специального исследования в связи с действиями кабаров в союзе с венграми, с учетом влияний, которые оказал этот короткий период (около 25–30 лет) на этническую историю черкесов.

И последнее, о чем необходимо сказать. Я хорошо отдаю себе отчет в том, что многие суждения, изложенные в настоящей статье, носят дискуссионный, гипотетический характер и в этом смысле не отличаются от многих других работ, посвященных далекому прошлому Кавказа. Остается только надеяться, что эти гипотезы подкреплены достаточно вескими аргументами, число которых нетрудно многократно умножить, но трудно вместить в узкие рамки небольшой публикации.

Источники и литература

1. Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Одесса, 1879. Ч. I.
2. Гадло А.В. Известия о хазарах и Хазарии в позднесредневековой дагестанской хронике «Дербент наме» // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998. С. 187–198.
3. Гадло А.В. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербенд-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 118–138.
4. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. 217 с.
5. Голб Н., Прутцак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.;Иерусалим: Гешарим, 1997. 239 с.
6. Джанашивили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. Отд. I. С. 1–196.
7. Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга II. Т. VIII. Прим. 224. М.: Книга, 1989.
8. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1947. 290 с.
9. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 493 с.
10. Марр Н.А. Каппадокийцы и их двойники // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Петербург, 1922. Т. II. С. 332–336.
11. Мещанинов И. Каменные статуи рыб – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Записки коллегии востоковедов. Л., 1925. Т. I. С. 26–42.
12. Мудрак О.А. Ранние хазары с точки зрения этимологии // Хазары: Миф и история. М.;Иерусалим, 2010. С. 374–389.
13. Осетинская этнографическая энциклопедия, гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. 688 с.
14. Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1883. Т. 4. ССХХУІ. С. 1–32.
15. Туаллагов А.А. Сведения «Ашхарацуйц» об аланах // Известия СОИГСИ. Вып. 4 (43). Владикавказ, 2010. С. 24–36.
16. *Al-Balādhuri*. *Futūh al-Buldān* // ed. M.J. de Goeje. Leiden. 1866.
17. *Dunlop D.M.* The history of the jewish khazars. Princeton: University Press, 1954. XVI. 293 p.
18. *Ellias J.* Memoir of a map of the countries comprehended between the Blak Sea and the Caspian with an account of the Caucasian nations and vocabularies of their languages. London: J. Edwards, 1788. IV. 80 p.
19. *Hrozny B.* Ancient history of Western Asia, India and Crete. New York: Philosphical Library, 1953. XIV. 260 p.
20. *Hüsing G.* Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. 1. Teil. Altelamische Texte. Leipzig: J.C. Hinrichs sche Buchhandlung, 1916. 98 s.
21. *James H.-J.* The Jews of Khasaria (review) // *Shofar: An Interdisciplinary Journal of Jewich Studies*. Oxford, 2009. № 27 (2). P. 148–150.
22. *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg: N.G. Elwertsche Verlagsbuchhandlung, 1895. 526 s.

23. *Kretschmer Paul*. Inder am Kuban // Anzeig der Akademie der Wissenschaft in Wien. Philosophische historische Klasse. 80. Jahrgang, 1943. Brunnen, München, Wien, 1944. S. 35–42.

24. *König Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dariosl. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1930. 76 s.

25. *Marquart J.* Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge; Ethnologische und Historisch-Topographische Stunden zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (Ca. 840–940). Leipzig, 1903. 557 s.

ABOUT KASHAKS (KASAKHS) AND KASHAKIA IN THE NORTH CAUCASUS

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head Sector of the Ancient History and Archeology of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The main focus article are some issues of the early history of the Circassians, when they were known in the Caucasus and beyond by the name of Kass, Kassak, Kasog, Khabar and were included in the Khazar Khaganate and later in Caucasian Alania. Much attention is paid to Khabar(s) (Kabardian(s)).

Being part of the Kas (kashak, kasog) ethnic group, they were the most influential group of the native population of Khazaria, ruling clan of the state, the political and military support of the Kagan and Bega. A similar place was taken by Kabar(s) and the Country of Kabars (Kabartay) as part of the Alan Confederation.

The article also consider complex issues of ethnonymy, settlement and migration of Circassians, their continuity with the Caucasian and Anatolian ancestors .

Keywords: North Caucasus, early Middle Ages, ethnic history, Circassians, kass., kassak, kabar, Kabarda, Khazar, Khaganate, Caucassian Alania.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-14-21

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО КАК СИСТЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Базиева Гульфия Джамаловна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gbaz@mail.ru

Народное искусство бытует как в прошлом, так и в настоящем по фольклорному типу и передается от лица к лицу, от поколения к поколению в акте непосредственной коммуникации. Передача культурной информации в народном искусстве является механизмом функционирования, воспроизведения и передачи социокультурного опыта в пространстве и во времени, который реализуется в процессе коллективной деятельности. В качестве системы социокультурной коммуникации народное искусство отражает соционормативные представления, эстетические, этические, религиозные ценности, а также многообразные формы их выражения: вербальные, иконические, музыкальные, хореографические, предметно-вещественные. Целью данного исследования является анализ народного искусства Кабардино-Балкарии как культурного текста в единстве всех его составляющих (устно-поэтическое творчество, прикладное искусство, музыкальное и хореографическое искусство).

Культурологическая методология предполагает вычленение неких инвариантных свойств народного искусства, формирующих духовно-нравственный уклад этноса и выполняющих роль важного канала социокультурной коммуникации.

Ключевые слова: народное искусство, социокультурная коммуникация, культурный текст, коммуникативные функции, Кабардино-Балкария, Северный Кавказ.

Начиная с момента своего возникновения культура осознает себя как определенную систему ценностей и смыслов, норм и традиций, как знаковую систему, используемую для обобщения, закрепления и передачи коллективного опыта, являясь системой, направленной на социокультурную коммуникацию на межличностном, межгрупповом и межнациональном уровнях.

В рамках структуралистского подхода культура рассматривается как система организации и упорядочения знаний, представлений, знаков, символов, значений, языков информационного обмена и др., как совокупность кодов социально значимой информации и коммуникации [Флиер 1996: 8]. Народное искусство как первичная форма развития бытовой культуры выполняло не только утилитарные функции, но развивалось и как система социокультурной коммуникации, так как различные элементы, формирующие традиции, закреплялись в акте непосредственной коммуникации. Выделяют следующие типы социокультурных коммуникаций: по характеру субъектов коммуникации (межличностная, личностно-групповая, межгрупповая, межкультурная и др.); по формам коммуникации (вербальная, невербальная); по уровням протекания коммуникации (на уровне обыденной культуры, в специализированных областях социокультурной практики, в контексте трансляции культурного опыта от специализированного уровня к обыденному и т.п. [Культурология 1998: 317].

Передача культурной информации в акте непосредственной коммуникации в народном искусстве является механизмом функционирования, воспроизведения и

передачи социокультурного опыта в пространстве и во времени непосредственно от человека к человеку, от поколения к поколению, который реализуется в процессе коллективной деятельности. В фольклористике такой механизм нередко называют устностью, устной передачей культурных текстов, охватывающих все сферы народной культуры [Народная культура... 2000: 49], активно взаимодействующими на всех уровнях социокультурных коммуникаций.

Инвариантное содержание народного искусства отражается в культурных текстах разной знаковой природы (устно-поэтическое творчество, хореографическое искусство, музыка, декоративно-прикладное искусство, материально-вещный пласт культуры). Классические фольклорные тексты отличаются сочетанием двух противоположных качеств, которые характеризуют все формы традиционной культуры. С одной стороны, фольклор как культурный текст (словесный, музыкальный, иконический, хореографический) отличается стабильностью, стереотипностью, устойчивостью для всех членов носителей данной традиции. Данные свойства прослеживаются в формах ритуализированного поведения и социального действия, в художественных образах, сюжетах, мотивах, составляющих в каждой культуре ее первооснову.

С другой стороны, фольклорный текст динамичен, вариативен, пластичен, отличается импровизационностью в процессе адаптации к конкретным ситуациям. Однако импровизация реализуется в рамках, заданных культурой и социальной ситуацией, связь с окружением (обрядовые игры, обычаи и т.д.) максимальна. Таким образом происходит актуализация культурного текста в момент его воспроизведения в той или иной социальной ситуации. При этом импровизация и варьирование в значительной степени связаны не только с индивидуальностью и опытом певца, сказителя, мастера, но и с характером бытовой ситуации, в которой воспроизводится и функционирует культурный текст в данном конкретном случае.

Как известно, важными семантическими значениями в культуре народов Северного Кавказа наделялись песни-сказания, которые исполнялись сказителями (у кабардинцев – джегуако (гегуако), у балкарцев – халкжырчи, у лезгин – ашуг, у лакцев – ашук, у даргинцев – далайла-уста, у кумыков – йырчи, у аварцев – кочохан, шаир, у осетин – кадаганаг). «Эстетический аспект коммуникативной деятельности странствующих джегуако и дружинных песнетворцев характеризуется созданием и распространением ими произведений искусства – песен, стихотворений, сказок, танцевальных номеров и прочего» [Налоев, 1978: 55].

Балкарский просветитель С.-А. Урусбиев писал о народных певцах: «Они, как древние пророки, восхваляли добродетель и карали пороки и проливали свет на самые глубокие вопросы народной жизни. Понимая, или лучше, чувствуя пользу, приносимую гегуако, народ уважал и любил их и обеспечивал им неприкосновенность и полную свободу: они могли смело говорить во всеулышание обо всем и обо всех, предавать всенародному порицанию и посмеянию все, что они признавали достойным» [Урусбиев 1993: 45].

В романе А.П. Кешокова «Корни» один из основных героев – джегуако Уазырмас, который «славился не только острословием и великолепным голосом, но и удивительной памятью. Где, о ком, по какому поводу, в каком ущелье, на каком из адыгских наречий была сочинена та или иная песня – все знал Уазырмас. Возникнет тяжба между князьями, надо восстановить справедливость, освежить в памяти истинное положение каждого из них – опять зовут Уарзымаса, – уж он точно помнит, где пролегла межа, кто и где раньше жил, откуда какой род пошел. И слово его принималось на веру без оговорок. Без него свадьба не свадьба, молебен не молебен. Случалось, что брали его собой в ночные набеги, и если суждено было кому-то погибнуть в схватке – труп везли домой поперек седла под сопровождение сложенной по пути героической песни-плача джегуако» [Кешоков 2009: 132].

Стремление к лицедейству выражалось и в институте ряженных (у кабардинцев – ажагафа, у балкарцев – кепчи, теке, у чеченцев – духаделла, у лезгинов – квасади и т.д.) – своеобразных мимов, прибегающих к элементам пантомимы, имитации. Как пишет З.М. Налоев, «где бы ни появлялся ажагафа, он приносил с собой веселый языческий смех, который противостоял религиозной и официальной серьезности регламентированной жизни» [Налоев 1978: 30].

А.Т. Шортанов подчеркивал различия между народным зрелищем «ажагафа» от искусства «джегуако»: « Если первое целиком и полностью основано на традиционных, веками выработанных и уже отчасти канонизированных формах народного зрелища, то второе, сохраняя определенные традиции первого, активно и непосредственно вмешивалось в жизнь, в события дня, остро и ярко комментировало происходящее, опираясь на реалистические приемы, на живой разговорный язык» [Шортанов 1961: 11].

Фольклорные тексты в народной культуре наделялись важными функционально – семантическими значениями, что подтверждает их непреходящее значение в современной художественной практике. Фольклорные традиции в современной литературе, как подчеркивает А.М. Сарбашева, рассматриваются не как система заимствованных художественных приемов, но как философско-мировоззренческая категория [Сарбашева 2019: 157].

Вершиной народного творчества северокавказских народов является героический эпос «Нарты», «воплотивший в своих лучших образах представления народа об идеальном герое – защитнике родной земли» [Хаджиева 1994: 61], имеющий огромное воспитательное значение. Героический эпос «Нарты» является одним из развитых эпосов мира и по художественной ценности не уступает французскому эпосу «Песнь о Роланде», немецкому «Песнь о Нибелунгах» и др.

Анализ эпоса «Нарты» позволяет говорить как о типологическом сходстве, так и различиях в каждом национальном варианте эпоса. Так, многие имена, образы и сюжеты в эпосе народов Северного Кавказа идентичны (Сосуруко, Ашамез, Акуанда, Сатаней, Дебеч – у адыгов, Сосурук, Ачемез, Агунда, Сатанай, Дебет – у карачаевцев и балкарцев, Сослан (Созрыко), Ацамаз, Агунда, Сатана – у осетин, Сеску-Солсу – у чеченцев и ингушей), что подчеркивает важную коммуникативную функцию эпоса, который распространялся не только в моноэтнической среде, но и на сопредельные территории.

Нартовский эпос бытует в двух формах: прозаической и стихотворной. Манера исполнения сказителями песен была различной в зависимости от содержания. Так, песни древнейшего цикла исполнялись в спокойной, размеренной манере, а песни историко-героические или плачевные – взволнованно и эмоционально. «Здесь певец сопереживает событиям и деяниям, о которых поет, – отсюда и подчеркнутая декламационность, и яркая выразительность, и взволнованная манера исполнения, и совершенно особенное эмоциональное воздействие на аудиторию» [Рахаев 2002: 130], – отмечает А.И. Рахаев.

Сказительство, как важная часть народного творчества, было особо почитаемым в этнической среде искусством, но развивалось не только в узконациональных рамках. Так, Х.Х. Малкондуев подчеркивал, что в состязаниях народных певцов могли участвовать все желающие, знающие язык, на котором проводится народный «конкурс». Например, были случаи, когда в карачаево-балкарском поединке иногда побеждали кабардинцы или сваны. Наиболее известные карачаево-балкарские певцы приглашались для участия в проведении народных праздников в Кумыкию и ногоайские аулы. Карачаевский князь Исмаил Урусбиев исполнял песни на кабардинском, осетинском, грузинском языках [Малкондуев 1996: 132].

Сфера бытования народного искусства была достаточно широкой, тем самым восполнялся вакуум отсутствия профессионального искусства. Все формы и виды

народного творчества функционировали в рамках определенной культурно-эстетической системы и являлись отражением ее нравственных, эстетических, социальных и духовных устоев.

В различных образцах войлочного производства, плетения, резьбе по дереву и камню, золотному шитью, ювелирному искусству народов Северного Кавказа можно отметить не только локальные специфические особенности данной культурно-исторической (и цивилизационной) общности, но и эффект резонанса в других структурах.

Изделия прикладного искусства на Северном Кавказе были не только предметами бытовой культуры, но выполняли памятно-культурную и коммуникативную функции, передаваясь из поколения в поколение (нагрудные украшения, пояса, браслеты, оружие, кинжалы, красочные войлочные изделия, арджэны, предметы национальной одежды, платки, сундуки и др.).

Особую роль в народном искусстве играло танцевальное творчество, без которого не обходилось ни одно праздничное мероприятие. Народная хореография составляет одну из важнейших сторон духовной культуры народов Северного Кавказа. Танцы подразделялись на праздничные, охотничьи, героические, обрядовые и др. В культуре народов Северного Кавказа выделяют общий круговой подвижный танец (у кабардинцев и черкесов – «Исламей», адыгейцев – «Исламий», у карачаевцев – «Стемей», балкарцев «Тегерек тепсеу», «Асланбий», дагестанцев, чеченцев и ингушей – «Лезгинка» и др.), лирический танец, без касания рук друг друга (у балкарцев и карачаевцев «Тюз тепсеу», у кабардинцев – «Кафа», адыгейцев – «Зафак», ногайцев «Узун», осетин – «Хонга кафт»), лирический танец с касанием рук партнеров (у балкарцев и карачаевцев «Абезех», «Жия» и др., у кабардинцев и черкесов «Удж пух» и «Удж хешт», адыгейцев – «Удж-хурай», осетин «Симд», ногайцев – «Кошемек» [Кудаев 1984: 8]. К общим чертам в танцевальной культуре народов региона относятся вставание на носки, вскидывание рук, одежда, украшения, реквизит, музыкальные инструменты. Происхождение «танца на носках» исследователями объясняется стремлением горцев подражать орлу или диким животным, вскакивающим на копыта. К особенностям общего кругового танца можно отнести различные сложные элементы исполнения, так как танец относится к числу танцев-соревнований между мужчинами, демонстрирующими ловкость и грацию одновременно. Коммуникация во всех видах народного танца имела первостепенное значение, так как предполагала живой диалог, коллективное тесное взаимодействие. В лирическом адыгском танце, как отмечает Л.Г. Нагайцева, «в мягкой пластике и грациозно спокойном корпусе, в четких стелющихся синхронных движениях ног раскрывались чистота, трепетная нежность и целомудрие чувств, внутренний порыв и устремленность танцующих друг к другу» [Нагайцева 1986: 36].

Музыкальное сопровождение народным танцам обеспечивал народный инструментарий, который состоял из *духовых* (у кабардинцев – бжами, у балкарцев – сыбызгы (род тростниковой или металлической флейты), *смычковых* (у кабардинцев – шикапшина, у балкарцев – жия-кьобуз), *ударных* (у кабардинцев – пхацьч, у балкарцев – хьарс (деревянный брусок из связанных вместе пластинок) и *струнно-щипковых инструментов* (у кабардинцев – апэ-пшынгэ, у балкарцев – кыл-кьобуз).

Все виды традиционного искусства народов Северного Кавказа функционировали в рамках определенной социокультурной системы и развивались в рамках не только строго структурированного текста, но и активно подвергались «внетекстовому» влиянию. Обобщение, отбор наиболее значимого для этноса опыта, текстового материала и сохранение в коллективной культурной памяти происходили в акте непосредственной коммуникации. При этом, развиваясь в рамках семьи или определенного населенного пункта, народное творчество формировало этнические

традиции в различных видах искусства, а лучшие его образцы достигали межкультурного, межэтнического уровня. Не случайно складывались целые династии сказителей, мастеров прикладного искусства, исполнителей национальных танцев и др., где приемы мастерства передавались от родителей к детям, а затем приобретали черты традиционности для данного этноса. Таким образом, народное искусство народов Северного Кавказа, формируясь в тесной взаимосвязи с социальным бытием, играло важную роль в этнокультурном пространстве, выполняя, кроме эстетической, ряд социокультурных функций: этическую, социальную, адаптационную, историко-культурную, коммуникативную и др. В современный период, как отмечает З.М. Кешева, «внимание к элементам традиционной культуры содействует формированию механизмов передачи и распространения информации, которые нацелены на популяризацию того или иного объекта культуры...» [Кешева 2019: 431].

Народное искусство, реализуя способности человека к творчеству, а также к со-творчеству, способствовало самореализации личности в конкретном сообществе, включению в социокультурное пространство и тем самым укрепляло социокультурные коммуникации на всех уровнях (межличностном, межгрупповом, межкультурном и т.д.). Все виды народного искусства развивались в процессе непосредственной коммуникации – традиционном способе инкультурации и социализации, не связанном с институционально-организационными формами. Инвариантная основа народного искусства (традиции, навыки, приемы, устоявшиеся стереотипы, структурно-смысловые единицы и др.), оставаясь неизменной, предполагала и вариативный слой, что обеспечивало и продолжает обеспечивать устойчивость и жизнеспособность народных традиций в различных социокультурных условиях.

Источники и литература

1. Кешоков А.П. Корни // пер. с каб. Л. Маремкуловой. Нальчик, 2009.
2. Кешева З.М. Адыгские народные инструменты как элемент региональной идентичности и этнокультурного брендинга // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред.: М.Ю. Мартынова. М.;Казань: 2019.
3. Кудиев М.Ч. Карачаево-балкарские народные танцы. Нальчик, 1984.
4. Культурология XX век. Энциклопедия в 2-х т. Т. 1. СПб., 1998.
5. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // URL: <http://www.gumer.info/.../Literat/lotlek/01.php> (дата обращения: 21.03.2020).
6. Малкондиев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1996.
7. Нагайцева Л.Г. Адыгские народные танцы. Нальчик, 1986.
8. Народная культура в современных условиях. М., 2000.
9. Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978.
10. Рахаев А.И. Традиционный музыкальный фольклор Балкарии и Карачая. Нальчик, 2002.
11. Сарбашева А.М. Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе. Нальчик, 2019.
12. Урусбиев С.И. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX вв. Избранное. В 2-х т. Т. 1 / сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик, 1993.
13. Флиер А.Я. Культурогенез. М., 1995.
14. Хаджиева Т.М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Нальчик, 1994.
15. Шортанов А.Т. Театральное искусство Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961.

FOLK ART AS A SYSTEM OF SOCIOCULTURAL COMMUNICATION

Baziyeva Gulfiya Dzhamalovna, Candidate of Philosophical Sciences, the Senior Research Associate of the Sector of Ethnology of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gbaz@mail.ru

Folk art exists both in the past and in the present in the folklore type and is transmitted from person to person, from generation to generation in the act of direct communication. The transmission of cultural information in folk art is a mechanism for the functioning, reproduction and transmission of socio-cultural experience in space and in time, which is realized in the process of collective activity. As a system of sociocultural communication, folk art reflects socionormative ideas, aesthetic, ethical, religious values, as well as various forms of their expression: verbal, iconic, musical, choreographic, subject-material. The purpose of this study is to study the folk art of Kabardino-Balkaria as a cultural text in the unity of all its components (oral and poetic creativity, applied art, musical and choreographic art).

Cultural methodology involves the identification of some invariant properties of folk art, which form the spiritual and moral way of ethnicity and act as an important channel of sociocultural communication.

Keywords: folk art, sociocultural communication, cultural text, communicative functions, Kabardino-Balkaria, North Caucasus.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-22-27

**К ВОПРОСУ О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.**

Дзуганов Тимур Аликович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzughanov@mail.ru

В статье исследуются некоторые вопросы, связанные с нарушением законности в сфере торговли и предпринимательства в Нальчикском округе в XIX – начале XX вв. Определены характер и особенности этих явлений в условиях складывания рыночных отношений у кабардинцев и балкарцев в пореформенный период. Выявлена закономерность, что имевшие место нарушения были во многом обусловлены административно-политическими преобразованиями царских властей на Северном Кавказе. Отмечается, что имевшие место нарушения торговых правил были также спровоцированы неэффективностью системы контроля и налогообложения в этой области. Администрация округа закрывала глаза на эти факты, не редко покрывала нарушителей из числа собственных сотрудников. Такое положение дел оказывало негативное влияние на торгово-хозяйственное развитие горцев, тормозило и без того сложный процесс их интеграции в социально-экономическое пространство Российской империи.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, Нальчикский округ, торговля, предпринимательство, гильдейские купцы, торговый патент, правонарушение.

В пореформенный период, локомотивом экономического развития Нальчикского округа, наряду с традиционными земледелием и скотоводством, становится торговля. Начиная с 18769 г., с момента удовлетворения ходатайства начальника Терской области о разрешении народам Терека «свободной торговли без стеснения формальностями и пошлинами», начинается новая эра в истории развития местного предпринимательства. Снятие ряда жестких ограничений, а также доступность получения разрешительных документов обусловили невиданный прежде на Северном Кавказе рост предпринимательской активности населения. Не остался в стороне от этих новых веяний и Нальчикский округ. Повсеместно возникают новые торговые заведения, растет число коммерсантов и предпринимателей из числа местного населения. Газета «Терские ведомости» пишет по этому поводу: «Почти в каждом ауле найдется небольшая лавочка, содержимая кабардинцем, в которой можно найти предметы первой необходимости сельского быта. Открываются кабардинцами также лавки с «красным товаром» т.е. ситцем, кумачом и т.п., но таких лавок пока еще очень мало. Последние сосредоточены исключительно в руках горских евреев, которые при отличном знакомстве с их кабардинским языком, нравами, обычаями вообще ведут свои торговые дела с большой выгодой» [Терские ведомости 1894: № 99].

По данным Ставропольской казенной палаты, выдававшей официальные документы на ведение торговой деятельности, уже к концу 1891 г. по Нальчикскому округу числилось 57 гильдейских купцов. Характерно, что общее количество гильдейских и негильдейских купцов увеличивалось быстрыми темпами. Этому способствовало и то, что временное разрешение на развозной торг, помимо Ставропольской Казенной палаты, можно было получить и в Нальчикском слободском правлении. Документ давал право свободной торговли «с воза» в любом селении Округа. Ограничение на аренду торговых площадей с лихвой окупалось мобильностью торговцев. Стоимость такого разрешения была относительно невысока, при этом торговцы экономили время на поездку в Ставрополь. Нельзя не отметить, что такие временные разрешения вызывали раздражение представителей сельской администрации, что нередко приводило к конфликтам, разрешать которые удавалось лишь путем судебных разбирательств. В этой связи показателен случай с Азарьей Ифраимовым. Получив 5 января 1891 г. в слободском правлении свидетельство на право ведения торговли (с 5 по 31 января) он «производил торговлю красным товаром с воза» на одной из улиц сел. Гунделен, когда его вызвали в сельское правление. После проверки документов старшина и писарь объявили торговцу, что он может торговать не больше трех дней. «Почему – не объяснили, составили протокол...» – жаловался Ифраимов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 231. Л. 15].

Помимо самоуправства сельской администрации, в округе наблюдались и другие нарушения законности в сфере торговли и предпринимательства. Широкое распространение получил вид мошенничества, когда торговцы осуществляли свою деятельность по недействительным документам. Некоторые ушлые коммерсанты, оплатив соответствующий сбор, получали в Казначействе «ответствующий патентный бланк», но не спешили его заполнять. В этом документе прописывалось право торговли строго определенным товаром в течение оговоренного времени и на определенной территории. Мошенники, не заполнив их должным образом, «производили торговлю по оным без прописки их акцизным товаром». Торговля «по чистым патентным бланкам» позволяла коммерсантам обходить закон и получать большую выгоду. Естественно, что подобный вид деятельности был бы невозможен без ведома сельских и слободских старшин, на территории которых она и осуществлялась [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 212. Л. 2].

Следует отметить, что помимо незаконной торговли, в округе отмечались и другие виды правонарушений в сфере предпринимательства. Особо показателен случай с подпольной лотереей проходившей в слободе Нальчик на протяжении нескольких месяцев 1896 г. Когда же история достигла Владикавказа – административного центра Терской области, разразился нешуточный скандал. Начальство потребовало немедленных объяснений. По поводу вопиющего инцидента старшина слободы Нальчик невнятно доносил окружному начальнику, что содержатель стеороскопического кабинета «производил розыгрыш вещей по билетам за 50 к. и больше». Как выяснилось, устроитель незаконной лотереи Климентий Гаврилович Хрусталеv, не дожидаясь расследования, «закрыв кабинет и скрылся в сторону Моздока» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 14. Т. 2. Л. 35].

Трудно поверить, что подобная лотерея могла проводиться длительное время без ведома и попустительства отдельных представителей слободского Правления. В самом деле, в этот период наблюдается проникновение представителей наиболее заметных купеческих династий Нальчика – Шуйских, Зипаловых и др. в администрацию слободы. Их целью, по-видимому, являлось лоббирование экономических интересов семьи. Вместе с тем, эти чиновники – купцы не забывали и о собственном интересе, не редко попадая в криминальные сводки по Терской области. В 1893 г. видный нальчикский купец, по совместительству слободской казначей Василий Зипалов был заподозрен «в лихоимстве, т.е. за взимание им, с

корыстной целью, при продаже гербовых марок, цены выше номинальной стоимости». По этому делу даже производилось специальное дознание. Вердикт дознавателя – «виновность Зипалова вполне обнаружена» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 290. Л. 12–18 об.].

Неоднократные жалобы торговцев округа привлекли внимание Казенной Палаты. Была назначено соответствующее расследование, выявившее многочисленные факты превышения полномочий и других нарушений закона со стороны местной администрации. По результатам проведенного следствия, 24 марта 1895 г. исправляющий должность Податного Инспектора Нальчикского округа Бежанов, докладывая в Ставрополь, что им «было обнаружено взяточничество, систематически и безнаказанно практикуемое в Нальчикском слободском Правлении», при выдаче торговых и промысловых документов. Схема, по которой чиновники вымогали у торговцев деньги была относительно проста. Желающему получить патент на право заниматься предпринимательской деятельностью и обратившихся в связи с этим в Правление, ушлые писари объясняли «необходимость» отдельной оплаты сначала некоего разрешения на право подачи заявления вышестоящему начальству. Особенное возмущение инспектора вызвали наглость и уверенность в собственной безнаказанности доморощенных вымогателей. «Причем оно – подчеркивал инспектор, говоря о взяточничестве, по-видимому практикуется довольно продолжительное время, потому что в данное время является обычным явлением, и торговцы с тем уже освоились до некоторой степени и уже успели додуматься до его законности, считая необходимым отблагодарить писаря за прописку документов». Некоторые же из торговцев, выражавшие протесты против таких незаконных поборов со стороны членов слободского Правления, обязанных по долгу службы «прописывать документы безвозмездно», были вынуждены все-таки платить, будучи убеждены в том, что плата эта взимается с них за заявления о выдаче им документов, «каковых, как за тем, никуда не писалось» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 350. Л. 6–6 об.].

Как видно из материалов дела, страдали от этих поборов в основном представители горского населения, что объяснялось их повальной юридической неграмотностью.

Сумма «отдельной оплаты» назначалась произвольно и зависела от платежеспособности заявителя. «Было выявлено, что с одного торговца за полугодовое свидетельство, стоящее 5 р. 50 к., было взято 8 р.» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 350. Л. 8].

Бежанову по горячим следам удалось найти нескольких пострадавших торговцев и уговорить подписать жалобу.

Пострадавшие торговцы:

1. Асламбек Елеев – 50 к.;
2. Фома Лебедев – 50 к.;
3. Тоцы Нафиков – 20 к.;
4. Куржи Анзоров – 1 р.;
5. Пахо Аталыков – 75 к.;
6. Уважуко Болкаров – 30 к.;
7. Жамбот Пшеноков – 2 р. 50 к. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Л. 7].

Эти торговцы сообщили инспектору имена вымогателей. Ими оказались писари слободского правления – Антон Иванов, Федор Походов и Михаил Корбут [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 350. Л. 30–30 об.].

Протокол с результатами расследования, проведенного Бежановым, Ставропольская Казенная Палата отправила в Министерство Финансов. Дело приобрело скандальный характер, что грозило крахом карьеры не только окружному начальству, но и некоторым чинам из администрации Терской Области. Продолжавший расследование Бежанов, вскрыл и другие факты вымогательства со стороны

писарей Правления. Список жертв вымогателей пополнили еще 32 торговца из 10 аулов округа.

В этих условиях администрация Нальчикского округа в сжатые сроки провела собственное «расследование», главной целью которого, на самом деле, стало сокрытие улик, могущих опорочить честь мундира и доставить другие серьезные неприятности местному начальству. С фигурантами дела проводили «разъяснительные беседы», вызывая их для этого в Нальчик, а торговые предприятия отдельных торговцев, по-видимому мало сговорчивых, подвергались неожиданным проверкам, заканчивавшимися крупными штрафами. Так произошло с жителем селения Кучмазукино Махмудом Гуговым. Он содержал в селении Атажукина 2-м лавку с красным и мелочным товаром. Сам торговец имел билет 2-й гильдии, два приказчика при лавке – 1-го и 2-го класса соответственно, т.е., «снабженные установленным своевременно выбранными приказными документами» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 350. Л. 87].

Тем не менее, власти, памятуя об участии Махмуда Гугова в расследовании Бежанова, без труда нашли нарушения в ведении торгового предприятия и приговорили последнего к высокому штрафу.

Уже 11 марта 1896 г. начальник округа докладывая о первых результатах, сообщал, что «произведенным дознанием фактов поборов в Нальчикском слободском Правлении за выдачу и прописку торговых документов не установлено» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 350. Л. 9]. Тем не менее, он счел возможным присовокупить к официальной части, что им сделано «строжайшее распоряжение старшине слободы Нальчик о том, чтобы следил за писарями и не допустил бы к побору взятку» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 350. Л. 28].

К докладу была приложена копия протокола общего собрания представителей администрации округа и торговцев, фигурировавших в деле в качестве пострадавших. Собрание проходило 12 февраля 1896 г. Вел его – младший помощник начальника Нальчикского округа, надворный советник Иван Галактионович Василихин. В итоговом протоколе было зафиксировано: «опрошенные торговцы заявили, что лично все они никому и никогда жалоб по вышеизложенному делу не приносили и теперь также никакой жалобы на нальчикских слободских правителей не имеют и хотя из них некоторые добровольно вознаграждали писцов за немедленную прописку ими торговых документов без всякого со стороны последних вымогательства, то это зависимо от их личной воли и желания и поэтому они просят начальство не возбуждать об этом никакого дела и не отрывать их больше от хозяйства и коммерческих занятий» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 350. Л. 30–30 об.].

Таким образом дело о взятничестве в слободском правлении Нальчика начало рассыпаться.

Вскоре окружное начальство от обороны перешло в наступление. Теперь уже следователь Бежанов обвинялся в превышении служебных полномочий, и даже в покрывании взятничества. Здесь следует оговориться, что помимо вымогательства служащими слободского Правления, Податным инспектором были вскрыты факты преступного сговора со стороны некоторых торговцев и служащих ряда аульских правлений. Эти служащие, за определенную мзду покрывали коммерсантов, позволяя уходить им от налогов. Ярким примером служат события в Чегемском обществе. Бежановым было установлено, что в 1895 г. в Чегемском обществе функционировали торговые заведения принадлежавшие Г. Лобжанидзе, А. Лобжанидзе, З. Хулаеву, А. Кудаеву и Н. Агкубекову. Эти торговцы, заручившись поддержкой старшины общества, смогли скрыть от налоговых органов сам факт своей деятельности и тем самым уйти от налогов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 350. Л. 137]. Старшина просто не вписал их лавки в соответствующий регистрационный журнал. Сам обман вскрылся случайно.

Для того чтобы разобраться в ситуации на месте, 19 апреля 1896 г. в Нальчикский округ был командирован Исправляющий должность Чиновника Особых поручений, коллежский секретарь Реутт. Как значилось в сопроводительных документах, коллежский секретарь прибыл для «производства расследования жалобам жителей общества Чегемского Хулаева и Кудаева и жителя селения Генделеновского – Энеева на неправильные будто бы действия Податного инспектора Бежанова», а так же разобраться с вопросом «о взятках, допускаемых бывшим при нем переводчиком (фамилия неразборчиво)» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 350. Л. 66–66 об.].

Итогом расследования стало прекращение дела в отношении Бежанова. Повидимому, сторонам удалось найти компромисс, так как виновным был объявлен туземный толмач, «не верно переводивший показания» для инспектора.

Происшествие в Чегемском обществе отнюдь не являлось единичным эпизодом. Пользуясь отсутствием хороших дорог между Балкарскими обществами и равнинной Кабардой, т.е. с административным центром – слободой Нальчик, предприимчивые купцы из Кутаисской и Тифлисской губерний через горные перевалы легко проникали в селения балкарцев. В лучшем случае, имея патент на мелкую розничную торговлю, они занимались также скупкой у местного населения сырья и полуфабрикатов по заниженным ценам, не уплачивая при этом никаких налогов казне. Комментируя эту ситуацию, М.Ч. Кучмезова отмечает, что имевшие свои лавки в ущельях особенно грузины, евреи и т.д. обменивали шелка, хлопчатобумажные ткани, нитки и вообще мелкий товар на сырье или готовые изделия, которые перепродавались затем с значительной прибылью [Кучмезова 1967: 68].

Эти и другие нарушения в сфере предпринимательства и торговли округа стали следствием административно-политических изменений и несовершенством системы управления краем в целом. Терская область, включавшая в себя Нальчикский округ, формально находилась в ведении Военного Министерства. Вместе с тем, параллельно функционировали и гражданские службы, осуществлявшие надзор за социально-экономической жизнью края. Действия гражданских чиновников нередко вызывали возмущения военных, расценивавших их как посягательства на свои права, что еще больше усиливало неразбериху в управлении.

Разрешительные документы на право торговли желающие могли получить не только в Ставрополе, но и на месте, в слободе Нальчик. И если в слободах и равнинных селениях округа еще можно было осуществлять контроль за деятельностью торговцев и сбором налогов, то в высокогорной Балкарии многое, если не все зависело от личной заинтересованности аульского старшины. Это обстоятельство, как видно из документов, широко использовалось для ухода от налогообложения заезжими купцами из Тифлисской и Кутаисской губерний. Сама система контроля и налогообложения в крае и в XX в. оставалась далекой от совершенства. Ставропольская Казенная палата, ведавшая сбором налогов, производила их начисление с грубейшими ошибками, вызывавшими недоумение и возмущение местных предпринимателей. Как видно, например, из прошения жителя селения Баксанское Ф. Кумыкова на имя министра финансов империи, доход от его торговли за 1914 г. составил 4 тыс. р., как в среднем и у других торговцев селения, а промысловый налог от Ставропольской Казенной палаты «исчислен в 179 р. 35 коп.», что значительно превышало налог других торговцев, которых по словам Кумыкова насчитали всего «десятки рублей», что и вызвало законное возмущение последнего [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 791. Л. 48].

Таким образом, можно констатировать, что выявленные нами нарушения законности в сфере предпринимательства и торговли в Нальчикском округе на рубеже XIX–XX вв. не носили характер тяжких и особо тяжких правонарушений. Очевидно, что это явилось следствием несовершенства правового и административного

регулирования торгово-экономических отношений в округе. Отдельные эпизоды нарушения законности в немалой степени были обусловлены ошибками и просчетами Терской областной администрации. Недостатки систем контроля и налогообложения, сращивание представителей крупных купеческих династий и окружного правления в конце XIX в. спровоцировали рост экономических правонарушений. Определенную роль в этом процессе сыграла и повальная юридическая неграмотность населения. Незнание финансовых законов и уложений империи делало местных предпринимателей легкой добычей мошенников, подчас приводивших их к полному разорению.

Источники и литература

1. Терские ведомости. 1894. № 99.
2. Кучмезова М.Ч. Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // Ученые Записки КБИГИ. Нальчик, 1967. Т. XXV. 255 с.
3. УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

ON THE ISSUE OF OFFENSES IN THE FIELD OF TRADE AND ENTREPRENEURSHIP IN THE NALCHIK DISTRICT AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Dzughanov Timur Alikovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and New History Sector of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzughanov@mail.ru

The article examines some issues related to the violation of the law in the field of trade and entrepreneurship in the Nalchik region in the 19th – early 20th centuries. An attempt is made to determine the nature and characteristics of these phenomena in the conditions of the post-reform period and the formation of market relations. It is established that the violations that took place were largely due to the process of administrative and political transformations. It is noted that the violations of trade rules that took place were also provoked by the ineffectiveness of the control system in this area. The district administration turned a blind eye to these facts, often covered violators from among its own employees. This state of affairs had a negative impact on the socio-economic development of the highlanders, hampered the already difficult process of their integration into the socio-cultural space of the empire.

Keywords: kabardians, balkars, Nalchik district, trade, entrepreneurship, guild merchants, trade patent, offense.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-28-33

«ЧЕРКЕССКИЙ КРУГ» КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Кешева Зарема Мухамедовна, кандидат исторических наук, и.о. зав. сектором новейшей истории отдела исторических наук Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kesheva10@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой исследования этнокультурного феномена танца, известного в Европе под названием «Черкесский круг», который может стать одним из туристических брендов Северного Кавказа. Бренды территорий не только создают позитивный и привлекательный образ региона, но также и дистрибутируют этот образ в пространстве для получения максимальной пользы и выгоды для его жителей. Активизация популяризации брендов – это один из способов сохранить этнокультурное наследие народов, населяющих данную территорию, так как помимо привлечения внимания к бренду и его продвижению на туристическом рынке, брендинг этнокультурных образов следует рассматривать как современный социокультурный феномен в функционировании и развитии общества. На примере исследования истории танца «Черкесский круг» предполагается вызвать дополнительное внимание потенциальных туристов к ареалу возникновения танца. Целью исследования является определение места танца в этническом пространстве адыгов, пути его распространения и возможности современного влияния на создание этнокультурных проектов, способных, помимо привлечения внимания, принести дополнительную финансовую выгоду. В данном контексте рассматривается возможность создавать креативные проекты, активизировать позитивное позиционирование республик Северного Кавказа в информационном пространстве, вследствие чего будет усилена их инвестиционная привлекательность.

Ключевые слова: «Черкесский круг», танцевальная культура, адыги, круговые танцы, этнокультурный образ, туризм.

Основным противоречием современного мира является противоречие между силами глобализации (интеграция, гомогенизация, унификация) и силами социокультурной идентичности. Можно говорить о том, что этот кризис на сегодняшний день охватил значительные массы людей. Происходит разрушение сложившейся системы ориентации, мотивов и ценностей. Если ранее в своих мотивах, нормах, представлениях человек опирался на относительно устойчивое окружение, то сейчас групповые связи людей потеряли свою устойчивость. Возникло «массовое общество», где происходит сближение, усреднение, интернационализация типов материального и культурного потребления [Петрова 2010: 432].

Интернационализация культуры – всеобщая историческая тенденция, имеющая прогрессивное значение. С другой стороны, вопрос о том, как соотносится рост интернационализации культуры с судьбами локальных национальных культур, является предметом оживленных дискуссий. Очевидно, что в современном мире происходит утеря отдельными культурами этнического своеобразия и данное явление нельзя считать закономерным.

Взаимопроницаемость культур, легкость приобщения к образцам западной культуры, чья доступность обусловлена технологиями, создают ситуацию противоречия универсализации культуры с одной стороны, и необходимости

сохранения локальными культурами ее своеобразия – с другой. Локальное социокультурное общество шаг за шагом втягивается в процессы модернизации и трансформации, реконструкции, деконструкции и нового конструирования в контексте тенденций развития регионального (общероссийского) и глобального обществ [Тхакахов 2002: 169].

Проблема сохранения культурного наследия нашла отражение в «Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов РФ на 2009–2015 годы». В ней отмечается, что нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации, являясь важнейшей составляющей частью национальной культуры, способствующей формированию толерантности, основой национального самосознания, укрепляющей духовную связь поколений и эпох, играет ключевую роль в формировании культуры Российского государства [Концепция...]. Традиционная народная культура является глубинной основой всего многообразия направлений, видов и форм культуры современного общества России. В качестве основной цели определено предотвращение утраты нематериального культурного наследия народов РФ, а также его развитие и распространение.

Проблемы трансляции традиционных культур российских народов в контексте поисков современной этнической и общероссийской идентичности относятся к числу наиболее острых и современных. Поскольку искусство является самосознанием народа, то его значимость в формировании современной рациональной культурной коммуникации представляется чрезвычайно важной. С другой стороны, в период всеобщей интенсификации и стремления привлечения внимания к образцам традиционной культуры, как одного из компонентов туристического показа, растет потребность в выработке определенных ассоциаций – своеобразных ярких этнокультурных брендов, которые будут способны привлечь заинтересованный сегмент. Очевидным является факт, что экономическая составляющая развития туристической сферы является первостепенной, однако наряду с природными достопримечательностями, турист, совершающий этнокультурный тур, хочет изучить историю и культуру страны посещения. Сделать выбор в приобретении тура, помимо очевидных привлекательных природных геолокаций, могут и ассоциации-бренды.

Не нуждается в особом обосновании положение о том, что традиционная танцевальная культура народа является яркой характеристикой социальных отношений, эстетического уровня этноса; в танцевальном искусстве отражались различные стороны воззрений; костюмы, предметы, используемые в танце музыкальные инструменты служат источником для исследования материальной и духовной культуры; народное танцевальное искусство помогает лучше понять этнические процессы, связи с соседними народами и т.д. К. Бюхер, известный немецкий ученый конца XIX – нач. XX вв., автор многочисленных трудов по истории первобытной культуры отмечал, что, находясь в центре общественного бытия, танец не мог не зафиксировать определенным образом материальные и духовные достижения той или иной формации [Бюхер 2013: 90].

Как уже отмечалось, в настоящий период важное место занимает проблема создания эффективного этнокультурного образа-бренда как важной составляющей трансляции культурных традиций. Танцевальная культура черкесов (адыгов) имеет богатую историю и является весьма репрезентативной в плане исследования ее особенностей, она может служить источником для формирования яркого образа. Одним из них является «адыгэ джэгу» (адыгское игрище) – сложнейший организм, складывавшийся веками, его действие которого было четко продумано и строго регламентировано. В монографии Б.Х. Бгажнокова «Черкесское игрище» автор ярко и образно изображает течение адыгэ джэгу, подробно останавливаясь на деталях, несколько глав посвящено танцевальному этикету, музыкальной культуре адыгов [Бгажноков 1991].

Одним из этнокультурных брендов, способных, на наш взгляд, привлечь внимание туристов, интересующихся аутентичной культурой, является танец «Черкесский круг». Его феномен не стал темой отдельного рассмотрения, но является перспективным для дальнейших исследований. Он может, наряду с другими яркими этнокультурными образами, символизирующими культуру, традиции и обычаи адыгов, стать еще одним привлекательным акцентом, способным выработать ассоциативный ряд, связанный с территорией, являющейся колыбелью широко распространенного в Европе танца.

В 2006 г. музыкальный руководитель ансамбля народного танца «Хатти» Зубер Евазов и ведущий научный сотрудник Адыгейского института гуманитарных исследований Самир Хотко в составе делегации Северного Кавказа посетили музыкальный фестиваль в Абердине, в Шотландии и выяснили интересный факт, что в Шотландии и Ирландии есть танец, который носит название *Circassian circle* – «Черкесский круг» и что он входит в обязательную программу обучения хореографов. В том же году профессор Джорджтаунского университета Чарльз Кинг нашел в библиотеке Конгресса редкую нотную запись шотландского танца XIX в. «Черкесский круг». Она была передана руководителю ансамбля адыгского танца «Хатти» К. Балкарову во время приезда Кинга в Кабардино-Балкарию по приглашению главного редактора газеты «Кабардино-Балкарская правда» С. Жемухова, активно занимавшегося исследованием адыгской танцевальной культуры. Результатом кропотливой работы явилась обширная статья, подготовленная совместно С. Жемуховым и Ч. Кингом, в которой дан анализ трансформации адыгской танцевальной культуры [Sufian Zhemukhov and Charles King].

Впервые пристальным научным исследованием феномена танца «Черкесский круг» занялась А.Н. Соколова, профессор института искусств Адыгейского государственного университета, музыковед, органист. В статье «Черкесский круг» в европейско-кавказском межкультурном диалоге» [Соколова 2007: 256]. Соколова отмечает, что представители адыгской делегации, принимавшие участие в Северо-Атлантическом форуме народных скрипачей, проходившем летом 2006 г. в Абердине, были удивлены, что в современной Европе существует танец с подобным названием, а также тому, что число его разновидностей достаточно велико. Оказалось, что «Черкесский круг» весьма популярен среди населения Шотландии, Ирландии, Англии. Соколова предполагает несколько версий появления танца с подобным названием в Европе, одна из них – посредством западноевропейских путешественников, в большом количестве посещавших Черкесию. Подтверждением тому могут служить сообщения иностранных авторов XVII–XIX веков: Дж. Белла [Белл 1974], Дж.А. Лонгворта [Лонгворт 1974], Бларамберга [Бларамберг 1974], Э.Д. Асколи [Асколи 1974], Н. Витсена [Витсен 1974], Т. Де Мариньи [Мариньи 1974], где имеются ценные сведения о быте, культуре адыгского народа, в том числе и о танце, который предположительно европейцы называют «Черкесский круг». Определенный интерес как этнографический источник представляет книга Эдмонда Спенсера [Спенсер 1994: 117], опубликованная в форме двухтомного повествования в письмах в Лондоне, а так же труд Т. Лапинского (Тэффикбея) «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских» [Лапинский 1995: 132].

Наиболее интересный и значимый материал, содержащий заметки по танцевальной культуре адыгов, содержат труды Белла и Лонгворта. Джемс Белл являлся политическим агентом Великобритании и в 1837–1839 гг. жил среди черкесов, пытаясь организовать их борьбу против России. Опубликованный Беллом по возвращении в Англию дневник его пребывания в Черкесии представляет собой весьма важный и ценный источник для изучения культуры и быта адыгов первой половины XIX в. Описывая черкесские танцы Белл отмечал: «Круг состоял попеременно из мужчин и девушек; каждый мужчина держал под руки двух девушек, между

которыми он находился, и переплетая с их пальцами свои. Что касается танца, то он просто состоял из покачивания тела вперед и назад (в это же время весь круг медленно поворачивался), напоминавшего приготовление к прыжку, который участники производили на цыпочках время от времени. Иногда лишь часть круга устремлялась вперед, тем самым сообщая остальным волнообразное движение; в других случаях все танцоры одновременно останавливались. Эта фигура танцевалась все время, что мы там находились, и она продолжалась до захода солнца, так как она казалась такой же привлекательной для воображения молодых черкесов, как самая соблазнительная кадриль для воображения англичан» [Белл 1974: 481].

Корреспондент лондонской газеты «Таймс» Лонгворт, находился в Черкесии примерно в один период с Беллом. Книга Лонгворта «Год среди черкесов» является своеобразным дополнением к книге Белла. В ней так же встречается описание черкесских танцев. «Женщины, молодые и старые, держались вместе; а когда начались танцы, закутанные до глаз матери начали выводить вперед своих дочерей, выступавших величаво и в то же время робко, как газели, чтобы обеспечить им место в кругу танцующих. Там, буквально сжатые между двумя представителями более сурового пола, ...прекрасные создания медленно двигались, а скорее, их вели по кругу; па танцующих представляли собою едва уловимые глазом движения корпуса, но отнюдь не замысловатые упражнения ног. Правда, некоторые из молодых людей отплясывали довольно энергично, но в целом общество двигалось под оживленную музыку своих менестрелей все время по кругу, сохраняя на лицах важность, подобающую разве что судьям или же членам государственного совета» [Лонгворт 1974: 557]. С высокой долей вероятности можно предположить, что в обоих отрывках речь идет о танце, который распространится в Европе под названием «Черкесский круг».

В 2018 г. Редакционно-издательский отдел КБИГИ в серии «Россия и Черкесь» выпустил книгу, составленную директором КБИГИ, профессором К.Ф. Дзамиховым, в которой впервые в научный оборот были введены материалы немецкого ориенталиста и историка К-Ф. Ноймана, относящиеся к 1840 г. Книга содержит важный нотный материал с пометками автора, который позволяет предположить описание танца «Черкесский круг» [Нойман 2018: 211–212].

А.Н. Соколова также отмечает, что современные шотландские скрипачи, знатоки мелодии «Черкесского круга», предполагают дату возникновения танца с XVII в. Исследователь танцевальной культуры Шотландии Джек Кампин (Jack Campin) обозначил дату появления танца периодом Крымской войны 1853–1856 г., уточнив, что мелодия «Черкесского круга» впервые была опубликована в газетах в 1854 г. [Соколова 2007: 255]. Крымская война, которую вела Россия против Турции и ее союзниц – Франции и Англии, всколыхнула в европейском обществе волну поддержки черкесов, которые на протяжении десятилетий вели борьбу за независимость против имперской политики России. В этой ситуации представляется логичным появление интереса к истории и культуре народа, воюющего, как и ведущие европейские страны середины XIX в. против России на фронтах Крымской войны.

Кроме того, противостояние черкесов и царского правительства находило отклик среди ряда европейских народов. Шотландцы и ирландцы, испытывавшие те же свободолюбивые устремления, выражали поддержку народу Черкесии. В период Кавказской войны исполнение «Черкесского круга» в Шотландии имело, скорее всего, ярко выраженный культурно-политический подтекст и являлось проявлением солидарности с черкесами.

В начале июня 2009 г. в Музыкальном театре г. Нальчика был представлен проект Роберта Саральп «Черкесский круг», название которого появилось после поездки адыгской делегации в Шотландию на форум народных скрипачей. Целью проекта было придание новой формы и звучания адыгским танцам, их

своеобразная трансформация с помощью современных технологий и неординарного взгляда автора.

В реализации проекта участвовали: ансамбль адыгского танца «Хатти», хореограф А. Цопанов, композитор А. Увижев, художник по костюмам М. Саральп, ансамбль камерной музыки «Камерата» и театр клоунады «Баттерфляй». Шоу «Черкесский круг» не имело аналогов на Кавказе. Проект создавался таким образом, чтобы привлечь внимание не только на родине, но и в ближнем и дальнем зарубежье. Шоу «Черкесский круг» с триумфом было продемонстрировано на 55-й юбилейной конференции Ассоциации продюсеров в Нью-Йорке в 2012 г. Конференция собрала более трех с половиной тысяч человек из 28 стран, концерты и показы шли в самых престижных залах. Поездку организовал Фонд черкесской культуры «Адыги» имени Ю.Х. Калмыкова. Два дня подряд «Черкесский круг» открывал концертную программу конференции, что весьма престижно. «Черкесский круг» стал интернациональным, как и задумал Роберт Саральп, использовал название «Circassian Circle» как знакомый для англоязычных народов бренд.

Таким образом, обращение к теме малоизученного феномена танца «Черкесский круг», способно, при правильном рекламном подходе, сформировать в глазах европейцев новый бренд, этнокультурный образ, который будет привлекать, наряду с рекреационной составляющей в КБР, Адыгею, КЧР, туристов, заинтересованных в изучении истории и культуры народов территории посещения. С другой стороны, для сохранения богатого духовного и историко-культурного наследия человечества следует искать новые методы и решения, поэтому дальнейшее исследование истории возникновения, распространения и бытования танца «Черкесский круг», расширит знания о роли и месте общеадыгского культурного наследия, внесшего в духовное наследие человечества самобытные черты.

Источники и литература

1. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБКИЕА) / сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
2. *Асколи Э.Д.* Описание черного моря и Татарию // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 61–68.
3. *Бгажноков Б.Х.* Черкесское игрище. Нальчик: Полиграфкомбинат Госкомиздата КБССР, 1991. 192 с.
4. *Белл Д.Ж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 458–530.
5. *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 353–435.
6. *Бюхер Карл.* Работа и ритм: Рабочие песни, их происхождение, эстетическое и экономическое значение / Бюхер Карл. М.: Книга по Требованию, 2013. 162 с.
7. *Витсен Н.* Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 86–99.
8. Карл Фридрих Нойман. Россия и Черкесы / составление, вступительная статья – Дзамихов К.Ф., Абаева А.М. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 219 с.
9. «Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов РФ на 2009–2015 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902160920>.
10. *Лонгворт Дж. А.* Год среди черкесов // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 531–585.
11. *Петрова Е.В.* Сохранение культурных традиций в информационном обществе: роль мифотворчества // Россия: многообразие культур и глобализация / отв. ред. И.К. Лисеев. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 432.
12. *Соколова А.Н.* «Черкесский круг» в европейско-кавказском межкультурном диалоге // Социокультурные проблемы кавказского региона в контексте глобализации: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14–16 мая 2007. Нальчик, 2007. С. 253–256.

13. *Sufian Zhemukhov and Charles King*. Dancing the Nation in the North Caucasus / *Slavic Review* 72, no. 2 (Summer 2013). 287–305.

14. *Тебу де Мариньи*. Путешествия в Черкесию в 1818 году // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 291–322.

15. *Геофил Латинский*. Горцы и их освободительная воля против русских. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 1996. 256 с.

16. *Тхакахов В.Х.* Социальные и этнокультурные процессы на Северном Кавказе: вопросы методологии. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2002. 212 с.

17. *Эдмонд Спенсер*. Путешествия в Черкесию, Крымскую Татарию и т.д., включающее прогулку под парами вниз по Дунаю, из Вены в Константинополь и вокруг Черного моря // Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. 152 с.

CIRCASSIAN CIRCLE AS AN ETHNO-CULTURAL PHENOMENON

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, Head Sector of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kesheva10@gmail.com

The article deals with issues related to the problem of studying the ethno-cultural phenomenon of dance, known in Europe as the Circassian circle, which can become one of the tourist brands of the North Caucasus. Brands of territories not only create a positive and attractive image of the region, but also distribute this image in the space for maximum benefit and benefit for its residents. Activation of brand popularization (dissemination) is one of the ways to preserve the ethno – cultural heritage of the peoples inhabiting this territory, since in addition to attracting attention to the brand and its promotion in the tourist market, branding of ethno-cultural images should be considered as a modern socio-cultural phenomenon in the functioning and development of society. Using the example of the study of the history of the Circassian circle dance, it is intended to attract additional attention of potential tourists to the area of the dance's origin. The purpose of the research is to determine the place of dance in the ethnic space of the Adygs, the ways of its spread and the possibility of modern influence on the creation of ethno-cultural projects that can, in addition to attracting attention, bring additional financial benefits. In this context, we consider the possibility of creating creative projects and activating the positive positioning of the Republic in the information space, which will increase the investment attractiveness of the Republic, since currently objects of applied significance will have a chance to be financed.

Keywords: Circassian circle, dance culture, adygi, circular dances, positive image, ethno-cultural image, tourism.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-34-39

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В СИСТЕМЕ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРКЕСОВ (АДЫГОВ)

Мирзоев Асланбек Султанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), marzeibach@mail.ru

В статье рассмотрена связь песенного фольклора черкесов (адыгов) с их развитой военной культурой. Установлено, что он выполнял ряд общественно значимых функций: идеологическое обоснование милитаризованного быта социума и образа жизни воинского класса, морально-психологическая подготовка молодежи к воинской жизни и воспитание необходимых для этого качеств, поддержание высокого боевого духа воинов во время сражений, увековечивание памяти исторических событий вместе с именами народных героев. Выявлено, что военный быт черкесов способствовал появлению специфических жанров песенного фольклора, которые квалифицированы как историко-героическая песни (зауэ уэрэд), величальные песни (лызакъуэ пшыналъэ), песни оплакивания героев (гыбызэ), походные песни (зекIуэ уэрэд), песни излечения раненного (щIопщакIуэ уэрэд), песни извлечения пули (шэхэх уэрэд) и др.

Ключевые слова: песенный фольклор, джегуако, джегуаковский иммунитет, историко-героические песни, милитаризованный быт, воинская слава, народная память.

Впервые взаимное влияние милитаризованного быта и песенного фольклора черкесов проанализировал в своей блестящей статье, опубликованной в 1869 г., А.-Г. Кешев [Кешев 1987: 222–237]. Нельзя не упомянуть описание и классификацию песенного фольклора черкесов сделанное Хан-Гиреем в этнографическом и историческом описании Черкесии [Хан-Гирей 1992: 109–114]. Данную научную проблему исследовал в ряде своих работ З.М. Налоев [Налоев 1980: 7–26; Налоев 1986: 5–34; Налоев 2011]. Различные аспекты этой тематики освещали в своих статьях А.М. Гутов [Гутов 2005: 5–28]; В.Х. Кажаров [Кажаров 2005: 29–86]; А.Н. Соколова [Соколова 2010: 210–216] и др. авторы.

Черкесы в прошлом были воинственным народом и воинский класс составлял значительную часть населения Черкесии – около 30% [Бгажноков 2004: 52]. Образ жизни, воспитание, природные данные, особенности общественно-политического устройства и геополитическая ситуация способствовали развитию у них в значительной степени военных задатков. При этом следует заметить, что воинственность и милитаризованный быт феодальной Черкесии были во многом производными от непреходящей в течение столетий внешнеполитической напряженности.

Высокий уровень боевой подготовки черкесских воинов был результатом взаимодействия многих факторов. Для функционирования налаженной черкесами эффективной системы военной подготовки немаловажное значение имела идеологическая обстановка, поддерживаемая в обществе. Система этических, обычно-правовых, этикетных норм адыгэ хабзэ и созданный на его основе рыцарский кодекс уэркъ хабзэ на уровне общественных отношений превозносили воинскую

славу, честь, свободолюбие. Важную роль в этом играли народные барды – джегуако, которые в своих песнях окружали ореолом рыцарской доблести участие не только в освободительных войнах, но и в грабительских набегах и феодальных междоусобных войнах. С этой же целью использовался и древний нартский эпос, в котором воспевались набеги и войны эпохи «военной демократии». «Современный черкес, – писал К.О. Сталь, – хочет подражать громким подвигам своих народных нартов ... и тлехупхов (Лыхъужь – рыцарь, герой – А.М.), о хищничестве которых гласит ему народное предание и народные песни» [Сталь 1900: 122].

Огромное значение в воспитании молодежи в духе господствовавших в черкесском обществе идеологических представлений и ценностей играли песня и песенный фольклор. Черкесская песня, прославлявшая воина-наездника и его подвиги, сопровождала его от рождения до смерти.

Как только в семье знатного черкеса рождался ребенок, быфадэ (аталык) за определенную плату поручал джегуако сложить в честь своего воспитанника колыбельную песню. О характере и содержании этих песен Хан-Гирей писал: «В песнях этого разряда упоминают о знатности и подвигах предков и родственников воспитанника и предрекают будущую его славу. Тут же посылают его в наезды и делят его добычи воспитателям и служителям. Младенец-воспитанник, приходя постепенно в юность, узнает ему предреченные деяния почти прежде имен родителей; а между тем, войдя в лета возмужалости, старается оправдать, сколько возможно предреченные ему подвиги. После этого можно ли удивляться, что ... черкес от колыбели до гроба гоняется за славою храброго воина» [Хан-Гирей 1992: 112–113].

Известные предводители, желавшие собирать под свои знамена как можно больше воинов, перед выступлением в поход рассылали по стране покровительствуемых ими джегуако. Исполняемые ими при этом историко-героические песни, прославлявшие военные подвиги народных героев, лучше всего способствовали мобилизации населения, особенно молодежи.

Знаменитый шапсугский предводитель Шеретлоко Кизильбеч (Казбич) при подготовке военного похода и сборе армии всегда пользовался услугами джегуако. «Он водил с собой, – сообщает Дж. Лонгворт, – простого, но могущественного помощника в лице слепого старого певца, самого известного в Черкесии, одно слово убеждения которого было способно собрать мужчин. Любитель искусства народного пения, Хаджи (Казбич Шеретлоков – А.М.) был щедрым покровителем умелых исполнителей... и по большей части, когда он собирал воинский отряд, с ним всегда находился его любимый трубадур, который вместе со своей скрипкой перевозился с места на место на крупе жеребца его слуги» [Лонгворт: 475–476].

Песня сопровождала черкесских наездников и во время дальних походов. В них принимали участие дружинные джегуако, которые исполнением старинных песен воодушевляли воинов [Налоев 2011: 122, 360, 361]. Кроме того, их задачей было правдивое отражение событий, очевидцами которых они становились.

Так как для князей и дворян профессия джегуако считалась предосудительной, последние, как правило, были выходцами из крестьянских сословий. Тем не менее, некоторые представители высших сословий не пренебрегали песнетворчеством. Так, известный наездник и предводитель кабардинский князь Атажукин Магомет Колчерукий (ХьэтІохъушюкьуэ Мыхьэмэт Іэшэ) был неплохим поэтом и импровизатором песен.

По словам Гукемуха Абубекира, в старину некоторые наездники возили с собой во время походов черкесский музыкальный инструмент – шичепшину, под аккомпанемент которой исполнялись песни [Гукемух Абубекир Махмудович, 1905 г.р., сел. Большой Зеленчук КЧР]. Знание историко-героических песен включалось в обязанность знатной черкесской молодежи [Налоев 2011: 44].

Анализируя характер и значение черкесских песен, А.-Г. Кешев писал: «Песня дорога для адыгов не только потому, что она единственный памятник его прошлого, наследие отцов, но еще и потому, что она служила всегда неиссякаемым источником его воинственного энтузиазма» [Кешев 1987: 228].

Действительно, при отсутствии у черкесов своей письменности, песня и сопровождавшие ее устные предания, передававшиеся из поколения в поколение, были единственным средством увековечить знаменательные события, их участников, имена героев и их подвиги. Говорят, когда один русский генерал спросил последнего верховного князя Кабарды Кучука Джанхотова: «Что есть ваша история?», он ответил: «Наши старики – наша история», имея в виду, что именно они были носителями знаний прошлого своего народа, воплощенного в преданиях и историко-героических песнях [Научный архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1. С. 21]. Их историческую достоверность можно было бы поставить под сомнение, учитывая сам жанр, предполагающий некоторую романтизацию героев и гиперболизацию их деяний. Но именно в этом жанре адыгского фольклора в основе всегда лежат исторические факты, которые находят подтверждение в других источниках. Опираясь на устную историческую память народа, выдающийся просветитель Шора Ногмов создал первую письменную историю кабардинцев (1838 г.) [Гутов 2005: 7].

Черкесские историко-героические песни и предания как никакой другой вид исторических источников имеют важное значение при попытках воссоздания «духа эпохи», внутреннего мира адыгов того времени, их менталитета и т.д. Поскольку они создавались по поводу определенных случаев и посвящались конкретным лицам, то содержащаяся в них информация может быть использована в качестве вспомогательного материала для реконструкции деталей и обстоятельств исторических событий. Здесь они незаменимы даже при наличии других источников [Кажаров 2005: 60–61].

Народная память, отраженная в фольклоре, сохранила в веках не только события и имена, но и духовные ценности, особенности менталитета, идеалы, составлявшие морально-этическую и эстетическую основу народного мировосприятия. Так, например, в песенной культуре черкесов нашли отражение такие особенности традиционной черкесской культуры, как присущие ей агональные черты. Древнегреческий термин «агон» означает «соревнование, состязание, борьба». Агональное начало пронизывает насквозь адыгский фольклор [Соколова 2010: 211].

Гипертрофированное желание славы и острое соперничество в черкесском обществе ученые объясняют военно-демократическим образом жизни, влиявшим на стиль межличностного и межгруппового общения. Оспаривание первенства шло на уровне индивидов, семей, фамилий, субэтносов. Соревновательность у черкесов считается добродетельным качеством личности, которое способствуют развитию как отдельной личности, так и общества в целом [Соколова 2010: 213].

В героических величальных и плачевных песнях нашли отражение такие особенности менталитета черкесских воинов, как индивидуализм, дух соперничества в проявлении воинской доблести, любовь к славе.

Слава, в понимании черкесов, давала человеку земное бессмертие. Вот почему каждый черкес мечтал о высшей награде в адыгском обществе – быть прославленным в песне народными бардами. «Мывэ сыныр мэклуэдыж, мыклуэдыжыр уэрэдщ» – «Камень на могиле со временем исчезнет, не исчезнет со временем лишь песня» – гласит народная поговорка.

В статье «Характер адыгских песен» А.-Г. Кешев в связи с этим отмечал: «Не боясь нисколько впасть в преувеличение, мы утверждаем, что ни учение ислама, просветившее адыгские племена новым мирозерцанием, ни попытки Шамиля вдохнуть в них пламенный дух газавата не имели в совокупности и половины той подстрекающей силы, какую в состоянии производить на адыгов одна

хорошая старинная песня. И в этом нет ничего странного. Религиозная проповедь сулила адыгам одни загробные награды, тогда как ему по свойству его характера гораздо заманчивее казалось приобрести земную славу. Первая занимала его лишь настолько, насколько она смягчала перспективу предстоящих за пределами жизни мучений ада; слава же привлекала его в той мере, в какой он желал бы видеть себя в своей сфере, окруженным всеобщим удивлением и почетом. К тому же при односторонне понятном им учении ислама, черкесу казалось легче достигнуть небесной награды – так как для этого, по его мнению, достаточно пасть в борьбе с гяурами, – чем добиться репутации хорошего наездника... Впрочем, мы не хотим сказать этим, что умирать для черкеса легче, чем для всякого другого; мы только желаем показать, что при твердой уверенности в неизбежности смерти и решительном предпочтении сложить голову в бою, нежели умереть спокойно в постели, условие, предписываемое религией для получения мученического венца, не представляло для него особенной трудности» [Кешев 1987: 229–230].

Первую попытку научной классификации героических величальных и плачевных песен предпринял Хан-Гирей (1808–1842). Хан-Гирей выделяет пять жанров: 1) «жизнеописательные» (лЫызакъуэ пшыналъэ); 2) «описание битв» (зауэ уэрэд или лЫыбэ пшыналъэ); 3) «плачевные песни» (гыьбзэ); 4) «песни наездничества» (зеклуэ уэрэд); 5) «песни, которые исключительно поют при теле усопшего» (сагыьш) [Хан-Гирей 1992: 111–113]. Все песни он делит на две группы: исторические и жизнеописательные. К первому разряду он относит лЫыбэ пшыналъэ («песни многих мужей»), они же – зауэ уэрэд («описание битв»), а также многогеройную часть «плачевных песен». «Если плачевная песня относится ко многим лицам, – поясняет Хан-Гирей, – она более причисляется по своему содержанию к песням исторического разряда» [Хан-Гирей 1974: 125]. Ко второму разряду, по классификации Хан-Гирея, относятся «песни наездничества» (походные песни) и одногеройная часть «плачевных песен», которые он называет «жизнеописательными» [Хан-Гирей 1974: 125].

Героические песни посвящались воинам, погибшим в бою, и слагались обычно после их смерти в жанре песен-плачей (гыьбзэ). Бывали редкие, единичные случаи, когда еще при жизни в честь рыцаря могли сложить песню. Это могло иметь место в случае преклонного возраста и чрезвычайных заслуг человека [Налоев 1986: 8].

Героические песни, такие, например, как «Бахъшысэррей зеклуэм и уэрэд» (Песня о Бахчисарайском походе XVI в.) [Народные песни... 1986: 51], «Къызбрун зауэм и уэрэд» (Песня о Кызбурунском сражении XVI в.) [Ногмов: 82–89], «Къарэкъэщкъэтау зауэм и уэрэд» (Песня о Каракашкатауской битве XVI в.) [Народные песни... 1986: 190, 200], «Къулькъужын зауэм и уэрэд» (Песня о Кулькужинской битве XVII в.) [Народные песни... 1986: 205], «Бзыикъо заом иорэд» (Песня о Бзюкской битве XVIII в.) [Народные песни... 1986: 246], «Къэбэрдей жэштеуэм и уэрэд» (Песня о кабардинском ночном нападении XVIII в.) [Народные песни... 1986: 225, 230, 236, 242], посвящались знаменитым битвам.

Перед началом сражения народные певцы-джегуако занимали места на холмах, деревьях и других возвышенностях местности, на которой должна была произойти битва. Наблюдая с высоты за ходом сражения, они отражали его затем в своих песнях. Т. Лапинский, очевидец одного из таких сражений, приводит следующее свидетельство: «Я видел весною 1857 г. во время сильной перестрелки на реке Адагум, как один такой бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по именам боязливых. Адыг больше всего на свете боится быть прозванным трусом в национальных песнях – в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране. Присутствие популярного барда во время битвы – лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость» [Лапинский 1995: 123].

О том, какое влияние оказывала песня на воинов, рассказывает случай, описанный А.-Г. Кешевым: «Около тысячи человек отборных кабардинских наездников, возвращаясь из удачного похода... были настигнуты превосходными силами неприятеля. Преследуемые по пятам, осыпаемые картечью и ракетами, они мало-помалу пришли в расстройство, начали бросать захваченную добычу и спасаться в одиночку. В эту-то минуту всеобщего смятения, когда ни увещевания, ни угрозы влиятельнейших предводителей не могли восстановить порядка в упавшей духом партии, бывшему в отряде джегуако пришла счастливая мысль – стать ногами в седло и пропеть... известную песню Кашкатау, описывающую битву кабардинцев с крымцами. Голос певца, напомнив об одном из эпизодов героической борьбы предков с иноплеменниками, мгновенно наэлектризовал расстроенную партию наездников. Точно по команде военачальника, она тотчас же собралась в кучу, сложила оставшуюся у нее добычу и, смявши дружным натиском нападавшего неприятеля, отбила у него охоту к дальнейшему преследованию» [Кешев 1987: 229]. Как отмечает русский автор XIX в., черкесские предводители в критической ситуации ободряли своих воинов песнями, «к которым горцы для возбуждения мужества прибегают обыкновенно в подобных опасностях или в бою с неприятелем» [Западный Кавказ...: 155]. У многих народов (скифы, викинги и др.) для поднятия духа перед сражениями воины употребляли различные наркотические, психотропные средства. В Советской Армии выдача военнослужащим медицинского спирта, так называемые «сто грамм для храбрости», практиковалась во время Второй мировой войны. У черкесов же исполнение героических песен было лучшим средством поднятия духа.

Присутствие джегуако во время сражений было обычным явлением. От сознания того, что в войске присутствуют (наблюдают сражение) джегуако, возрастала боеспособность воинов. Ведь джегуако, следившие за ходом сражения, могли не только воспеть храбрецов, но и высмеять трусов.

Этот обычай сохранялся у черкесов и на чужбине, после окончания Кавказской войны и высылки в Османскую империю. Вот что сообщил Дугуж Фуад, 1940 г. р., черкес-репатриант из Сирии: «Во время черкесско-дружской войны (80-е г. XIX в.), как рассказывали старшие мне, впереди черкесской конницы, во время боя, верхом, играя на шичепшине воодушевлял воинов джегуако Кумук Маша из с. Хышной на Голанских высотах» [Информатор Дугуж Фуад Яхья, 1940 г.р., сел. Сальманея, Сирия].

Джегуако играли в адыгском обществе огромную роль – они были одновременно и историками, и поэтами. Благодаря им история нации, отраженная в героических песнях, передавалась из поколения в поколение, а имена народных героев обретали бессмертие. Э. Спенсер писал: «Эти странствующие барды занимают высокое положение в обществе: каждый дом по всей стране открыт, чтобы принять их. Их нежные мелодии подбадривают любой праздничный стол; их военные песни воодушевляют героя и в лагере, и на поле боя, исполняя свои легендарные баллады, они увековечивают историю страны с незапамятных времен, и, связывая мимолетные события дня, не только воспевают подвиги храброго, упрекают предателя и труса, разоблачают преступления того, кто нарушает законы общества, но доносят до удаленных племен известия, которые иначе никогда невозможно было бы передать в стране без литературы или любого другого средства сообщения, всеобщего для цивилизованных стран. Нельзя поэтому удивляться тому, что к этим странствующим поэтам везде относятся с величайшим интересом и благоговением. Это чувство является настолько всеобщим, что прибегая в одну из деревушек, я часто видел жителей, спорящих с добродушной энергией о том, кто окажет любимцу гостеприимство, и горе тому, кто будет насмехаться или плохо обращаться с беззащитным музыкантом» [Спенсер: 74, 80].

Личность джегуако была неприкосновенна и, несмотря на частые феодальные междоусобия и войны, они свободно передвигались по всей территории Черкесии, никого и ничего не опасаясь. Их пропуском и отличительным знаком служило то, что они ездили на лошадях исключительно серой масти, часто без оружия, имея при себе только шичепшину [История горских народов...: 81]. Гарантированную неприкосновенность и вольность джегуако З.М. Налоев назвал джегуаковским иммунитетом. «Джегуаковский иммунитет, – пишет он, – став традицией, прошел через всю историю народа, и она мешала и феодалам, и разбойникам, и просто плохим людям расправляться со своими обличителями и хулителями; убивать народных певцов считалось и великим грехом и великим позором. Традиция уступать им во всем отразилась и в фольклоре» [Налоев 2011: 49].

Песенный фольклор играл огромную роль в идеологическом воспитании молодежи. Поэтому черкесы не запрещали детям и юношам присутствовать вместе со взрослыми в кунацких, где они, слушая народных певцов и беседы старших, узнавали историю, традиции и обычаи своего народа. Говоря об этой роли песенного фольклора, А.-Г. Кешев писал: «Рисуя заманчивыми красками подвиги славных мужей старины, получающей всегда в глазах позднейшего поколения какой-то розовый колорит, песня служила для черкесской молодежи школой для воспитания. Она разжигала восприимчивые умы, воспламеняла воображение пылких юношей и освежительно действовала на угасающие силы старика. Ее могучая, вдохновляющая энергия возбуждала постоянно во всех классах черкесского общества и неослабно поддерживала в них воинственный дух, ненасытную жажду славы и подвигов» [Кешев 1987: 228–229].

Непосредственное отношение к традиционной военной культуре черкесов имели и такие жанры песенного фольклора как песни ранения (щӀопщакӀуэ уэрэд) и песни извлечения пули (шэхэх уэрэд). Песни первого рода исполнялись при обряде излечения раненого, называемом по-черкесски «кӀэпщ» или «щӀопщакӀуэ». Песни второго рода (шэхэх уэрэд) исполнялись лекарем (Ӏэзэ) во время операции по извлечению пули или джегуако, приглашенным для развлечения раненого. Процесс извлечения пули был болезненным. Учитывая, что черкесы не использовали обезболивающих средств, а по этикету громко стонать или проявлять нетерпение от боли порицалось, песни извлечения пули выполняли роль морально-психологической поддержки, помогая переносить боль [Налоев 1980: 15–17].

Песни излечения раненого (щӀопщакӀуэ уэрэд), как и песни извлечения пули (шэхэх уэрэд), имели по представлениям черкесов магическое действие [Мафедзев: 176–177].

Таким образом, можно заключить, что песенный фольклор был тесно связан с системой военной культуры черкесов и выполнял следующие общественно значимые функции:

- фиксация и сохранение в исторической памяти народа важных событий;
- морально-психологическая подготовка молодежи к воинской жизни;
- поддержание во время сражений высокого боевого духа;
- воспитание, поощрение полезных для общества человеческих качеств и осуждение противоположных им (храбрость – трусость, верность – предательство, щедрость – жадность и т.д.);
- привлечение удачи благодаря приписываемым джегуако и их песням магическим способностям и качествам;
- увековечивание памяти народных героев и др.

Источники и литература

1. Кешев А.Г. Характер адыгских песен // Каламбий. Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 222–237.

2. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. 346 с.
3. *Налоев З.М.* У истоков песенного искусства адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. – Кабардино-Балкарский ордена «Знак почета» институт истории, филологии и экономики при совете министров КБАССР / под ред. Е.В. Гиппиуса; сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1980. Т. 1. С. 7–26.
4. *Налоев З.М.* Героические величальные и плачевные песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. – Кабардино-Балкарский ордена «Знак почета» институт истории, филологии и экономики при совете министров КБАССР / под ред. Е.В. Гиппиуса; сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1986. Т. 3. Ч. I. С. 5–34.
5. *Налоев З.М.* Институт джегуако. – Учреждение Российской академии наук Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011. 407 с.
6. *Гутов А.М.* Историческая память народа // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. С. 5–28.
7. *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 29–86.
8. *Соколова А.Н.* Адыгская агонистика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2010. Вып. 3 (63). С. 210–216.
9. *Бгажноков Б.Х.* Воинский класс и демографическое пространство Черкесии в XVII – середине XIX в. // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2004. № 11. С. 45–82.
10. *Сталь К.О.* Этнографический очерк черкесского народа // КС. 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 53–173.
11. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. 541 с.
12. *Хан-Гирей*. Избранные произведения. Подготовка текста и вступительная статья Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1974. 335 с.
13. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. – Кабардино-Балкарский ордена «Знак почета» институт истории, филологии и экономики при совете министров КБАССР / под ред. Е.В. Гиппиуса; сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1986. Т. 3. Ч. I. 264 с.
14. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1982. 166 с.
15. *Липинский Т.* (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. 463 с.
16. Западный Кавказ в первой половине XIX века. По материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов / сост., автор предисловия, примечаний и указателей к.и.н. Л.И. Цвижба. М.: Наука – Восточная литература, 2019. 190 с.
17. *Спенсер Эд.* Путешествия в Черкесию. Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. 153 с.
18. История горских народов Кавказа. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. 118 с.
19. *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX– начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1979. 293 с.

SONG FOLKLORE IN THE SYSTEM OF MILITARY CULTURE OF THE CIRCASSIANS (ADYGS)

Mirzoev Aslanbek Sultanovich, Candidate of History, Senior Researcher Fellow Department of Medieval and Modern History of Institute of Humanitarian Researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), marzeibach@mail.ru

The article examines the connection of the song folklore of the Circassians (Adygs) with their developed military culture. It was found that he performed a number of socially significant functions: the ideological substantiation of the militarized life of society and the way of life of the military class, the moral and psychological preparation of young people for military life and the education of the necessary qualities for this, maintaining a high fighting spirit of soldiers

during battles, perpetuating the memory of historical events together with the names of folk heroes. It was revealed that the military life of the Circassians contributed to the emergence of specific genres of song folklore, which are qualified as historical and heroic songs (zaue uered), praising songs (lyzak'ue pshynal'e), songs of mourning for heroes (gybze), marching songs (zeklue songs from the randechenny) (shlopschaklue uerad), bullet extraction songs (shehekh uerad), etc.

Keywords: song folklore, dzheguako, dzheguak immunity, historical and heroic songs, militarized life, military glory, folk memory.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-40-47

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА И.П. ДЕЛЬПОЦО В ДОЛЖНОСТИ ПРИСТАВА КАБАРДИНЦЕВ В 1805–1810 ГГ.

Нахусева Инара Руслановна, старший преподаватель кафедры конституционно-го и административного права Института права, экономики и финансов – Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», nakhusheva.inara@bk.ru

В статье рассматривается деятельность генерал-майора И.П. Дельпоцо в должности пристава (управляющего делами) кабардинского народа в 1805–1810 г. Установлены обстоятельства и условия его назначения на должность. Изучены основные направления его работы по организации выборов в родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде, выявлению неэффективных административных механизмов, налаживанию взаимодействия между российскими властями и представителями местного населения, борьбе с распространением инфекционных заболеваний, сборе сведений о территориях проживания и передвижениях кавказских народов и расположении российских войск в регионе и т.п.

Ключевые слова: административное устройство, приставское управление, пристав, управляющий делами кабардинского народа, И.П. Дельпоцо, Кабарда, Северный Кавказ, Российская империя.

Исследование основных направлений деятельности генерал-майора И.П. Дельпоцо в должности пристава («начальника, управляющего делами») кабардинцев в один из сложных и неоднозначных периодов истории Кабарды (1805–1810 гг.) дает возможность углубить наши представления об особенностях инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи и развития системы локального судебного-административного контроля. На рубеже XVIII–XIX вв. в Кабарде произошли важные социально-политические события, следствием которых стали изменение этнической и демографической карты региона, трансформация институтов общественной саморегуляции коренных жителей и т.п. В этом плане исследование персоналий в целостной системе социально-политических отношений в прошлом является актуальной исследовательской задачей современного кавказоведения.

Некоторые аспекты истории деятельности приставского управления в Кабарде в последней трети XVIII – первых десятилетиях XIX в. затрагивались в работах П.Г. Буткова [Бутков 2001], Н.Ф. Грабовского [Грабовский 2008], Ж.А. Калмыкова [Калмыков 2007], Г.Н. Малаховой [Малахова 2001], М.И. Афауновой [Афаунова 2007], В.Н. Мальцева и А.Ю. Чирга [Мальцев, Чирг 2012], А.Х. Абазова [Абазов 2016; Абазов 2019] и др. Однако к настоящему времени накоплен богатый эмпирический материал, позволяющий детализировать достижения кавказоведов, в том числе, и для дальнейшего развития исторической персоналистики как одного из перспективных направлений развития социально-гуманитарного познания.

Так, И.П. Дельпоцо был назначен управляющими делами кабардинского народа в 1805 г. Однако его кандидатура на эту должность стала фигурировать в официальной переписке военно-политических деятелей на Кавказе еще с 1804 г. Это было связано с тем, что в 1804 г. П.Д. Цицианов предпринял попытку

изменить подходы к названию должности пристава Кабарды, предложив именовать его «начальником Кабарды», «управляющим Кабардой» [Афаунова 2007: 105]. Во всеподданнейшем рапорте от 23 марта 1804 г. он говорил о том, что «посредник между Главным российским начальством и кабардинским народом есть чиновник под именем *пристава Кабардинского народа*; – слово пристав в Азиатском народе никакого почтения и уважения к себе не привлекает, поелику все азиатцы привыкли почитать силу, следовательно, и особую ея во власти имеющую и оное означающую (курсив наш. – И.Н.)» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Ед. хр. 11. Л. 1 об.; АКАК. Т. 2: 952]. Поэтому он предлагал вместо термина «пристав» использовать термин «начальник», а вместо названия «кабардинского народа» – «Кабардинская область», т.к. «последнее название само собою напоминает им, что оный есть как будто отдельное тело от Российской империи, хотя сия цель должна состоять в том, чтобы в грядущие времена Кабардинский народ мало-по-малу... обратился в полезный для Империи народ подобно Казанским Татарам» [АКАК. Т. 2: 953]. Другим новаторством П.Д. Цицианова в данных преобразованиях было предложение назначать на должность начальника (пристава) Кабарды военного в чине генерал-майора [АКАК. Т. 2: 953]. С его помощью планировалось наладить каналы получения кабардинцами образования в российских учебных заведениях – для начала в училищах «в Георгиевске и в Екатеринограде, где ничему больше не обучат, как российскому и татарскому языкам, и потом под видом усовершенствования наук...» в кадетских корпусах, откуда планировалось «рассылать в полки, отдаленные от Кавказской Линии» [АКАК. Т. 2: 953]. Кроме того, предполагалось установить постоянные торговые связи с Кабардой, позволить вывозить за пределы Линии товары народного промысла без пошлин и т.п.

В случае одобрения императором предложений П.Д. Цицианова на должность «начальника Кабардинской области» рассматривалась кандидатура отставного полковника И.П. Дельпоцо «со всемилостивейшем пожалованием в оный чин, так как он был без прошения оставлен тогда, когда доставалось ему в генерал-майоры, и с производением по чину тому жалования...» [АКАК. Т. 2: 954]. При этом, характеризуя личность предлагаемой кандидатуры, П.Д. Цицианов отмечал, что «бескорыстие, строгая справедливость и расторопность сего полковника [И.П.] Дельпоцо служит основанием... [его] выбора, а личное познание о управлении его народами, против Левого фланга Кавказской линии населяющими, во время пребывания моего в Кизляре при начале Персидского похода, в коем я находился, удостоверяют меня, что он с пользою для службы Е.И.В. может быть употреблен» [АКАК. Т. 2: 954].

Однако в высочайшем рескрипте, данном князю П.Д. Цицианову 29 мая 1804 г., говорилось о том, что «переименования названия Кабардинского народа в область и также пристава в начальники отложить» [АКАК. Т. 2: 955]. При этом предписывалось вместо пристава Кабарды статского советника Г.Е. Стемпковского назначить военного офицера, переименовав его должность в должность «управляющего делами Кабардинского народа» [АКАК. Т. 2: 955]. Тогда же была согласована кандидатура И.П. Дельпоцо – в рескрипте предписывалось назначить его на эту должность и сообщалось о присвоении ему воинского звания генерал-майора. Эти же сведения были детализированы в письме товарища (заместителя) министра иностранных дел Российской империи князя А.Е. Чарторыйского князю П.Д. Цицианову 29 мая 1804 г. [АКАК. Т. 2: 955].

Присутствие управляющего делами Кабардинского народа И.П. Дельпоцо, как и его правопредшественника, располагалось в Прохладной [АКАК. Т. 2: 963].

Анализ документов дает возможность установить, что И.П. Дельпоцо неоднократно посещал Кабарду по вопросам служебной деятельности [АКАК. Т. 3: 647]. В приказе князя П.Д. Цицианова о назначении на должность пристава

Кабарды И.П. Дельпоцо были перечислены основные его обязанности. В документе отмечалось: «отсель им управляемы будете и все ваши нужды должны к нему относиться в чем бы то ни было... он же без всякого сомнения будет за все ходатайствовать ежели вы будете покорны и верны не словами, а делом. В противном случае, сколь не велико вас милосердие Е.И.В. (государя), то оно обратится в праведный гнев, и тогда не ждите ни малейшей пощады» [Афаунова 2007: 105].

Подробный же набор полномочий И.П. Дельпоцо был помещен в предписании П.Д. Цицианова от 29 января 1805 г., выданном при вступлении в должность [АКАК. Т. 2: 958]. В документе отмечалось, что до назначения И.П. Дельпоцо на должность управляющего делами Кабарды взаимоотношения с кабардинцами выстраивались с опорой на следующие принципы: «1) поддержанием узденей в неповиновении к их князьям; 2) пенсионом явно производимым» [АКАК. Т. 2: 959]. Однако, П.Д. Цицианов считал их неэффективными и требующими пересмотра. Взамен он предлагал перестроить систему управления с опорой на следующие принципы: «1) на перемене их (кабардинцев. – *И.Н.*) воспитания, 2) на введение в Кабарду роскоши и 3) на сближение оной с Российскими нравами, покровительствуя наружно их вере и умножая случаи к их сообщению с Российскими» [АКАК. Т. 2: 959]. Для реализации планов И.Д. Цицианову И.П. Дельпоцо предписывалось приступить к строительству мечети в Георгиевске, собрать сведения о представителях мусульманского духовенства у кабардинцев для определения на службу в георгиевскую мечеть, «защищать их всеми образами от притеснений, чинимых им нашими [российскими] воинскими чинами», вести пропаганду о выгоде службы представителей местного населения в российских гражданских и военных учреждениях [АКАК. Т. 2: 959] и т.п.

И.П. Дельпоцо принимал активное участие в обсуждении судебных преобразований в Кабарде в начале XIX в., когда родовые суды и расправы были преобразованы в духовные суды «мехкеме» [АКАК. Т. 2: 943]. Он был обязан собрать сведения об отношении местных жителей к учрежденным в 1793 г. в Большой и Малой Кабарде родовым судам и расправам и узнать «будут ли они довольны тем, чтобы первую инстанцию разбирательств их сверх всякого рода дел поручить их муллам, кадиям и ахундам, с тем, чтобы они представляли ежемесячно верховному пограничному суду о числе бывших дел и без спора с судом кончившихся, в нужных же случаях решения представляли оному же суду верховному пограничному суду, представляя ему и апелляцию на суд ахундов» [АКАК. Т. 2: 959].

В составленной в первое десятилетие XIX в. И.П. Дельпоцо «Записке о текущем положении дел в Большой и Малой Кабарде» также приводилась краткая характеристика возлагаемых на него полномочий. Так, И.П. Дельпоцо писал: «в течении времени управления моего [Большой и Малой Кабардой] я за правило поставил себе поступать с сими народами [кабардинцами] всегда с краткостью и самую строжайшую справедливостью» и «старался во всяких многих случаях доставлять им защиту, удовлетворение, ходатайствовал для их пользы и выгоды, сколько силы и возможность моя с помощью начальства могли соответствовать» [Дельпоцо 2001: 11–12].

Будучи в должности управляющего делами (пристава) кабардинского народа, И.П. Дельпоцо принимал участие в организации выборов в родовые суды и расправы (подробные сведения о которых изложены им в рапорте на имя П.Д. Цицианова 16 марта 1805 г. [АКАК. Т. 2: 961–962]), выявлял неэффективные административные механизмы, вносил предложения о совершенствовании подходов к организации управления в Кабарде [АКАК. Т. 2: 962], обсуждал с вышестоящим начальством вопросы взаимодействия с населением подведомственных территорий [АКАК. Т. 2: 962] и условия выплаты жалования за счет российской казны кабардинцам – служащим судов [АКАК. Т. 2: 965], поставлял сведения о территориях проживания и передвижениях кавказских народов и расположении российских

войск в регионе [АКАК. Т. 2: 974], вносил предложения о стратегическом развитии подконтрольных России территорий (открытии провиантских и соляных магазинов в некоторых укреплениях и редутах, учреждении таможенных и карантинных застав и т.п.) [АКАК. Т. 2: 975], участвовал в поимке преступников [АКАК. Т. 2: 980].

В первом десятилетии XIX в. в Центральном Предкавказье свирепствовала чума. Дельпоцо предпринимал усилия по организации противодействия распространению инфекционного заболевания среди кабардинцев [АКАК. Т. 2: 966]. В документах пристава сообщались сведения об определенных трудностях, которые возникли в связи с тем, что многие кабардинские владельцы по религиозным соображениям отвергали предлагаемую санитарную помощь, а владелец селения Кармово, обеспечив своевременно профилактические меры, добился прекращения болезни [Прасолов 2014: 167–168].

В 1806 г. генерал И.П. Дельпоцо подал на имя И.В. Гудовича рапорт, в котором содержались обстоятельные сведения о положении дел в Кабарде [АКАК. Т. 3: 635–637]. В рапорте говорилось о неоднократном введении в Кабарду военных отрядов для нормализации обстановки, переговорах с представителями кабардинского нобилитета, его участии в народных собраниях [АКАК. Т. 3: 635–637].

После чего П.Д. Цицианов предпринял ряд попыток по усилению роли пристава (управляющего делами кабардинского народа) в системе локального судебного-административного контроля в регионе. Для этого он рассылал официальные письма другим представителям российской власти в регионе, в которых очерчивал круг полномочий И.П. Дельпоцо в указанной должности. В частности, в 1805 г. в предписании П.Д. Цицианова генерал-лейтенанту Г.И. Глазенапу указывалось, что «чтобы приучить кабардинцев к российскому порядку и искоренить дальнейшее зло, что всякой, вмешиваясь в их дела, имел над ними власть, предлагаю не принимать от них никаких просьб, до рассмотрения вашего не касающихся, а во всех случаях отсылать их к поставленному над ними главному начальнику генерал-майору [И.П.] Дельпоцо, который непосредственно, входя в их дела, будет удовлетворять их в просьбах...» [АКАК. Т. 2: 963].

Материалы по деятельности управляющего делами Кабардинского народа И.П. Дельпоцо позволяют охарактеризовать и такую функцию пристава, как сбор сведений о жителях подведомственных территорий. В частности, в отношении князя П.Д. Цицианова князю А.Е. Чарторыйскому от 17 июня 1805 г. говорилось о том, что на тот момент в расположении российских властей не было человека, схожего по уровню подготовки с С. Броневским, способным составить историческую выписку о кабардинцах, и это дело было поручено И.Д. Дельпоцо. В отношении отмечалось, что «спеша однако ж выполнить волю в.с. (Вашего Сиятельства. – *И.Н.*), поручил я исполнение сего Кабардинских областей начальнику ген.-м. [И.П.] Дельпоцо, находящемуся в Георгиевске, где оставлен и мой архив, в коем хранятся кабардинские дела, который (имеется в виду И.П. Дельпоцо. – *И.Н.*) хотя и не силен в российском языке, но знает оный столько, что не упустит ничего нужного при составлении сей исторической выписки, и как он выслал мне постановление, сделанное с кабардинцами еще покойным светлейшим князем Потёмкиным...» [АКАК. Т. 2: 969]. Для этого хранителю архива П.Д. Цицианова в Георгиевске был отдан особый приказ, чтобы «для ген.-м. [И.П.] Дельпоцо открыт был весь мой архив, в коем хранятся кабардинские дела» [АКАК. Т. 2: 970]. Вероятно, именно это поручение и позволило ему собрать материал для «Записки о текущем положении дел в Большой и Малой Кабарде» [Дельпоцо 2001: 11–12].

На основе анализа материалов Моздокского верхнего пограничного суда видно, что Ивана Дельпоцо на должности пристава Кабарды сменил подполковник И. Ребиндер [Афаунова 2007: 107]. В официальных документах середины 1810 г. подполковник И. Ребиндер упоминается как «исправляющий должность главного

над кабардинцами пристава» [АКАК. Т. 4: 871]. С должности пристава Кабарды И.П. Дельпоцо был переведен на должность Владикавказского [О Кавказской линии... 1829: 184], а после – Астраханского коменданта [О Кавказской линии... 1829: 191]. Также в документах 1814 г. сообщалось о его назначении на должность командующего на Кавказской линии [АКАК. Т. 5: 860].

Таким образом, генерал-майор И.П. Дельпоцо в должности управляющего делами (пристава) кабардинского народа был задействован в решении вопросов, связанных с:

- 1) организацией социально-политической жизни подведомственного населения,
- 2) формированием предложений по улучшению системы управления регионом, включением его жителей в общественную и экономическую систему империи,
- 3) составлением аналитических справок и исторических записок о кабардинцах. Кроме того, И.П. Дельпоцо является положительным примером перемещения служащих по тем каналам социальной мобильности, которые в то время открывало замещение приставских должностей на Центральном Кавказе. На его примере видно, что приставство было отправной точкой для последующей успешной военно-политической карьеры. В целом же И.П. Дельпоцо играл важную посредническую роль в установлении коммуникации между российской властью и местным населением в один из сложных исторических периодов.

Источники и литература

1. *Абазов А.Х.* Моздокский верхний пограничный суд в политике Российской империи на Северном Кавказе в 1793–1822 гг. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 124 с.
2. *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.
3. Акты Кавказской археографической комиссии (далее. – АКАК). Т. 2. Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1868. 1238 с.
4. *АКАК.* Т. 3. Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1869. 760 с.
5. *АКАК.* Т. 4. Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1869. 1019 с.
6. *АКАК.* Т. 5. Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1869. 1187 с.
7. *Афаунова М.И.* Институт приставства в Кабарде (1769–1822) // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2007. Вып. VI. С. 99–111.
8. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. Извлечения. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 358 с.
9. *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость / Н. Ф. Грабовский. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. 463 с.
10. *Дельпоцо И.П.* Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские писатели XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 11–12.
11. *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). Нальчик: Эль-Фа, 2007. 232 с.
12. *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2001. 392 с.
13. *Мальцев В.Н., Чирг А.Ю.* Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII – 1860 год) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 89–96.
14. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных

горских народах. Собранные действительным статским советником Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. СПб.: Типография Карла Края, 1829. 504 с.

15. *Прасолов Д.Н.* Религиозная культура кабардинцев в период Кавказской войны: проблемы трансформации // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 164–172.

16. *УЦГА АС КБР* – Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-1209. «Документы по истории Кабардино-Балкарии».

THE ACTIVITIES OF GENERAL-MAJOR I.P. DELPOZO IN THE POST OF BAILIFF OF KABARDINETS IN 1805–1810

Nahusheva Inara Ruslanova, Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative law of the Institute of law, economics and finance – Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov», nakhusheva.inara@bk.ru

The article examines the activities of General-Major I.P. Delpozo as a bailiff of the Kabardian people in 1805–1810. The circumstances and conditions of his appointment to the post are established. He studied his activities in organizing elections to tribal courts and massacres in the Big and Small Kabarda, identifying ineffective administrative mechanisms, establishing interaction between the Russian authorities and representatives of the local population, combating the spread of infectious diseases, collecting information about the territories of residence and movements of Caucasian peoples and the location of Russian troops in the region, etc.

Keywords: administrative device, pristavsky management, manager of the Kabardian people, I.P. Delpozo, Kabarda, North Caucasus, Russian Empire.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-48-53

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-54-62

АДЫГЭБЗЭМ И ИҮЭХУЦІЭ ЛІЭУЖЫГҮЭХЭМРЭ АБЫХЭМ Я КЪЭХЪУКІЭМ ХЭЛЪ ХЪЭЛЭМЭТАГЪХЭМРЭ

Биццo Борис Чэмал и къуэ, филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор, Урысейм ЩІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ и институтым адыгэбзэмкІэ и къудамэм и щІэныгъэ лэжыакІуэ пашэ, bizhoeff1952@mail.ru

Статьяр теухуаш адыгэбзэ ІуэхуцІэхэр грамматикэ илъэныкъуэкІэ зэпкърыхыным икІи мыбы и къалэнц ахэр зэмьліэужыгъуэ куэд адыгэбзэм зэрыщыхур, абыхэм ящыц дэтхэнэри къызэрыхуэ щІыкІэр налуэ къэщІыныр. Тхыгъэр топсэлъыхъ адыгэбзэ ІуэхуцІэхэр зищІысыр, абыхэм я шыфэлІыфэр зэхэуным нэхъ жыджэру елэжъа, абы хэлъхъэныгъэфІ хуэзыщІа ІэщІагъэлІхэм я лэжыгъэхэм, абы шыгъуэми ІуэхуцІэхэм я классификацэ иджыпсту шыІэм бгъэдыхъэкІэщІэ къыхуегъуэт, нэхъ убгъуауэ, лъэныкъуэ псори къызэщІиубыдэу кІэлопль ІуэхуцІэ лІэужыгъуэ къэс я къэгъэщІыкІэхэм, гулыгъэ хэха хуешІ ІуэхуцІэ къэхъукІэ Іэмалхэр а ІуэхуцІэхэр къызытепщІыкІ лэжыгъэцІэм и зэхэлъыкІэм (ар лъэлэсу е лъэмыІэсу шытыным, абы щхъэ бжыгъуэ иІэм) зэрелытам. Нэрылгагъуэ мэхъу а зы ІуэхуцІэ лІэужыгъуэм и кІуэцІкІэ ахэр зэрызэщхъэщыкІыр. Адыгэбзэхэм яхэлъ гъэщІІэгъуэнагъхэр хэлүщІылу щІыным и мыхъэнэр адыгэ бзэщІэныгъэр зэрыригъэфІакІуэм и закъуэкъым, мыр къыхуэщхъэпэнуш бзэщІэныгъэ теориemi, сыту жыпІэмэ нэгъуэщІ зы бзи ІуэхуцІэм и къэухъыр ди бзэм хуэдэу шыинкъым, абыкІэ адыгэбзэм и къулеягъыр сэбэп щохъу синтаксисми – индоевропеибзэхэм я псалъэуха гуэдзэхэм я къалэным пэхъу конструктор цэхэр ІуэхуцІэм къегъэщІ.

Статьям къышыгъэсэбэпащ мы зманым адыгэбзэкІэ ягъэхъэзыр япэ академическэ грамматикэм папщІэ зэхэтлъхъа фІэщыгъэцІэхэм ящыщ зыбжанэ. Псом япэу ар езы «ІуэхуцІэрщ», адыгэбзэкІэ цІэ зэрымІэм къыхэкІкІэ, нобэм къэсыху абы «причастие» урыс псалъэмкІэ еджэу шытащ.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, ІуэхуцІэ, лэжыгъэцІэ лъэлэс-лъэмыІэхэр, лъабжьэпэ, субъект, объект, лэжыгъэм и къэхъукІэ.

Адыгэ бзэщІэныгъэм зэрызиужъа гъуэгу м уриплъэжмэ, нэрылгагъуэ мэхъу ІуэхуцІэ (причастие) гурыІуэгъуэр зэтеуваныр, абы и къэухъхэр зэхэуныр тыншу зэрышымытар [Бижоев 1991: 3–22]. Гугъуехъхэр къызыхэкІар мы лъэныкъуэмкІи адыгэбзэхэр нэгъуэщІыбзэхэм зэремышхъырщ. Нэхъ джа хъуауэ шыІэ индоевропеибзэхэм яІэр ІуэхуцІэ лІэужыгъуэитІщ – субъект, объект ІуэхуцІэ жыхуаІэхэрщ. Дэ мыхэри зэрыдиІэм нэмышІкІэ, нэгъуэщІ куэди бзэм хыдогъуатэ – Іэмэпсымэ, щІыпІэ хъэл, зэман хъэл, н.къ.

ІуэхуцІэхэр зэмышхъ куэд зэрыхъум къешэ абыхэм я къэгъэщІыкІэри зэрымымащІэр, абы къышымынэу я къэхъукІэкІэ зэтемышхуэхэр ІуэхуцІэ лІэужыгъуэухэм я закъуэкъым, а зы лІэужыгъуэм шыщхэр я теплъэкІэ шызэхуэмдыдэхэри мащІэкъым – ар зэлъытар ІуэхуцІэхэр къызытепщІыкІ лэжыгъэцІэм и зэхэлъыкІэрщ. Псалъэм папщІэ, лэжыгъэцІэхэр лъэлэс-лъэмыІэскІэ зыщыщым, абы щхъэ бжыгъуэ иІэм, н.къ.

Мис мы кьэдгьэлъгьуа Гуэхугьуэхэр зэIубз щIынырщ ди лэжыгьгэм и кьалэн нэхьыщхьэр.

1. Гуэхуццэ лэужыгыгуэхэр (гупхэр)

Адыгэбзэм (кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм) и Гуэхуццэр – ар щхьэ, бжыгьэ, зэман, псалъзэшэ категорэхэр зиIэ лэжыгьгэццэ-ццэ гьэпсыкIэщ. Ахэр классификацэ щIыным лъабжэ хуэхьур, адыгэ бзэццэныгьгэм 1960 гьэхэм лъандэрэ хабзэ щыхьуауэ, Гуэхуццэхэм ягьэбелджылы предметхэр а Гуэхуццэ дьдэхэм кьагьэлыагьуэ Гуэхугьуэхэм зэрахушытырщ. Апхуэдэ бгьэдыхьэкIэкIэ Гуэхуццэхэр зэхагьэкI субъект, объект, Iэмэпсымэ, хьэл гупхэу. Иужьрейхэр езыхэр зэхощхьэхукIыж щIыпIэ, зэман, лэжыгьгэм и кьэхьукIэ, щхьэусыгьуэ, мурад Гуэхуццэхэу [Бижоев 1991: 23].

Субъект Гуэхуццэхэм кьагьэлыагьуэ Гуэхуццэм хэлъ Гуэхугьуэм и субъект хьур (ар кьызыбгьэдэкIыр): *кIуэр* (*кIуэн* лэжыгьгэццэ хьейм кьытокI), *щысыр* (*щысын* лэжыгьгэццэ мыхьейм кьытокI).

Объект Гуэхуццэхэм ягьэналуэ Гуэхуццэм хэлъ Гуэхугьуэм и объектхэр (ар зэкIуалIэр): *ишэр* (*шэн* лэжыгьгэццэ хьейм кьытокI), *зытетыр* (*тетын* лэжыгьгэццэ мыхьейм кьытокI) [Бижоев 2005: 96].

Iэмэпсымэ Гуэхуццэхэм кьагьэлыагьуэ Гуэхуццэм хэлъ Гуэхугьуэр гьээщцIа зэрыхьу Iэмэпсымэр е Iэмалыр: *зэрыкIуэр* (*кIуэн* лэжыгьгэццэ кьытокI), *зэрылажьэр* (*лэжьэн* лэжыгьгэццэ кьытокI), н.кь.

ЩыпIэ хьэл Гуэхуццэхэм кьагьэлыагьуэ Гуэхуццэм хэлъ Гуэхугьуэр кьыщыхьур, щекIуэкIыр: *зыдэкIуэр* (*кIуэн*), *зыщыслъэгьуар* (*лъагьун*), н.кь.

Лэжыгьгэм и кьэхьукIэ хьэл Гуэхуццэхэм кьагьэлыагьуэ Гуэхуццэм хэлъ Гуэхугьуэр кьызэрыхьу щIыкIэр: *зэрыкIуэр* (*кIуэн*); *зэрылажьэр* (*лэжьэн*), н.кь.

Зэман хьэл Гуэхуццэхэм кьагьэлыагьуэ Гуэхуццэм хэлъ Гуэхугьуэр кьыщыхьу зэманыр: *щыкIуэр* (*кIуэн*); *щылажьэр* (*лэжьэн*), н.кь.

Щхьэусыгьуэ, мурад хьэл Гуэхуццэхэм ягьэналуэ Гуэхуццэм хэлъ Гуэхугьуэр кьыщцIэхьу щхьэусыгьуэр е мурадыр: *щIэкIуэр* (*кIуэн*); *щIыщысыр* (*щысын*), н.кь.

Классификацэ мыбдеж кьыщыхьар япэу кьыхэзылхьауэ щыгтар Шагьыр Iэминщ [Шагиров 1965: 52]. НэгьуэщцI бгьэдыхьэкIэ щыIэхэм ящыщу кьыхэгьэ-щыпхьэщ псалъэ зыхьуэжыкIэм тещIыхьар. Ар зи Iэужь KIэрашэ З. И. адыгэ Гуэхуццэхэр игуэшт нейтральнэ, субъект, объект, субъект-объект, зэрыхьу, субъект-тыншэ гупхэу [Керашева 1977: 34].

2. Гуэхуццэхэр кьызэрыхьур

2.1. Субъект, объект Гуэхуццэхэм я кьэхьукIэр

Субъект, объект Гуэхуццэхэр лэжыгьгэццэ хьейхэми, лэжыгьгэццэ мыхьейхэми кьатокI лъабжэпэ *зы-*, *зэ-* япыувэурэ е лъабжэгьгусэншэу.

Лъабжэпэ *зы-*кIэ кьохьу:

1) лэжыгьгэццэ лъэIэсхэм кьатекI субъект Гуэхуццэхэр: *зы-ишэр* (*шэн*);

2) лэжыгьгэццэ лъэIэсхэм кьатекI мыблагьэ-объект Гуэхуццэхэр: *зы-хуэсшэр* (*хуэшэн*);

3) лэжыгьгэццэ лъэмыIэсхэм кьатекI мыблагьэ-объект Гуэхуццэхэр: *зы-дэкIуэр* (*зи* гьусэу кIуэр) (*дэ-кIуэн*).

Лъабжэпэ *зы-* хэмыту кьохьу:

1) лэжыгьгэццэ лъэмыIэсхэм кьатекI субъект Гуэхуццэхэр: *лажьэр* (*лэжьэн*);

2) лэжыгьгэццэ лъэIэсхэм кьатекI благьэ-объект Гуэхуццэхэр: *ишэр* (*шэн*).

НэгьуэщцIу жьыпIэмэ, Гуэхуццэм *зы-* лъабжэпэр хэтщ, ар кьызытекI лэжыгьгэццэр зэхэлIа цIэр зыхьуэж псалъэзэшэ гьэпсыкIэмэ. Еплъ: *Сэ ар зыхуэс-ишэр* – *Сэ ар лыжьым хузошэ*. *Лыжь* псалъэр, зэрытлэагьуэщи, зыхьуэж псалъэ-зэшэ гьэпсыкIэу кьокIуэ.

ИүэхуцІэхэм *зы-* льябжьэпэр яхэувэркыым, ИүэхуцІэр кызытекІ лэжыгыэцІэр зэхьэллэ цІэр цІэйІуэ псалъэзешэ гьэпсыкІэмэ: *абы ишэр – Абы лыжсьыр ешэ. Лыжсь* псалъэр цІэйІуэ псалъэзешэ гьэпсыкІэу кьокІуэ.

Льябжьэпэ *зы-*м и теплъэм языныкьуэхэм деж зехьуэж. Псалъэм папщІэ, мыблагъэ объектум и льябжьэпэ *е-, и-* зыхэт лэжыгыэцІэ лъэмыІэсхэм кьатекІа мыблагъэ-объект ИүэхуцІэхэм ар *зэ-*м шыхуокІуэ: *зэ-джэр (е-джэн лэжыгыэцІэм кыитокІ), зэ-псалъэр (е-псалъэн), зэ-далуэр (е-дэлүэн)*, н.кь.

ЛэжыгыэцІэ гуэрым ИүэхуцІэу дапщэ кыитепщІыкІ хьунуми елыгытащ а лэжыгыэцІэм и щхьэ гьэпсыкІэм – лэжыгыэцІэм щхьэуэ нэхьыбэ хэтыхункІэ ИүэхуцІэу кыитекІхэм я бжыгыэми хохьуэ. Ауэ а бжыгыэр нэгьуэщІ лъэныкьуэ гуэр-хэми елыгытауэ шытынкІэ хьунуш. Абы кыыхэкІкІэ мы упщІэм нэхь гупсэхуу кыитеувыІапхьэщ.

1. Зы щхьэ фІэкІа зимыІэ лэжыгыэцІэ лъэмыІэсхэм кьатекІыр субъект ИүэхуцІэхэм я закьуэщ, еплъ: *кІуэр (кІуэн лэжыгыэцІэм кыитохьукІ), цысыр (цысын)*.

2. ЩхьитІ зІэ лэжыгыэцІэ лъэмыІэсхэм кьагыэхьу субъект, мыблагъэ-объект ИүэхуцІэхэр:

1) Субъект ИүэхуцІэхэр льябжьэгьусэншэу кьохьу: *ежсьэр (ежсьэн (нэллэн), хуэкІуэр (хуэкІуэн (зыгуэрым папщІэ))*, н.кь.

2) Мыблагъэ-объект ИүэхуцІэ щхьитІ зІэ лэжыгыэцІэ лъэмыІэсхэм кьатохьукІ *зы-(зэ-) льябжьэпэкІэ: зэ-жсьэр (ежсьэн), зэ-уэр (еуэн)*.

3. Щхьищ зІэ лэжыгыэцІэ лъэмыІэсхэм кьатопщІыкІ субъект ИүэхуцІэрэ зы мыблагъэ-объект ИүэхуцІэрэ.

1) Субъект ИүэхуцІэр льябжьэгьусэншэу кьохьу: *дежсьэр (дежсьэн), худэкІуэр (худэкІуэн)*, н.кь.

2) Мыблагъэ-объект ИүэхуцІэр *зы-* льябжьэпэм кьегьэщІ: *зы-дежсьэр (дежсьэн), зы-худэкІуэр (худэкІуэн)*, н. кь.

Щхьищ зІэ лэжыгыэцІэ лъэмыІэсхэм кьатекІыркыым егІуанэ мыблагъэ-объект ИүэхуцІэ: *дежсьэн лэжыгыэцІэм, псалъэм папщІэ, кыитепщІыкІ хьуркыым «абы и гьусэу ар эжьэр»* мыхьэнэ зІэ ИүэхуцІэ [Бижоев 1991: 27].

4. ЩхьиплІ зІэ лэжыгыэцІэ лъэмыІэсхэр я бжыгыэкІэ куэд хьуркыым, ахэр куэдри кьагыэсэбпыркыым. Абы кьимыдэкІэ, мыбыхэм гьэпсыкІэу яІэр мащІэщ. Ар щынэрылыагыуш ИүэхуцІэ кьагыэщІынымкІэ абыхэм яІэ зэфІэкІми. Логикэ ильэныкьуэкІэ убгьэдыхьэмэ, щхьиплІ зІэ лэжыгыэцІэ лъэмыІэсым кьигьэхьуфын хуейт ИүэхуцІиплІ – зы субъект ИүэхуцІэрэ мыблагъэ-объект ИүэхуцІэу щырэ. Псалъэм папщІэ, *фІыдепльын лэжыгыэцІэм кьитехьукІыпхьэт мы кьэкІуэну мыхьэнэхэр зІэ ИүэхуцІэ гьэпсыкІэхэр:*

1) «абы щІыгыуу абы фІэмыфІу еплъыр»;

2) «ар абы щІыгыуу абы зэреплъыр зыфІэмыфІыр»;

3) «абы фІэмыфІу ар абы зи гьусэу еплъыр»;

4) «абы фІэмыфІу абы щІыгыуу ар зэплъыр».

Бзэм кьызэрыщамыгьэсэбпыным кыыхэкІыу апхуэдэ гьэпсыкІэхэр художественнэ литературэми нэгьуэщІ тхыгьэхэми кьахэбгьуэтэну гугьуш. Бзэм ирисалъэхэм уахэушщІыхьэмэ, абы кьрикІуэр мыраш: субъект ИүэхуцІэр щхьиплІ зІэ лэжыгыэцІэ лъэмыІэсым льябжьэгьусэншэу кыитохьукІ: *фІыдепльыр*. Пэжщ, псалъэпкыым хыхьэ льябжьэгьусэхэм я зекІэлъыкІуэкІэр дапщэщи зым теткыым – мы шапхьэ кьэтхьам я увыпІэкІэ щызэхьуэжэнкІэ хьунуш зэщІыгыуныгыэ льябжьэгьусэхэмрэ зыхуэгьэза льябжьэгьусэмрэ. Абы и фІыгыэкІэ лІэужьыгыуитІ шыІэщ: *фІыдепльын // дыфІепльын*. Ар лэжыгыэцІэм дежщ, ауэ абы кыитепщІыкІ субъект ИүэхуцІэми ардыдэр дыдолъагыу: *фІыдепльыр // дыфІепльыр*.

Мыблагъэ-объект ИүэхуцІэхэм я гугьу тщІымэ, дызыхэупщІыхьа цІыхухэм жаІахэр хуабжыу зэщхьэщокІ. КьызэрыщІэкІамкІэ, льябжьэгьусэ псалъэпкыым хэтхэм ямызакьуэу, и увыпІэр ехьуэж езы *зы-* льябжьэпэ ИүэхуцІэ кьэзыгыэщІми.

Абы кыыхэкIкIэ «сэ абы щыгъуу абы сызэрпльыр зыфIэмыфIыр» мыхьэнэр кырагъэкIуу бзэр зыгурылхэм кыагъэльэгъуаш мы кэкIуэнэу гъэпсыкIэхэр:

сызыфIыдепльыр//сызыдыфIепльыр//сыфIызыдепльыр//сыдызыфIепльыр.

ЩIэупщIэныгъэм адэкIи кызыэригъэльэгъуаши, мы гъэпсыкIэ дыдэхэр кыагъэсэбэпынкIэ хьунуш «абы фIэмыфIу сэ абы зи гъусэу сепльыр» мыхьэнэри кырагъэкIуу.

«Абы фIэмыфIу абы щыгъуу сэ сызэпльыр» мыхьэнэм и гугъу тщIымэ, абы, ищхьэкIэ кыщыхьа шапхьэхэм кьадэкIуэу, иIэнкIэ хьунуш мыпхуэдэ гъэпсыкIэхэри:

сызыфIыдызэпльыр // сызыдыфIызэпльыр // сыдызыфIызэпльыр // сыфIызыдызэпльыр.

Мы гъэпсыкIэхэм псоми я зэхуэдэ нэщэнэу щытщ абыхэм Гуэхуцэ кэзыгъэхьу *зы-* лъабжьэпэр тIэунейрэ зэрахэувэр. Абы ищыгужкIэ бзэр зыгурылхэм лъабжьэпэ *зы-*р щэнейрэ зыхэувэ *сызыдызыфIызэпльыр, сызыфIызыдызэпльыр* гъэпсыкIэхэм хуэдэхэри кьезэгъуу кьалыгтэ [Бижоев 2005: 101].

Щапхьэхэр щыхьэт зэрытехьуэши, щхьиплI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсхэм я мыблагъэ-объект Гуэхуцэхэр кьатехьукIыныр иджыри и кIэм нэсу зэтемыувауэ кьонэ. Адыгэ литературэбзэм и мардэхэм тепщIыхьэмэ, дэ дызэрпльымкIэ, *фIыдепльын* лэжыгъэцIэм ещхьхэм я мыблагъэ-объект Гуэхуцэ гъэпсыкIэу кьэщтапхьэхэр мыхэр араш:

- 1) *сы-зы-фIыдепльыр* «сэ абы щыгъуу абы сызэрпльыр зыфIэмыфIыр»;
- 2) *сыфIыды-зэ-пльыр* «абы фIэмыфIу сэ абы зи гъусэу сепльыр»;
- 3) *сыфIы-зы- депльыр* «абы фIэмыфIу абы щыгъуу сэ сызэпльыр».

Мы Гуэхуцэ гъэпсыкIэхэм Гуэхуцэ кэзыгъэхьу *зэ-* лъабжьэпэр зэхьэлIа щхьэм (объектым) и лъабжьэпэм и пэ кыщытщ.

5. Щхьэуэ *зы* зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсым субъект Гуэхуцэ кытохьукI *зы-* лъабжьэпэкIэ: *зы-зытхьэщIы р (зытхьэщIын), зы-зыгъэпсэхур (зыгъэпсэхун)*, н. кь.

6. ЩхьитI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсым кытокI субъект, благъэ-объект Гуэхуцэхэр:

1) ЩхьитI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсым субъект Гуэхуцэ кытохьукI *зы-* лъабжьэпэкIэ: *зы-щIэр (щIэн), зы-хьыр (хьын)*.

2) Благъэ-объект Гуэхуцэ щхьитI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсым кытохьукI лъабжьэгъусэншэу: *ихьыр (хьын), ищIэр (щIэн)*, н. кь.

7. Щхьиш зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсым кытопщIыкI субъект, благъэ-объект, мыблагъэ-объект Гуэхуцэхэр:

1) Субъект Гуэхуцэ кьегъэхьу *зы-* лъабжьэпэм: *е-зы-тыр (етын), хуэ-зы-щIыр (хуэщIын)*, н. кь.

2) Благъэ-объект Гуэхуцэ щхьиш зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсхэм лъабжьэгъусэншэу кьатохьукI: *хуишэр (хуишэн), кыыхуишэхуар (кыыхуишэхун)*, н. кь.

3) Мыблагъэ-объект Гуэхуцэ щхьиш зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсхэм кьазэрытехьукIыр субъект Гуэхуцэ кызыэрыхьум ещхьуш – *зы-* лъабжьэпэ япыувэкIэрэш, ауэ а лъабжьэпэр здэувыр мыблагъэ объектым и щхьэ лъабжьэпэм и пIэрш: *зы-ритыр (етын), зы-фIихьыр (фIэхьын)* (егъапщэ субъект ГуэхуцIэм: *фIэ-зы-хьыр*).

8. ЩхьиплI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсхэм кьатокI субъект, благъэ объект, мыблагъэ-объект Гуэхуцэу *зы*:

1) Субъект ГуэхуцIэр кьохьу *зы-* лъабжьэпэкIэ: *де-зы-тар (детын), хуе-зы-гъэшар (хуегъэшэн)*, н. кь.

2) Благъэ-объект ГуэхуцIэр лъабжьэгъусэншэу кьохьу: *дыритар (етын), хуригъэшар (хуегъэшэн)*, н. кь.

3) Мыблагъэ-объект Гуэхуцэ щхьиплI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсхэм кьатопщIыкI лъабжьэпэ *зы-* япыувэкIэрэ: *зы-дыритар (детын), зы-хуригъэшар (хуегъэшэн)*, н. кь.

Мыблаггэ-объект ІуэхуцІэм гулытгэ лей хуэщІыпхэщ. Іуэхур зытетыраши, щхьиплІ зиІэ лэжыггэцІэ лгэлэсхэм, логикэкІэ уабггэдыхгэмэ, кьатепщІыкІын хуейт мыблаггэ-объект ІуэхуцІэ ггэпсыкІитІ. Псалгэм папщІэ, *детын* лэжыггэцІэм кьиггэхгун хуейт мыпхуэдэ мыхгэнэхэр зиІэ мыблаггэ-объект ІуэхуцІэхэр: 1) «зи ггусэу ар абы зреттыр»; 2) «сэ ар си ггусэу ар зэттыр». АрщхгэкІэ мыблаггэ-объект ІуэхуцІэ ггэпсыкІэу щыІэр ищхгэкІэ кьыщыхгэ ггэпсыкІэ закгуэрщ. Ауэ а ггэпсыкІэр лгэужыггуйтІу кьыбгурыІуэнкІэ хгунуш. Кьапщгэмэ, *зыдыритар* ггэпсыкІэр мыхгэнитІ иІгэу кьаггэсэбэл: 1) «ар абы зи ггусэу зыритар»; 2) «абы щыггэуу ар абыхэм зыратар».

9. Щхьитху зиІэ лэжыггэцІэ лгэлэсхэм кьатекІ ІуэхуцІэхэр щлаггэуу кьаггэ-сэбэпыркгым. ИтІанэ апхуэдэ лэжыггэцІэхэм ІуэхуцІэу кьаггэхгурі мащІэщ. Логикэ и лгэныкгуэкІэ убггэдыхгэмэ, щхьитху зиІэ лэжыггэцІэ лгэлэсым кьытехгукІыпхгэт ІуэхуцІэу тху – субъект, благгэ-объект ІуэхуцІэхэр, мыблаггэ-объект ІуэхуцІэуи щы. Псалгэм папщІэ, *яхуреггэшэлІэн* лэжыггэцІэм кьытепщІыкІыпхгэт мыпхуэдэ мыхгэнэхэр зиІэ ІуэхуцІэхэр [Кабардино-черкесский язык 2006: 295]:

- 1) «абы ар абыхэм папщІэ абы ирезггэшэлІар» (субъект ІуэхуцІэ);
- 2) «абы папщІэ абы абы ирезггэшэлІар» (благгэ-объект ІуэхуцІэ);
- 3) «ар абы абыхэм папщІэ зэггэшэлІар» (мыблаггэ-объект ІуэхуцІэ);
- 4) «абы ар абыхэм папщІэ зырезггэшэлІар» (мыблаггэ-объект ІуэхуцІэ);
- 5) «абы ар абыхэм зыхурезггэшэлІар» (мыблаггэ-объект ІуэхуцІэ).

АрщхгэкІэ ггэпсыкІищ нэхыбэ бгэм кьиггэхгуркгым:

- 1) Субъект ІуэхуцІэ *зы-* лгэабжгэпэкІэ кьохгу: *яхуре-зы-ггэшэлІар*;
- 2) Лгэабжгэггусэншгэу кьохгу благгэ-объект ІуэхуцІэ: *яхурезггэшэлІар*;
- 3) Мыблаггэ-объект ІуэхуцІэ кьеггэхгэу *зы-* лгэабжгэпэм: *зы-хурезггэшэлІар*.

Щапхгэхэм кьызэраггэлгаггэуэщи, мыблаггэ-объект ІуэхуцІищым я пІэкІэ кгэхгур зыщ. А ггэпсыкІэм и мыхгэнгэу кгэтхгэм («абы ар абы зыхурезггэшэлІар») нэмыщІкІэ, бгэм ирипсалгэхэм ар кьаггэсэбэпынкІэ хгунуш нэггэуэщІуи – зи хгэтыркІэ ирашалІэр мыхгэуу, езы зырашалІэр кьиггэлгаггэуу.

Етхуангэу кгэхгун хуея ІуэхуцІэм и мыхгэнэр («ар абы абыхэм папщІэ зэггэшэлІар») кьикІгэу бгэм ггэпсыкІэ хгткьыми, ар кІыхгэу кьыбгураггэІуэн хуей мэхгэу.

2.2. Хгэл, Іэмэпсымэ ІуэхуцІэхэр кьызэрыхгур

ИщхгэкІэ кьызэрыщыггэльггэуаши, субъект, объект ІуэхуцІэхэм я кгэхгукІэм и нэггэнгэу щытщ ахэр кьызытекІ лэжыггэцІэр лгэлэс-лгэмыІэсым елгытауэ зэм лгэабжгэпэ *зы-*кІэ, зэм лгэабжгэггусэншгэу кьызэрыхгур. Субъект, объект ІуэхуцІэхэм кьащхгэщыкІгэу, хгэл, Іэмэпсымэ ІуэхуцІэхэр лэжыггэцІэ лгэлэсхэми лгэмыІэсхэми кьазэрытепщІыкІыр згтохуэ [Бижоев 1991: 73].

Щхгэхуэ-щхгэхуэрэ дакьытеувыІэнщ хгэл, Іэмэпсымэ ІуэхуцІэ лгэужыггэуэ дгтхэнэми и кгэхгукІэм.

1. **ЩыпІэ хгэл ІуэхуцІэхэр** кгэггэщІа мэхгэу *зыдгэ-*, (*зы*)*щы-* лгэабжгэпэхэмкІэ: *зыдгэ-кІуэр* (*кІуэн* лэжыггэцІэм кьытокІ), (*зы*)*щы-слгэггэуар* (*лгэаггун*), н.кь.

Лгэабжгэпэр (*зыдгэ-*) зэриух макгым зихгэужынкІэ хгунуш лэжыггэцІэм и ухуэкІэм елгытауэ. Псалгэм папщІэ, ар зэриух э макгзешэр ещанэ щхгэм и лгэабжгэггусэ *ы-*м и пэм щыпокІуэдыкІ: *зыдихгыр*. НэггэуэщІ фонетикэ кгэхгуггэ урохгэлІэ: *зыдгэ-* лгэабжгэпэм и пэ макгзешэкІэ иух нэггэуэщІ лгэабжгэпэ кьиувэмэ, *зы-* Іыхгэм и *ы* макгзешэр мэкІуэд: *сы-з-дгэ-щысыр*, *кьы-з-ды-щыхгэуар*...

Адрей (*зы*)*щы-* лгэабжгэпэм и кІгэух *ы-*ми зэхгэужкІыныггэ иггэуэтынкІэ хгунуш лэжыггэцІэм и ухуэкІэм елгытауэ: *сыщеггэжгэнур*.

Фонетикэ зэхгэужкІыныггэ кьыщохгэу *зы-* Іыхгэми и кІгэух макгзешгэм.

Зыдэ-, *зы(цы)-* лъабжьэпэхэр я кьэгъэсэбэпыкIэкIэ зэщхьэщокI: *зыдэ-м* кьышхьэщыкIыу *зыцы-* лъабжьэпэм *зы-* Iыхьэр хэмыту *цы-* теплъэри иIэщ, уеблэмэ а *цы-*р бзэм ирипсальэхэм нэхьыбэрэ кьагъэсэбэп.

IуэхуцIэ гъэпсыкIэ *цы-* зыхэттым омоним кьегъэхьу – зыхэт контексттым елгытауэ абы кьыгъэлъэгъуэнкIэ хьунуш Iуэхугъуэр щекIуэкI щыпIи, зэмани, еплъ: *цылажьэр*: 1) *Ар цылажьэр пцэдэйщ* (зэман); 2) *Ар цылажьэр унэриц* (щыпIэ). Нэхъ гъэщIэгъуэныжщ мыпхуэдэ жыIэгъуэр: *Ар цылажьэр соцIэ*: 1) *Ар цылажьэ зэманыр сощIэ*; 2) *Ар цылажьэ щыпIэр сощIэ*.

ЩыпIэ хьэл IуэхуцIэ кьагъэхьуу лъабжьэпитI щыщыIэкIэ, япэ еплгыгъуэкIэ кьыпщыхьункIэ хьунуш ахэр дапщэщи синоним зэхуэхьуу, ауэ а лъабжьэпэхэр я мыхьэнэкIэ зэхуэхэ дьдэу щыткьым: *зыдэ-м*, *зыцы-м* кьышхьэщыкIыу, унэтIыныгъэ мыхьэнэ иIэщ. Абы кьыхэкIкIэ лъэныкьуэ гуэркIэ унэтIа лэжыгъэ кьэзыгъэлъагъуэ лэжыгъэцIэхэм щыпIэ хьэл IуэхуцIэ кьащыгтекIкIэ япыувэр *зыдэ-* лъабжьэпэрщ: *зыдэ-кIуэр*, *зыдэ-жэр*. Егъапщэ: *зыцы-//цы-* зыхэт гъэпсыкIэхэр: (*зы*)*цыкIуэр*, (*зы*)*цыжэр*. Мы иужьрей гъэпсыкIэхэр, япэрауэ, бзэм куэдрэ кьышагъэсэбэпыркьым (зэрыжаIэ хабзэр *кьы(зы)цикIухьыр*, *кьы(зы)цижыхьыр* жаIэуш), етIуанэрауэ, ахэр кьарыкIымкIи кьащхьэщокI *зыдэ-* зыхэт гъэпсыкIэхэм: мыбыхэм унэтIыныгъэ мыхьэнэкьым яхэлъыр, щыпIэ мыхьэнэщ. ЩыпIэ лъабжьэпитIыр зэрызэщхьэщыкIыр нэхъ наIуэ иритщIыныш мыпхуэдэ шапхьэм. Япэм *псэльэн*, *кIиш* лэжыгъэцIэхэр зэрызэтемыхуэу шыта нэцэнэт *кIиш-ым* щыпIэ хьэл IуэхуцIэу тIу (*цыкIийр*, *зыдэкIийр*) кьытепщIыкIыу, *псэльэн-ым* зы фIэкIа (*цытсальэр*) кьытемыкIыу зэрыщытар. «УнэтIыныгъэ гуэркIэ псэльэн» мыхьэнэ бзэм иIакьым. Ауэ телефоныр гъащIэм кьыхыхьэри *зыдэпсальэр* жыхуиIэ гъэпсыкIэри абы кьыдэунэхуаш: *Ар зыдэпсальэр (телефонкIэ) НалшыкIу*.

ЩыпIэ хьэл IуэхуцIэ кьазэрытепщыкI елгытауэ лэжыгъэцIэхэр гупитI ипщIыкI хьунуш:

- 1) *зыцы-//цы-* гъэпсыкIэ фIэкIа зимыIэхэр;
- 2) *зыцы-//цы-*, *зыдэ* гъэпсыкIитIри зиIэхэр [Бижоев 2005: 152].

Япэ гупым хохьэ унэтIыныгъэ мыхьэнэ зыхэмылъ лэжыгъэцIэ куэдыкIейр: *лэжьэн*, *жеин*, *шхэн*, н.кь.; лъабжьэпэ кьэ-рэ лъабжьэужь *-хь-кIэ* лэжыгъэцIэ лъэмыIэхэм кьатепщIыкIа лэжыгъэцIэ лъэлэхэр: *кьы-цижы-хь-ыр*, *кьы-цикIухь-ыр*, н.кь.; язэхуэдэныгъэ лъабжьэпэ *зэры-*, *зэ-* зыхэт лэжыгъэцIэхэр: *цы-зэры-лъагъур*, *цы-зэ-луцIар*, н.кь.; зэщIыгъуныгъэ гъэпсыкIэ зиIэ лэжыгъэцIэхэр: *цы-зэдэ-лажьэр*, *цы-зэдэ-уэршэрар*, н.кь.; субъектым хуэгъэза гъэпсыкIэ зиIэ (зыгъэзэж) лэжыгъэцIэхэр: *цы-зэ-плгы-ж-ыр*, *зы-зы-ци-тхьэцIар*, н.кь.; IэщIэщIэныгъэ гъэпсыкIэм тет лэжыгъэцIэхэр: *цы-IэцIэ-укIар*, *цы-IэцIэ-кIар*, н.кь.; нейтрал псальэпкь зиIэ лэжыгъэцIэхэр (кьытемыкIэхэри, кьытекIэхэри): *цыIуэр* (лъэмыIэс), *циIуэр* (лъэлэс), *цыудзэгур*, *циудзэгур*, н.кь.; шыIэцIэхэм кьатепщIыкIа лэжыгъэцIэ мыхьейхэр: *цыстудентыр*, *цыеггэджакIуэр*, н.кь.

ЕтIуанэ гупым хэбгъэхьэ хьунуш унэтIыныгъэ мыхьэнэ зыхэлъ лэжыгъэцIэхэр: *кIуэн* – *зыдэ-кIуэр*, *цы-кIуэр*; *плгэн* – *зыдэ-плгэр*, *цы-плгэр*; *жэн* – *зыдэ-жэр*, *цы-жэр*, н.кь.

Гу лгытэгъуейкьым, *зыдэ-* лъабжьэпэр, (*зы*)*цы-*м елгытауэ, куэдкIэ нэхъ мащIэрэ бзэм кьызырэхуэм. Абы и щхьэусыгъуэр лэжыгъэцIэ псоми, кьанэ щIагъуэ шымыIэу, щыпIэ кьагъэлъэгъуэфу, унэтIыныгъэ зыхэлъхэр абыхэм елгытауэ куэд мыхьуу зэрыщытыр аращ.

Бзэм ущыхуозэ *зыдэцы-* зыхэт щыпIэ хьэл IуэхуцIэ гъэпсыкIи. Мыбы зэуэ хохьэ щыпIэ лъабжьэпитIри: *зыдэ-цы-лажьэр*, *зыдэ-цы-сицIэр* [Кабардино-черкесский язык 2006: 298].

Мыпхуэдэ гъэпсыкIэхэм *дэ-* Iыхьэр хэтми, хэмытми хьунуш, еплъ: *зыдэцылажьэр//зыцылажьэр*. Ауэ *цы-* Iыхьэр Iэмал имыIэу хэтын хуейуэ литературэбзэ хабзэм кьегъэуэ: *зыдэлажьэр (цылажьэр)* мыхьэнэр иIэу) литературэбзэм кьыш-тэркьым, IуэрыIуатэбзэм апхуэдэ кьыхэхуэми.

ЩыпIэ мыхьэнэ зиIэ адреЙ лэжыгыгэцIэ льябжьэпэхэм ящыщ (хэ-, т-, йы-, цIэ-, н.кь.) зыхэт лэжыгыгэцIэхэм щыпIэ хьэл IуэхуцIэ кьазэрытехьукIым гьэщIэгьуэнагь хэлъщ. Литературэбзэ мардэклэ апхуэдэ лэжыгыгэцIэхэм щыпIэ хьэл IуэхуцIэхэм я льябжьэпитIым языр (дэ- е *цы-*) япыувэн хуейми, а хабзэм кьыщыгтекIи урохьэлIэ. Абы кьешэ гьэпсыкIэ зэмыщхьхэр. Зэлъыг: *зыды-тетыр // зы-тетыр, зыды-хэсыр // зы-хэсыр*, н.кь. Зэрыхабзэу, апхуэдэхэм деж дэхур дэ-ращ, *цы-*р дапщэщи хэтщ [Бижоев 2005: 155].

2. Зэман хьэл IуэхуцIэхэр ухуа мэхьу *цы-* льябжьэпэкIэ: *цы-кIуэр, цы-лажьэр*, н.кь. *Щы-* льябжьэгьусэр мыхьэнэбэу зэрыщытым кьешэ а льябжьэпэр зыхэт лэжыгыгэцIэ гьэпсыкIэхэм омоним куэдэ кьагьэхьуныр. Псалъэм папщIэ, *щылажьэр* лэжыгыгэцIэ гьэпсыкIэр контекстым хэмытмэ, абы мыпхуэдэ мыхьэнэхэр иIэнкIэ хьунуш: 1) «абдеж щылажьэр (Iуэху зылэжьыр)»; 2) «ар щылажьэ щыпIэр»; 3) «ар зэман щылажьэр». Зэрытлыагьуши, щыпIэ, зэман хьэл IуэхуцIэ гьэпсыкIэхэм нэмыщI омоним гупым ядохьэ лэжыгыгэцIэхэм щыпIэ преверб *цы-* япыувэу кьэхьуа субъект, объект IуэхуцIэхэри. Апхуэдэ зи хьэлыр ехьэлIа льябжьэгьусэ *зы-* хэмыту кьэхьу субъект-объект IуэхуцIэхэрщ. Ауэ щыхьукIэ, щыпIэ, зэман хьэл IуэхуцIэхэм омоним яхуэхьур лэжыгыгэцIэ лъэмьIэсхэм кьатепщыкI субъект IуэхуцIэхэмрэ лэжыгыгэцIэ лъэлэсхэм кьатехьукI благьэ-объект IуэхуцIэхэмрэщ. Я кьэгьэсэбэпыкIэкIэ щыпIэ хьэл IуэхуцIэм и льябжьэпэ *цы-*мрэ зэман хьэл IуэхуцIэм и льябжьэпэ *цы-*мрэ зэщхьэщокI: щыпIэ хьэл льябжьэпэм, ищхьэкIэ кьызэрыщыгьэльэгьуаши, гьэпсыкIитI иIэщ (*зыцы-, цы-*): *зы-цы-лажьэр // цы-лажьэр*, зэман льябжьэпэм *зы-* хэтынкIэ хьунукуьым.

ЩыпIэ хьэл IуэхуцIэ льябжьэпэ *зыцы-*м, *цы-* гьэпсыкIэм кьыщхьэщыкIыу, омоним кьыгьэхьуркуьым.

3. Лэжыгыгэм и кьуэхьукIэ хьэл IуэхуцIэхэр *зэры-* льябжьэпэмкIэ кьохьу: *зэры-кIуэр, зэры-лажьэр*, н.кь. ЛэжыгыгэцIэ гьэпсыкIэ *зэры-* зыхэтым теухуауэ щIэныгьэлIхэм я IуэхуепльыкIэр зэтехуэркуьым. НэхьапэлукIэ дунейм кьытехьа адыгэбзэ грамматикэхэм языхэзым итщ мыпхуэдэу: «IуэхуцIэхэм яхэбгьээзэрыхь хьунукуьым Iэмэпсымэ IуэхуцIэхэм омоним яхуэхьу гьэпсыкIэхэр, я мыхьэнэкIэ урысыбзэм и лэжыгыгэцIэхэм «что», «как» псалъээзэпыщIэхэм ящIыгьуу кьагьэхьу зэпхыгьэхэм ещхьхэр» [Грамматика 1970: 185]. ТегьэщIапIэ нэхьыщхьэу мыбдеж щашьыр мыпхуэдэ кьэхьугьэхэр, адреЙ IуэхуцIэ лъэпкьыгьуэхэм ещхьу, псалъэ гуэр ягьэбелджылыуэ кьызэрымыкIуэрщ.

АрщхьэкIэ зи гугьу ищI «что» + лэжыгыгэцIэ», «как + лэжыгыгэцIэ» гьэпсыкIитIыр хэпщIыкIыу абы илэныкьуэкIэ зэщхьэщокI. Япэм деж, пэж дьдэу, *зэры-* зыхэт гьэпсыкIэр игьэбелджылы псалъэ гуэр пыувэфьунукуьым, нэгьуэщIу жыпIэмэ абы хуэгьээщIэнукьым IуэхуцIэм и кьалэн нэхьыщхьэр – зыгуэр гьэбелджылыныр (гьэнэлэуныр). Ауэ «как+лэжыгыгэцIэ» мыхьэнэ зиIэ гьэпсыкIэхэм я гугьу пщIымэ, ахэр ягьэналуэ псалъэм пыувэфьунуш. Пэжщ, ахэр зыгуэувэф псалъэхэр я бжыгьэкIэ куэд хьуркуьым, инэхьыбэм ар *Iэмал, щIыкIэ* псалъэхэрщ: *зэрымыкIуэн Iэмал*.

Иджырейбзэм убгьуауэ кьышагьэсэбэп *формэ* нэгьуэщIыбзэ псалъэри: *зэры-лажьэ формэр*. МашIэу щытми, апхуэдэ ягьэналуэ псалъэхэр зэрыщыIэм зи гугьу тщIы гьэпсыкIэхэр гьунэгьу яхуэщI IуэхуцIэхэм икIи ахэр кьапылуша мэхьу омоним зыхуэхьу, ауэ ягьэналуэ псалъэ лъэпкьэ зимыIэ «что+лэжыгыгэцIэ» мыхьэнэ зиIэ гьэпсыкIэхэм.

4. Щхьэусыгьуэ, мурад хьэл IуэхуцIэхэр кьохьу *щIэ-* льябжьэпэкIэ: *щIэ-кIуэр, щIы-цысыр*, н.кь.

Щхьэусыгьуэ, мурад мыхьэнэ кьызэрагьэлыагьуэ нэгьуэщI Iэмалхэри бзэм иIэщ: *Блэр зытраукIэр и шэрэщ* (Псалъэжь); *Зи ныбэ из хьуа цIыхухэм и ящыгьуипцэжэст нобэ щIызэхуэсар и, тхьэлгьэлу зытращIыхьари* (КIыщокьуэ А. Хьуэпсэгьуэ нур); *СыкьыщIэкуам ухуеймэ – уи пхьуращ сыкьызытекIухьар* (КIыщокьуэ А. Нал кьута).

КъыхэгъэщагъэпсыкIэхэр *щIэ*- зыхэтгъэпсыкIэхэмкIэ зэпхьукIкIэ я мыхьэнэм зыхьужьырккъым: *зытраукIэр – щIаукIыр; сыкызытекIухьар – сыкыщIэкIуар*.

5. Iэмэпсымэ, хьэл ГуэхуцIэхэр къегъэхьу зэры- лъабжьэпэм: *зэры-кIуэр*, (гу, машинэ, н.), *зэры-лажьэр* (Iэдэ, уадэ, н.), н.къ.

Iэмэпсымэ ГуэхуцIэхэр объект ГуэхуцIэхэм хэзыгъэхьэ щыIэш, ауэ мыхэр я къэхьукIэки, я зыхьужьыкIэки зэщхьыр объект ГуэхуцIэхэр аракъым, хьэл ГуэхуцIэхэрщ.

Я къэхьукIэм и гугъу пщIымэ, Iэмэпсымэ ГуэхуцIэхэр адреи хьэл ГуэхуцIэхэми хуэдэу лэжьыгъэцIэ лъэлэсхэми, лъэмыIэсхэми, зы щхьэ зиIи, щхьэ куэд зиIи псоми къатэбгъэкI хьумэ, мыблагъэ-объект ГуэхуцIэхэр къатепщIыкIырккъым зы щхьэ зиIэ лэжьыгъэцIэ лъэмыIэсым, зы щхьэ, щхьитI зиIэ лэжьыгъэцIэ лъэлэсым. Еплъ апхуэдэхэм къатэкI Iэмэпсымэ ГуэхуцIэхэм: *зэрыкIуэр (кIуэн* зы щхьэ зиIэ лэжьыгъэцIэ лъэмыIэсым къытокI), *зэрызитхьэщIыр (зытхьэщIын* зы щхьэ зиIэ лэжьыгъэцIэ лъэлэсым къытокI), *зэрищIэр (щIэн* щхьитI зиIэ лэжьыгъэцIэ лъэлэсым къытокI).

Ди къэхутэныгъэм кърикIуахэр къызэщIэткъуэжмэ, гупсысэ дызыхуэкIуахэр мыращ. Япэрауэ, адыгэбзэхэр ГуэхуцIэ лэужьыгъуэхэмкIэ егъэлеяуэ къулейщ. ЕтIуанэрауэ, ГуэхуцIэ зэмыфэгъухэр бзэм къызэригъэщIми гъэщIэгъуэнагъхэр мымащIэу хьыболъагъуэ: лъабжьэпэхэр абы хэлэжьыхьын-хэмылэжьыхьыныр, хэлэжьыхьмэ, ар зэрэкIуэкI щыкIэр елытащ ГуэхуцIэр къызытекI лэжьыгъэцIэм и зэхэлъыкIэм, абы къэшэ а зы ГуэхуцIэ лъэпкъыгъуэм къызэщIиубыдэхэри я къэхьукIэкIэ дапщэщи зэтэхуэу зэрыщымытыр. Ещанэрауэ, адыгэбзэм ГуэхуцIэхэм я лъэныкъуэкIэ хэлъ хьэлэмэтагъхэр къэхутэным езы адыгэ бзэщIэныгъэр япэкIэ зэригъэкIуатэм нэмышIкIэ бзэщIэныгъэ теорием папщIи мыхьэнэ иIэш, абы къыхэкIкIэ мы Гуэхугъуэр дяпэки гулътэ лей зыхуэщIыпхьэхэм ящыщ.

ТегъэщIапIэ хьуа литературэр

1. *Бижоев Б.Ч.* Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик: Нарт, 1991. 152 с.
2. *Бижоев Б.Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.
3. *Грамматика* кабардино-черкесского литературного языка. М.: Наука, 1970. 216 с.
4. *Кабардино-черкесский язык* в 2-х т. Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 549 с.
5. *Керашева З.И.* Классификация причастий в адыгских языках // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977. С. 34–48.
6. *Шагиров А.К.* К классификации причастия в связи с проблемой залогов в кабардино-черкесском языке // Труды Карачаево-Черкесского НИИ (серия филологическая). Вып. IV. Черкесск, 1965. С. 52–57.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЧАСТИЙ И ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ИХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Бижоев Борис Чамалович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Статья посвящена грамматическому анализу причастий в кабардино-черкесском языке и призвана осветить специфические черты исследуемого языка как по их разновидностям, так и по способам образования многочисленных их форм, функционирующих в адыгских языках.

В работе обзревается предыдущие труды по причастиям тех специалистов, которые активно участвовали в раскрытии сущности причастий в адыгских языках, в то же время вносятся коррективы в существующую классификацию причастий, более подробно и всесторонне прослеживаются способы формирования каждого разряда причастий, при этом особое внимание уделяется на факт влияния на эти способы структуры глагола, от которого они производятся (переходность-непереходность, полиперсонализм и т.д.).

Выявление и внедрение в научный оборот своеобразия адыгских языков нацелено не только на развитие лингвистического адыгovedения – это будет иметь значение и для теории языкознания, поскольку ни в одном языке мира рамки причастий не столь широки, как в адыгских, богатство причастных форм проявляется и в синтаксисе, где причастия образуют конструкции, соответствующие придаточным предложениям в других, например индоевропейских, языках.

В статье применен ряд новых терминов из числа тех, которые специально разработаны нами для создаваемой впервые академической научной грамматики на кабардино-черкесском языке. Прежде всего это само явление «причастие» (ІуэхуцІэ), которое до настоящего времени не имело национального обозначения.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, причастие, переходный и непереходный глаголы, префикс, субъект, объект, образ действия.

CLASSIFICATION OF PARTICIPATIONS AND FEATURES OF THE FORMATION OF THEIR VARIETIES IN THEIN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Bizhiov Boris Chamalovich, Doctor of Philology, Leading Research Scientist, Department of Kabardino-Circassian Language of the Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bizhiov1952@mail.ru

The article is devoted to the grammatical analysis of participles in the Kabardino-Circassian language and is designed to highlight the specific features of the studied language both in terms of their varieties and in the ways of forming their numerous forms that function in the Adyghe languages.

The work reviews the previous works on the participles of those specialists who made a significant contribution to the disclosure of the essence of participles in the Adyghe languages, at the same time, adjustments are made to the existing classification of participles, in more detail and comprehensively traced the ways of forming each category of participles, with special attention paid to the fact that these methods are influenced by the structure of the verb from which they are derived (transitivity-intransitivity, polypersonalism, etc.).

The identification and implementation of the scientific turnover of the originality of the Circassian languages is aimed not only at the development of linguistic Circassian studies – this will also be important for the theory of linguistics, since in no language of the world are the participles as wide as in the Circassian, the richness of participial forms is also manifested in syntax, where participles form constructions corresponding to relative clauses in other, for example, Indo-European, languages.

The article uses a number of new terms from those that were specially developed by us for the first created academic scientific grammar in the Kabardino-Circassian language. First of all, this is the very term «participle» (ІуэхуцІэ), which until now had no national designation.

Keywords: Kabardino-Circassian language, participle, transitive and intransitive verbs, prefix, subject, object, mode of action.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-54-62

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БРАННОЙ ЛЕКСИКИ И ПРОКЛЯТИЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Бижоев Борис Чамалович, доктор филологических наук, заведующий сектором кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bizhoviev1952@mail.ru

Токмакова Мадина Хасанбиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tokmak_madina_h@mail.ru

Данная статья посвящена бранной лексике, проклятиям, функционирующим в кабардино-черкесском языке. Представляя семантический класс внешнего выражения эмоций, данные языковые единицы относятся к предикативно-коммуникативным фразеологизмам. Указаны их основные грамматические способы оформления, а именно грамматические формы глагольного компонента – инфинитивная форма, желательное наклонение (оптатив), причастная форма. Перечислены часто используемые для этого аффиксы (-н, д-, щI-, р(э)-, у- и т.д.). Исследован структурный состав и отмечены основные виды данных фразеомотивов: двухкомпонентные, трехкомпонентные, четырехкомпонентные. Проведена семантическая классификация бранной лексики. Рассмотрены бранная лексика, проклятия с точки зрения степени выражения негатива: пожелание несчастий, пожелание смерти и пожелание смерти разными способами. Проанализирован именной компонент фразеологических единиц, выявлены в составе бранной лексики, проклятий слова, имеющие негативное или эмоционально нейтральное значение. И те и другие могут образовывать целые ряды негативных фразеомотивов – бранную лексику, проклятия. В составе исследуемых единиц отмечены слова-понятия, представляющие для адыгов определенную ценность (дом, семейный очаг и т.д.). Продемонстрирована возможность варьирования предикативно-коммуникативных фразеомотивов, касающаяся составляющих компонентов, грамматической формы глагола.

Ключевые слова: фразеомотивы, бранная лексика, проклятия, предикативно-коммуникативные фразеологизмы, эмоциональная характеристика.

Эмогиология, изучающая способы обозначения, выражения и функционирования эмоций в языке, на сегодняшний день является актуальным направлением в мировой лингвистике. В кабардино-черкесском языке эмотивная лексика еще не разработана. Фразеологизмы, отражающие в большей степени, чем другие языковые единицы специфику национального языкового сознания адыгов и представляющие значительную часть эмотивной лексики [Токмакова 2008], требуют специального изучения. Предметом данного исследования является бранная лексика, проклятия. Выделяясь в особую группу, они относятся, наряду с пожеланиями, приветствиями и клятвами, к фразеологическим сочетаниям предикативно-коммуникативного типа [Карданов 1973: 186]. По формальной структуре данный тип аналогичен свободным предикативно-коммуникативным единицам, но в отличие от них воспроизводится в речи в готовом виде и может употребляться в речи как

самостоятельно, так и в составе структурно более сложной единицы (предложения). В работе были использованы фразеологизмы из трудов Б.М. Карданова [КРФС], З.М. Налоева [Налоев 2008].

Глаголы в рассматриваемых фразеомотивах обычно используются либо в инфинитивной форме с суффиксом *-н* (*ажсалыр кызыхуэклуэн* «чтоб ты сдох» (букв. «смерть к кому придет»), *гъузгу мыгъуэ ежъэн* «будь ты проклят» (букв. «в несчастную дорогу отправиться»), *лажъэр зыкгуэццлыкхуэн* «пусть постигнет тебя горе» (букв. «в кого несчастье вонзится»), *емынэр зи унэм ихъэн* «черт тебя побери» (букв. «чума в чей дом войдет»), *ныбэ узым ихъын* «да унесет тебя холера» (букв. «болезнью живота кого унесет») и т.д.), либо в оптативном (желательном) наклонении в значении «пусть, чтобы». Последние могут образовываться с помощью локальных превербов *д-* (*даух – и хъэдэр даух* «пусть он умрет» (букв. «его труп пусть оттуда выносят»), *цI-* (*цIлаульхъэ – и хъэдэр цIлаульхъэ* «пусть он умрет» (букв. «его труп пусть похоронят»), префикса *р(э)-* (*псывэр нIураугъэладэ* «кипяток пусть залиют тебе в рот»), личного префикса *у-* (*уихъ – шэм уихъ* «пропади пропадом» (букв. «пулей чтоб тебя унесло»), *ухъу – гъырынIэ ухъу* «пропади ты пропадом!» (букв. «местом слез стань»), *укIуэ – зэныту укIуэ* «иди ко всем чертям, скатертью дорога» (букв. «следом иди»)) [Кабардино-черкесский язык 2006: 222].

Помимо основных перечисленных аффиксов, образующих бранную лексику, проклятия, используются и другие префиксы, например, *зы-* (*Алыхъым и нэлатыр зытехуэн* «проклятие» (букв. «на кого проклятье Аллаха падет»), *Алыхъым и бэлыхъыр зытрильхъэн* «на кого Аллах свое наказание положит»), *гъэ-* (*Алыхъым утригъэпыхъэ* «чтоб Аллах заставил тебя оплакивать кого-что-л.», *Алыхъым укъыццIэмкIыжыну уцIигъэладэ* «пусть Аллах тебя загонит (под землю) так, чтобы ты не смог оттуда выбраться»), *кы-* (*Алыхъым и нейр кыыпцыхуэ* «причинить зло» (букв. «чтобы плохой взгляд Аллаха тебя помазал»), *бэлыхъыр кыыпцихуэ* «чтобы горе (несчастье) на тебя пало») и т.д.

Некоторые фразеомотивы могут функционировать в речи в двух вариантах – с инфинитивным суффиксом *-н* и с превербами в желательном значении, например: *цIланIэ нэцI ихъэжын* «чтоб тебе было пусто» (букв. «вернуться в пустой двор» – *цIланIэ нэцI ухъу* «чтоб тебе было пусто» (букв. «чтоб твой двор опустел»), *цIы къатиблIэ кIуэцIрыхун* «провались ты в тартарары» (букв. «провалиться на семь слоев в землю») – *цIы къатиблIэ еух* «провались ты в тартарары» (букв. «провались на семь слоев в землю») и т.д. Также могут варьироваться составляющие компоненты фразеомотива, что, однако, не сказывается на его смысле, например: *гъырынIэ ухъу (кыыпхукIуэ)* «пропади ты пропадом!» (букв. «местом плача стань»), *тхъэр зэуэн (зыцыхъэн)* «чтоб он (ты) был проклят богом» (букв. «кого бог ударит (к кому пристанет)»), *гъузгу мыгъуэ ежъэн (теувэн)*! «будь ты проклят!» (букв. «в несчастную дорогу отправиться») и т.д.

По структурному составу исследуемые фразеомотивы в основном можно разделить на двухкомпонентные (*хъэдэр зыгъеин* «проклятый» (букв. «кто покойника оплакивает»), *цыблэр зэуэн* «проклятый» (букв. «кого молния ударит»), *къэмыхъуу зыгъээжын* «чтоб ты не достиг зрелости» (букв. «кто, не выросшим, обратно вернется»), трехкомпонентные (*ныбэ узым ихъын* «да унесет тебя холера» (букв. «болезнь живота кого унесет»), *сыхъэт мыгъуэм IуцIэн* «да встретишь ты несчастье» (букв. «несчастный час встретить»), *зи хъэдэр къахъыжын* «да принесут тебя мертвого домой» (букв. «чей труп принесут») и четырехкомпонентные (*зи жъэгум псы ирагъэжыхъын* «да разнесет поток его очаг» (букв. «чей очаг водой вымоют»), *емынэр зи унэм ихъэн* «черт тебя побери» (букв. «чума в чей дом войдет»), *цыблэжъыр зи кIуэцIлыкIыцIэм цыджэрэзын* «молния в чьих внутренних частях будет вертеться»).

По мотивному значению данные единицы мы относим к семантическому классу внешнего выражения эмоций [Токмакова 2017: 33–37], так как они однозначно

демонстрируют эмоциональное состояние субъекта, а именно: гнев, злобу, раздражение. Различаются проклятия (пожелания зла), примеры которых были приведены выше, и обзывания, «нелестная» оценка человека (*хьэм кьильхуа* «собачий выродок»), *лъэдакьачэм кьильхуа* «потомок нищего» (букв. «человеком с треснувшей пяткой рожденный»), *хьэр кьахэжьаиц* «богом проклятые» (букв. «собака на них рыгнула»), *дуней нэхум иужэзгьуа* «несчастный, проклятый» (букв. «светлому миру надоевший»), *гьузэу мыгьузэ ежьа* «проклятый» (букв. «по несчастной дороге отправившийся») и т.д.). Последние помимо внешнего выражения эмоций также дают эмоциональную характеристику объекту недовольства. Как мы можем видеть, в большинстве своем подобные фразеомотивы складываются из сочетаний существительного и отглагольной формы – причастия.

Проклятия по содержанию можно разделить на три группы, различающиеся степенью испытываемой адресантом эмоции (от менее интенсивного до более интенсивного): пожелание несчастий, пожелание смерти и пожелание смерти разными изощренными способами. Последний вид, отличающийся особой образностью, видимо, дает большее удовлетворение от фантазии на тему умерщвления недруга, чем просто пожелание смерти. Замечено, что, как правило, чем сильнее ругается человек, выплескивая весь свой негатив в словах, тем быстрее он освобождается от него. Также подобные выбросы негатива успокаивают негодующего, способствуя таким образом сохранению его здоровья [Налоев 2008: 159–160].

Приведем примеры слабой степени проявления негатива, ограничивающейся пожеланием зла, неудачи, но еще не смерти: *гьузэу мыгьузэ ежьэн* «будь ты проклят» (букв. «в несчастную дорогу отправиться»), *лажьэр зыкьуэцьыхуэн* «пусть постигнет тебя горе» (букв. «несчастье в кого вонзится»), *сыхьэт мыгьуэм луцлэн* «да встретишь ты несчастье» (букв. «несчастный час встретить»), *гьырынлэ ухьу (кьыхукьуэ)* «пропади ты пропадом» (букв. «местом плача стань»), *зэпыту укьуэ* «иди ко всем чертям, скатертью дорога» (букв. «следом иди»), *банэ лураульэф* «типун ему на язык» (букв. «колючками пусть ему рот раздерет»), *шыд ухьу* «ослом стань» и т.д.

В проклятиях, желающих смерть, именной компонент, в одних случаях, обозначает один из атрибутов смерти (саму смерть, покойника, поминки и т.д.): *ажалыр кьызыхуэкьуэн* «чтоб ты сдох» (букв. «смерть к кому придет»), *хьэдэр зыгьеин* «проклятый» (букв. «кто покойника оплакивает»), *зи хьэдэр кьахьыжын* «да принесут тебя мертвого домой» (букв. «чей труп принесут»), *хьэдэлус хьун* «да чтоб тебя съели на поминках, чтобы ты стал поминальной едой», *псэхэлэ ухьу* «чтоб ты сдох» (букв. «мертвым (как животное) чтоб стал») и т.д.

В других случаях, для проклятий используется иносказательный способ, подразумевающий наступление смерти: *цлы цхьэфэ хьун* «дай бог, чтоб ты превратился в прах» (букв. «поверхностью земли стать»), *цлы фьыцлэм цлэлээдэн* «в черную землю закатиться», *цлы кьатиблкьэ кьуэцлрыхун* «на семь слоев провалиться в землю», *кьэмыхьуу зыгьэзэжын* «чтоб ты не достиг зрелости» (букв. «кто, не выросшим, обратно вернется») и т.д.

Проклятия с названием способа умерщвления: *шэм уихь* «пропади пропадом» (букв. «пулей чтоб тебя унесло»), *ныбэ узым ихьын* «да унесет тебя холера» (букв. «болезнь живота чтобы тебя унесла»), *цыблэр зэуэн* «проклятый» (букв. «кого молния поразит»), *емынэр зи унэм ихьэн* «черт тебя побери» (букв. «чума в чей дом войдет») и т.д.

В некоторых проклятиях используется имя Аллаха, воздействующее на верующих особенно сильно, так как от его силы и наказания невозможно скрыться: *тхьэр зэуэн* «чтоб он (ты) был проклят богом» (букв. «кого бог ударит»), *Алыхьым и нэлатыр зытехуэн* «проклятие» (букв. «на кого проклятье Аллаха падет»), *Алыхьым и нейр кьыпцыхуэ* «причинить зло» (букв. «чтобы плохой взгляд Аллаха тебя помазал»), *Алыхьым утригьэпыхьэ* «чтоб Аллах заставил тебя оплакивать

кого-что-л.», *Алыхьым и бэлыхьыр зытрильхэн* «на кого Аллах свое наказание положит», *Алыхьым укьыщлэмыкыжыну уцлигьэльдэ* «пусть Аллах тебя загонит (под землю) так, чтобы ты не смог оттуда выбраться».

Подобно другим глагольным фразеологизмам, где именным компонентом несет основное лексическое значение, а именно, называет определенную эмоцию, в проклятиях некоторые имена существительные, несущие в своих значениях эмоциональный негатив, образуют целые группы проклятий: *хьэдэ* «труп» – *хьэдэ къуаншэ уху* «умереть тебе в одиночестве» (букв. «стань скрюченным трупом»), *зи хьэдэм сытеплэн* «чей труп мне увидеть», *хьэдэр зыгьейн* «проклятый» (букв. «кто покойника оплакивает»), *зи хьэдэр къахьыжын* «да принесут тебя мертвого домой» (букв. «чей труп принесут»), *хьэдэлус хьун* «да чтоб тебя съели на поминках, чтобы ты стал поминальной едой», *махуэ и хьэдэ цух* «каждый день чтобы покойника выносил», *уи хьэдэжьыр даух* «чтоб ты умер» (букв. «пусть твой труп выносят») и т.д.;

лажьэ «горе, несчастье» – *лажьэм ихьын* «пусть постигнет тебя горе» (букв. «кого несчастье унесет»), *лажьэр зыкьуэцлыхуэн* «в кого несчастье вонзится», *лажьэр зытехуэн* «на кого несчастье падет», *лажьэхэмыкыу тхэм кьигьэнэн* «не выходящим из горя чтобы его бог оставил», *лажьэшхуэр уэфу зытельэльэн* «пусть большое несчастье градом посыпется» и т.д.;

жыхьэнмэ «ад» – *жыхьэнмэр унанлэ зыхуэхуэн* «кому ад станет пристанищем», *жыхьэнмэр лэгьунэбжэу пхузэлуах* «пусть тебе счастья не будет» (букв. «ад двери комнаты новобрачных тебе открывают»), *жыхьэнмэжьыр уи кьуэцлыкыщлэм кьыщаугьэпль* «ад в твоих внутренностях пусть разжигается» и т.д.;

хьэдагьэ «оплакивание покойника» – *хьэдагьэхэмыкы Алыхьым ищлы* «пусть Аллах устроит ему не прекращающееся оплакивание покойников», *Алыхьым уи хьэдагьэм уцигьэбжэж* «пусть Аллах заставит, чтобы на его оплакивании сам же и причитал» и т.д.;

бэлыхь «беда, горе» – *бэлыхьыр кьыптитхуэ* «чтобы горе (несчастье) на тебя пало», *бэлыхь хэмыкыж хьун* «чтоб в нескончаемую беду попал» и т.д.

Проклятия могут состоять и из слов, имеющих нейтральную семантику. Такими являются пожелания зла, связанные с потерей дома, семейного очага, представляющими для адыгов большую ценность: *щланлэ* «усадьба» – *зи щланлэм псы прагьэжыхьыжын* «да разнесет поток его двор» (букв. «чей двор водой вымоют»), *щланлэ нэщл ихьэжын* «чтоб вернуться в пустой двор», *щланлэнишэрэ унэнишэрэ жьэгуншэу укьынэ* «остаться тебе без двора, дома, очага», *щланлэ щлэльдэр кьыхуклуэ* «твой двор чтобы исчез», *щланлэ нэщл уху* «чтоб тебе пусто было» (букв. «чтоб твой двор опустел») и т.д.;

унагьуэ «семья» – *зи унагьуэр исэхэн* «чья семья исчезнет», *зи унагьуэбжэр хуэзыщлыжын* «найти свою погибель» (букв. «чью семейную дверь закрыть»), *зи унагьуэбжэр лэщлыбкылэ хуэзыщлыжын* «найти свою погибель» (букв. «чью семейную дверь тыльной стороной ладони закрыть») и т.д.;

лъапсэ «корни; усадьба с жилыми строениями» – *зи лъапсэр гьуцын* «полностью уничтожить кого-л.» (букв. «чью корни засохнут»), *зи лъапсэм емьнэр кьитэджэн* «в чье имение чума придет» и т.д.;

жьэгу «очаг» – *жьэгу пащхэ нэщл Алыхьым ищлы* «место перед очагом пусть Аллах опустошит», *зи жьэгу мафлэр ункыфлы* «чей огонь очага потушить» и т.д.

Некоторые проклятия связаны с причинением вреда частям тела человека, ограничивающими его деятельность: *лэ* «рука» – *зи лэр флэгьуклы* «чья рука отсохнет», *зи лутымыкылэ мафлэм сыхэлэбэн* «чьими руками я в огонь залезу» и т.д.;

нэ «глаз» – *зи нитымы нэху кьыщлэмыпсэн* «в чьи глаза свет не будет светить», *зи нитымы узыфэм ирихын* «чью глаза болезнь унесет» и т.д.;

ныбэ «живот» – *ныбэ узым ихьын* «чтобы болезнь живота унесла», *ныбэщлэ узым игьэкьлэрэхуэн* «болезнь низа живота чтобы вскрутила» и т.д.;

лъэ «нога» – *зи лъитлъыр флэгъукъын* «чьи ноги отсохнут» и т.д.;

жъэ «рот» – *зи жъэр исэхэжын* «чей рот пусть усохнет», *уи жъэм мафлэ жъэ-дыхуэ* «пусть в твой рот огонь попадет» и т.д.;

бзэ «язык» – *зи бзэр цубыдын* «чей язык пусть отнимется», *зи бзэр гъун* «чей язык усохнет» и т.д.

Некоторые проклятия связаны со стихиями, представляющими смертельную опасность для человека: *щыблэ* «молния» – *щыблэр зэуэн* «кого молния ударит», *щыблэм ихъын* «кого молния унесет», *щыблэжъыр зи кӀуэцӀыкӀыщӀэм щыджэ-рэзын* «молния в чьих внутренностях будет вертеться»; *мафлэ* «огонь» – *мафлэм исын* «сгореть в огне» и т.д.

Таким образом, бранная лексика, проклятия относятся к фразеологическим сочетаниям предикативно-коммуникативного типа. Глагольный компонент в рассматриваемых единицах может оформляться в инфинитивную форму с помощью суффикса *-н* или в желательное наклонение (оптатив) с помощью префиксов *д-*, *щӀ-*, *р(э)-*, *у-* и т.д. Ругательства (обзывания), как правило, состоят из сочетаний существительного и причастия. По структурному составу бранная лексика и проклятия в основном бывают двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные. По эмотивному значению данные фразеологизмы относятся к семантическому классу внешнего выражения эмоций. Обзывания также дают эмоциональную характеристику человеку. По степени выражения негатива различают пожелания несчастий, смерти и смерти разными способами. Именной компонент исследуемых фразеологизмов может обозначать негативную эмоцию, а может иметь нейтральную семантику. В последнем случае речь идет о потере ценных для адыгов вещей: дома, семейного очага, а также причинение вреда здоровью, повреждение частей тела и т.д. Несмотря на то, что данные фразеологизмы используются в речи в готовом виде, они могут варьироваться, употребляясь то в инфинитивной форме, то в желательном наклонении, могут также меняться составляющие компоненты.

Источники и литература

1. Кабардино-черкесский язык. Т. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 552 с.
2. КРФС – Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. 344 н.
3. Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1973. 248 н.
4. Налоев З.М. Адыгская паремология. Нальчик: Эльбрус, 2008. 240 с.
5. Токмакова М.Х. Некоторые вопросы эмотивной лексики в кабардино-черкесском языке // Вестник ПГЛУ, 2008. № 4. С. 13–17.
6. Токмакова М.Х. Эмотивная лексика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2017. 274 с.

LEXICAL AND GRAMMATICAL CHARACTERISTICS SWEARING AND CURSES IN KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Bizhiov Boris Chamalovich, Doctor of Philology, Head of the Sector of the Kabardino-Circassian Language of the Institute for Humanitarian Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bizhiov1952@mail.ru

Tokmakova Madina Hasanbievna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tokmak_madina_h@mail.ru

This article is devoted to swear words, curses that function in the Kabardino-Circassian language. Representing the semantic class of the external expression of emotions, these language units are related to predicative-communicative phraseological units. Their main grammatical design methods are indicated, namely the grammatical forms of the verb component – the infinitive form, the desired mood (optative), the participial form. The affixes that are often used for this are listed (-n, d-, uI-, p (e) -, y-, etc.). The structural composition is investigated and the main types of these phraseological expressions are noted: two-component, three-component, four-component. The semantic classification of swear words is carried out. Examined vocabulary, curses from the point of view of the degree of expression of negativity: the wish of misfortune, the wish of death and the wish of death in different ways. The nominal component of phraseological units is analyzed, the words with negative or emotionally neutral meaning are revealed in the composition of swear words, curses. Both that and others can form the whole series of negative phraseological expressions – swear words, curses. As part of the units under study, words-concepts are noted that represent a certain value for Circassians (home, family hearth, etc.). The possibility of varying predicative-communicative phraseological expressions regarding the constituent components, the grammatical form of the verb is demonstrated.

Keywords: phraseoemotives, swear words, curses, predicative-communicative phraseological units, emotional characterization.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-63-68

АДЫГЭБЗЭМ (КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ) И ТЕКЪУЗЭР (УДАРЕНЭР) ЗЫХУЭДЭР

Абазэ Маритэ Мухьэмэд инхуэ, филологие шэныгэхэмкIэ кандидат, Федеральнэ кьэрал бюджет шэныгэ IуэхушIапIэ «Урысейм шэныгэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкэр шэныгэ центр» Федеральнэ шэныгэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и лэжыкIуэ нэхьыжь, marita.abazova@yandex.ru

Лэжыггэр теухуаш адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэбзэм и текъузэр (ударенэр) зыхуэдэм, абы иIэ шхьэхуэныггэхэм. Ди статьям япэ дыдэу ударенэм (текъузэм) ехьэлIа фIэщыггэцIэ БищIо Б.Ч. (ф. шI. д.) адыгэбзэкIэ зэридзэкIахэр кышщыдггэсэбэпаш, щыдггэнаIуаш. Адыгэбзэ текъузэр зыхуэдэм теухуауэ еплыкIэ зэхуэмыдэхэр щыIэш, ахэр теггэшIапIэ тIщIуэрэ, зэдгашцэурэ зыхуэдггэувыжа кьалэнхэр дггээшIаш. Кьыхэдггэщаш текъузэр нэхьыбэрэ зытехуэ пычыггуэр, ар зэрыIэпхуэр, абы псалъэм и лексикэ мыхьэнэмрэ грамматикэ мыхьэнэмрэ зэрихуэжыфыр. Мы статьям нэIурыт ещI адрей бзэхэм кьашхьыщыкIуэ адыгэбзэм и текъузэм увыпIэ хэха иIэ пэтми языныкьуэ псалъэхэм деж абы и увыпIэр зэрыщихуэжыр.

Зэрыггуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, текъузэ (ударенэ), текъузэ шэщIа, кьару текъузэ, системэ.

Шыухэм я гурылхэр зэрызыхуаIуатэу щыт бзэр зы кьэпсэлъыкIэм тетыныр, адыгэбзэ фIэщыггэцIэхэр (терминхэр) кьэдггэсэбэпыфу щытыныр, ахэр адыгэ бзэщIэныггэм хэпшэныр мыхьэнэшхуэ зиIэ Iуэхуггэуэхэщ. Абыхэм кьалэну кьапкьрокI адыгэбзэм и текъузэр (ударенэр) зыхуэдэр, абы и увыпIэр, ар зытехуэр гьэбелджылыныр.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм зиужьыным, ар еггэфIэкIуэным елэжьа шэныггэлIхэу Бoryкьусей ПI. [Борукаев, 1932], Яковлев Н.Ф. [Яковлев, 1941, 1948], Турчанинов Г.Ф., Цаггэу М.Б. [Турчанинов, Цагов 1940], Нэгумэ Ш.Б. [Ногма, 1959], Балъкэр Б.Хь. [Балкаров 1970], Урыс Хь.Щ. [Урыс 2000, 2001], Кьумахуэ М.И. [Кумахов 1981], Шагьыр I.Кь. [Шагиринов 2004], Тау Хь.Т. [Тау, Урыс 2008] сымэ, нэггэуэщIэхэми. Абыхэм адыгэбзэм и текъузэр (ударенэр) зыхуэдэр, абы и увыпIэм теухуауэ я еплыкIэр кьышаггэльэггэуаш я шэныггэ лэжыггэхэм. Зи цIэ кьитIуа шэныггэлIхэм я IэдакгэщIэкIхэм кьыпытщэу мы статьям кьалэн нэхьыщхьэу шызыхуэдггэувыжар иджырей адыгэбзэм и текъузэр зыхуэдэр, бзэщIэныггэм ехьэлIа терминхэр (фIэщыггэцIэ) БищIо Б.Ч. зэридзэкIахэр кьэдггэсэбэпурэ, дубзыхунырщ.

ПычыггэуитI е нэхьыбэ хьу псалъэр зэрызэхэт пычыггэуэхэм ящыщу зы пычыггэуэр нэхь хэкьузауэ кьызэрапсэлъым *текъузэкIэ* йоджэ. Пычыггэуэм хэт макьхэм ящыщу текъузэ зытехуэр макьзешэрщ. Апхуэдэ макьзешэм *текъузэ зытэлькIэ* йоджэ. Текъузэ зытэль пычыггэуэр, адрейхэм хуэмыдэу, нэхь хэкьузауэ, укьуэдияуэ кьапсэлъ. Псалъэм папшIэ, *мá-хуэ*, *хьы-джэ'бз*, *лъя-кьуэ-ры-ггá-жэ*, *у-нэ'-шхуэ* мы шапхьэхэм текъузэ зытемыль пычыггэуэр хэкьузауэ кьэтпсэлъмэ, псалъэм и кьэпсэлъыкIэ хабзэр кьута мэхьу, нэггэуэщI мыхьэнэ еггэуэт, языныкьуэхэм дежи псалъэм кьыкIыр мыгурыIуэггэуэ мэхьу. Зэггэ.: *мá-хуэ* – *ма-хуэ'*; *лъя-кьуэ-ры-ггá-жэ* – *лъя'-кьуэ-ры-ггá-жэ*, н. Хэкьузауэ кьыупсэлъ мыхьу пычыггэуэр – *текъузэ зытемыль* пычыггэуэщ.

Текьузэ зытель пычыгьуэр хэкуьзауэ кьапсэлыу зэрыщытым кьыхэкIэ, адыгэбзэм и текьузэр *шэцIауэ* (динамическэ) *кьару иIэу* (силовой) жаIэ. Ауэ текьузэ зытель пычыгьуэр (абы хэт макъзешэр) мащIэу нэхь укьуэдияуи кьапсэлы. Апхуэдэ текьузэм *бжыгьэ* (количественнэ) *текьузэкIэ* йоджэ. БзэщIэныгьэлIхэм хуагьэфашэ адыгэбзэм иIэр *шэцIа(кьару)-бжыгьэ текьузэу* (динамическо-количественнэщ), шэцIауэ шытыныр нэхьыщхьэу шытми.

Адыгэбзэм текьузэр морфемэ зэмылIэужьыгьуэм тельынкIэ хьунуш:

- 1) Льябжьэм: *пцáцэ, гьáвэ, ды'цэ, жэ'цэ, куэ'д, н.*
- 2) Псалъэр кьэзыгьэхьу льябжьэужьым (суффикс): *жэйнэ'д, цIэжьэ'ей, дыхьэишхрилэ, дыгьэвэ'х, дэишху'ей, н.*
- 3) Льябжьэмрэ льябжьэужьымрэ е льябжьытIыр ззыпх макъзешэм и пычыгьуэм: *унэ'цIэ, удзгьáлIэ, кьуажэ'бгьу, удзы'фэ, иджыблáгьэ, н.*
Псалъэзешэ (падеж) кIэухым текьузэ техуэ хабзэкьым.
- 4) Льябжьэпэм (префикс): а) псалъэ кьэзыгьэхьум: *дэ'жэ, кьáшэ, цIэ'нкIэ;* б) псалъэр ззыхьуэкI (грамматикэ категорэ кьэзыгьэлыагьуэм): *мáтхэ, уóджэ, я'дэ, фóтхэ, н.*

Адыгэбзэ текьузэм и увьпIэр

Адыгэбзэм и текьузэр псалъэм шыщу сыт хуэдэ пычыгьуэми техуэнкIэ хьунуш, шапхьэ: *дá-хэ, е-гьэ-джá-кIуэ, кьэ-кIуэ-жáцэ*. Кьэтхьа шапхьэхэм адыгэбзэ текьузэм увьпIэ хэха имыIэ хуэдэу экIэ кьыпшагьэхьу, ауэ Iуэхур зытетыр нэгьуэщI: адыгэбзэ текьузэм и увьпIэр хэубыдыкIаш, ар хабзэ пыухыкIам тетш.

Текьузэ зытель пычыгьуэр кьэбгьуэтын щхьэкIэ, псалъэпкьым шымыщу псалъэкIэм пыт льябжьэгьусэхэр (аффикс) пыгьэкIауэ, псалъэпкьым и кIэр зэриух макьым еплъын хуейш. Псалъэпкьым хьхьэркьым псалъэм и лексикэ-мышьэнэм зезымыгьэхьуэж, грамматикэ категорэхэм я льябжьэужьхэр. Псалъэм папщIэ, *кIуа?* *кьэпльа?* (блэкIа зэманым и льябжьэужь **-а**); *кьэкIуэну*, *дгьэкIуэницэ* (инфинитив, кьэкIуэну зэманым и льябжьэужь **-н**, **-ну**-хэр); *хуабэщэ*, *тльэгьуащэ* (щIэныгьэм и льябжьэужь **-щэ**); *кьэкIуакьым*, *хурикьунукьым* (щымыIэныгьэ кьэзыгьэлыагьуэ льябжьэужь **-кьым**); *урикьункьэ?* *пльагьурэ?* (щIэупщIэныгьэ-гьэбыдэныгьэ кьызырыкI льябжьэужь **-кьэ**, щIэупщIэныгьэ тешэ – зэман льябжьэужь **-рэ**); *кIуат*, *тхьэусыхьэрт* (тешэ – зэман льябжьэужь **-т**); *кьакIуэм*, *еджэшт* (унафэ тешэм пыувэ льябжьэужь **-т**); *кьакIуэмэ*, *кьапльэтэмэ* (елыта тешэм и льябжьэужь **-мэ**, **-гэмэ**); *кьэкIуащэрэшт*, *укьильагьукIэм* (фIэфIыныгьэ тешэм и льябжьэужь **-шэрэшт**, **-кIэт**); *жыгьхэр*, *сабийхэр* (куэд бжыгьэм и льябжьэужь **-хэ**); *уэрэ сэрэ*, *жыьы псыи*, *жэщIри махуэри* (псалъэзэпыщIэ-льябжьэужь (союз-суффикс) **-рэ**, **-и**, **-ри**), н.

Псалъэм и псалъэпкьым шымыщ морфемэхэр (**-а**, **гьа**, **-н**, **-ну**, **гьэн**-хэм нэмыщI адреихэр) пыбгьэкIа иужькIэ псалъэпкьыр иухмэ:

1) макъзешэ э-кIэ, текьузэр псалъэкIэмкIэ кьыщыщIэдзауэ етIуанэ пычыгьуэм тельынуш, шапхьэхэр: *мáхуэхэм*, *еплáнэри*, *мыIэры'сэр*, *IупльэгьуáфIэцэ*, *нóбэкIэ*, *апхуэ'дэмэ*, *игьэкIэрáхьуэрэ?*, н.

2) макъзешэ э-м нэмыщIкIэ, нэгьуэщI макъзешэкIэ е макъ дэкIуашэкIэ псалъэпкьыр иухмэ, текьузэр иужь дыдэ ит пычыгьуэм тоувэ, псалъэм папщIэ, *бжэндэ'хьхэр*, *алэры'бгьуыр*, *тенджы'зым*, *сабийуэ*, *джэдóхэм*, *хэхáуэ*, *шындырхьуóхэр*, н.

Аращи, адыгэбзэ текьузэм и хабзэм укIэлыпльэмэ, уолъагьу текьузэр сыт шыгьуи псалъэкIэм зэрыщыIэр, текьузэм увьпIэ хэубыдыкIа ткIий зэриIэр – ар псалъэпкьым и кIэмкIэ кьыщыщIэдзауэ етIуанэ пычыгьуэр е иужь дыдэ ит пычыгьуэрш.

Адыгэбзэ текьузэр, псалъэм ипэмкIэ кьыщыщIэбдзэмэ, япэ, ику, иужь иту кьакIуэ пычыгьуэхэм техуэнкIэ хьуну шытми, ар зэлытар псалъэм и псалъэпкьыр зэрыхьу пычыгьуэ бжыгьэрш. Псалъэм и псалъэпкьыр пычыгьуитI фIэкIа мышьурэ макъзешэ э-кIэ иухмэ, текьузэр япэ пычыгьуэм хуозэ (*мá-жэ*, *ды'гьэ*,

лъа́-гэ, н.), псалъэр пычыгъуищ хьурэ макъзешэ э-кIэ иухмэ, ику ит пычыгъуэращ зытехуэнур текъузэр (ады́'гэ, мазэ́'гъуэ, жыIэ́'цIэ, къашы́'ргъэ, нэмысы́'фIэ, н.). Псалъэпкъыр нэгъуэщI макъзешэкIэ е макъ дэкIуашэкIэ иухмэ, текъузэр зытехуэр сыт шыгъуи иужь ит пычыгъуэращ, зэрыхьу пычыгъуэ бжыгъэм емылгытауэ (гъэшы́'н, апщIондэ́'ху, дэгъэзейгъуэ́, бгъэдэжIуэтэ́'н, насыпыры́'хь, н.

НэгъуэщIыбзэхэм (тыркуыбзэхэм, хьэрыпыбзэм, персыбзэм) шыщу бзэм кыыхьа псалъэхэм яхэтщ адыгэбзэ текъузэ хабзэм темыту кызыыхкIа бзэм и хабзэм кытенахэр: тэрэзэ́', мыхьэнэ́', фейдэ́', хуэрэджэ́', хьурмэ́'.

Текъузэр Iэпхуэныр

Адыгэбзэм лъабжьэужь е нэгъуэщI псалъэпкъ пыувэурэ псалъэр кыыхэщIыкIа шыхьукIэ, кызытехьукI псалъэпкъым телъа текъузэр Iэпхуэнуш, ауэ сыт шыгъуи здэIэпхуэнуш псалъэкIэмкIэщ, адыгэбзэм и текъузэм и хабзэм тету. Щапхъэ: хадэ́ - хадэ́'ихуэ, къу́'тэ – къутэгъуэй, лъабжьэ́ - лъабжьэ́'ниш, лы́'гъэ – лыгъэнишгъэ́, нобэ́ – нобэрэй, мазэ́ - мазэ́'гъуэ, усэ́ – усакIуэ́.

Бзэм кыыхьа хамэ псалъэхэм адыгэбзэ лъабжьэ е псалъэ кызыэрыхьу лъабжьэужь шапыувэкIэ, адыгэбзэм и хабзэм темыту ятель текъузэри мэIэпхуэ. Ауэ текъузэр зэрыIэпхуэри псалъэм зэрытеувэнури адыгэбзэм текъузэ зэрышытеувэ хабзэм тетуш. Псалъэм папщIэ: тэрэзэ́' - м текъузэр яужь ит пычыгъуэм тохуэ, зы лъабжьэужь пыувэ щхьэкIэ, текъузэр зытелъа пычыгъуэм текIырккъым, ауэ адыгэ текъузэ хабзэм тохьэ: тэрэзэ́'ихуэ. А псалъэм иджыри зы лъабжьэужь пыдгъэувэмэ, текъузэр нэгъуэщI пычыгъуэм кIуэнуш: тэрэзэ́'ихуэ́'жь. Мы къэтхьыну щапхъэхэм я текъузэри апхуэдэщ: мыхьэнэ́' – мыхьэнэ́'ниш – мыхьэнэ́'нишгъэ́, хуэрэджэ́ – хуэрэджэй – хуэрэджейихуэ́, н.

Урысыбзэм кыыхьа адыгэбзэм къищта псалъэхэм я текъузэр а щIыкIэм тету мэIэпхуэ: собранэ́ - собранэ́'ихуэ, председателъ - председателы́'гъэ.

Адыгэбзэ псалъэпкъым лъабжьэпэ кыпыувэкIэ текъузэм и увыпIэм зихуэжырккъым, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ текъузэм и пIэр зэлъытар псалъэпкъым и пычыгъуэ бжыгъэркъым, атIэ абы и кIэр зэриух макъырш: ныбжьэ́'гъуэ – зэныбжьэ́'гъуэ – дызэныбжьэ́'гъуиш, кIуа́р – зэрыкIуа́р – дызэрыкIуа́р – кызыэрыкIуа́хэр.

Грамматикэ категорэхэм я лъабжьэужьхэмрэ (-а, -гъа, -н, -ну, гъэн-хэм нэмыщI) псалъэзешэ кIэуххэмрэ кыпыувэ щхьэкIэ псалъэм телъ текъузэр ипIэм икIырккъым: нáцэ – нáцэхэр, у'нэ – у'нэхэмкIэ, уáдэ – уáдэмкIэкъым, тхы́'лъ – тхы́'лъхэм; ауэ жыIэдáлуэ – жыIэдáлуэ́'н, къохъусы́'жэ – къохъусы́'жэ, нэсá – нэсáгъэ́'ниш.

Зыгъэналуэ (определительнэ) псалъэ зэпыщIам, зы псалъэзешэ кIэухым зэпищIэ псалъэхэм яIэр зы текъузэщ. Ар псалъэ закъуэм текъузэ зэрытеувэ хабзэм тетщ, щапхъэ: губгъуэ́ джэ́'д, махуэ́ гуэ́'рым, хьыджэбз дахэ́ дьыдэ́ цIы́'кIу. Зыгъэналуэ псалъэ зэпыщIам хэт псалъэпкъыу япэ итым (итхэм) зэхуэкIа зэрыхьу лъабжьэгъусэ пыт хабзэккъым: ныIэ́ гъуабжэ́ пльы́'фэ.

Псалъэпкъэхэм ящыщ IуэхуцIэм (причастием), иубыд увыпIэм емылгытауэ, псалъэпкъым хэмыхьэ лъабжьэпи лъабжьэужьы пытынкIэ хьунуш: цIы́'нIэ́ сыздэжIуа́р (сыздэжIуа́ цIы́'нIэр), хьэщIэ́щ сызыщIэ́сар (сызыщIэ́са хьэщIэ́'щыр). Мыбдежи зы текъузэщ техуэр.

Зыгъэналуэ зэгъусэхэм (определительнэ комплекс) и кIуэцIкIэ япэ итыр ягъэбелджылы псалъэу шытынкIи зыгъэбелджылы гъэнэхуакIуэ (определение) псалъэу шытынкIи хьунуш: гъэмахуэ́ уэ́'их – уэ́'их цIы́'Iэ.

Япэ ит псалъэр текъузэншэу яужь ит псалъэм иIэ текъузэм проклитикэкIэ йоджэ.

Зыгъэналуэ псалъэ зэпыщIахэм ящыщу япэ итым текъузэр игъуэту яужь итыр текъузэншэу къэнэнкIэ мэхьу. Апхуэдэ текъузэм энклитикэкIэ йоджэ. Апхуэдэ текъузэм дыщрихьэлIэр зы пычыгъуэ фIэкIа мыхьу псалъэпкъым, псалъэм папщIэ, зи щхьэ хушымытыж еигъэ цIэпапщIэхэр (си, уи, ди, фи, я, зи) е бжыгъэ

зы-р япэ иту абы пычыгъуэ закъуэ флэкла мыхъу псалъэпкъ зи клэр **ы** е э-клэ иух шыпыувэм дежщ. Шапхъэ: *зы' псэ, сй нэм, дй гум, н.*

Энклитикэ текъузэ зиЛэ псалъэ зэпыщдам гъэнэхуаклуэ гуэр кыкълэлыклуэмэ, псалъэ зэпыщдам проклитикэ текъузэ иЛэ мэхъу. Зэгъапщэ: *сй нэ – си нэ дэхэ, дйвхэр – ди вы гъэшхэхэр.*

Проклитикэ, энклитикэ текъузэ зиЛэ псалъэ зэпыщдахэр кызырэпсэлъын хуейри псалъэ къэс теувылэгъуэ емытауэ а зы текъузэр хэкъузауэщ.

Зы псалъэм текъузэу тлу илэныр

Адыгэбзэм и зы псалъэм текъузэм и хабзэмкЛэ иЛэ текъузэм нэмышц, етлуанэ текъузэ – *текъузэ клэрыдзэн* игъуэтынкЛэ мэхъу. Псалъэм текъузитЛ иЛэу нэхьыбэрэ дыщрихьэллэр гъээщлэныр (сказуемэр) зэрыупщлэ тешэм (наклоненэм) щитым дежщ. *Тэпщэныгъэт** захуэ псалъэр Япэм нлуатэу уцлэхъуар (ЩоджэнцЫкЛу А.И.) Мыбдежым хабзэмкЛэ текъузэр зытелъыпхъэ пычыгъуэм темылыу, атЛэ япэ пычыгъуэм тету, текъузэ хабзэмкЛэ ар зытелъын хуей пычыгъуэми текъузэ клэрыдзэн игъуэту шыгщ.

Зэрауатэ тешэм щитым деж, текъузэр псалъэпкъым и клэмкЛэ шылэщ. Текъузэр зытехуэ пычыгъуэр зэриух макъ дэклуашэр нэхь клыхъу къэпсэлъа хъууэ кыпфлощл. Ар кызыыхэкыр, щлэныгъэлхэм кызыэралъытэмкЛэ, апхуэдэ макъ дэклуашэм и ужькЛэ мащлэ дыдэу флэкла къамыпсэлъыж (редуцировать, н.ж. нэхь клэщл щыныгъэ) хъуа макъзешэ **ы** кыкълэлыклуэри аращ [Урыс 2001:26]. Псалъэм папщлэ, зэгъапщэ: *шэщ* (шы щлэтыплэ) икЛи *шэщ* (жэм, чыщл с.ху. кыщлэш *шэщ*) [АП]. Иужьрейр кыщытпсалъкЛэ макъзешэ **ы** пыт хуэдэу жыдоЛэ: *шэщ^{bl}*.

Турчаниновымрэ Цагъуэмрэ я грамматикэм [Турчанинов, Цагов, 1940: 43] *къахъащ, дагъэшхаш, къодзакъэ, ддгъэбанэ*, н. псалъэхэм текъузитЛ – нэхьыщхьэрэ клэрыдзэнрэ яЛэу шыжалэ. Мы шапхъэхэм тешщыхьэмэ, макъзешэ **а, о**-хэм сыт шыгъуи текъузэ ятелъу, текъузэ зытемыль **а, о** бзэм хэмыу аращ. Урыс Хь. абы арэзы техуэркъым, абы кызыэралъытэмкЛэ [Урыс 2001: 26], «дэтхэнэ макъзешэри бзэм кыщоклуэ текъузэ телъуи темылыуи; **а, о**-хэм сыт шыгъуи текъузэ (клэрыдзэнми) яЛэу кыпфлэзыгъэщлыр езы макъхэм я шытыклэр арщ - адреихэм елытауэ абыхэм нэхь макъ лъагэ ялэщ».

ПсалъэпкъитЛ-щы зэпыувэу къэхъуа псалъэхэм зы текъузэщ яЛэ хабзэр: *клэртлофщлэ'тхъуэ, хаданщлэ, нанэллэ'щл, кхуейпльыжкЛэры'щлэ, бзэгъэхэ, н.*

Текъузэм псалъэм и лексикэ мыхъэнэмрэ грамматикэ мыхъэнэмрэ ихъуэжыныр

Текъузэр зытеуэ пычыгъуэм елытауэ псалъэм и лексикэ, грамматикэ мыхъэнэхэм захуэжынкЛэ хъунуш.

Языныкъуэхэм деж текъузэм зэу ихъуэжыфынуш псалъэм и лексикэ мыхъэнэри и грамматикэ мыхъэнэри, адреихэм деж абы зэрызэщхъэщигъэкЛыр псалъэхэм я грамматикэ мыхъэнэ къудейхэмкЛэщ.

Текъузэм и увылэмкЛэ лексикэ, грамматикэ мыхъэнэ зэмышхъэ зиЛэ псалъитЛыр зэщхъэщыкЛыу:

Хьэщлэ'щ – хьэ'щлэщ. *Хьэщлэ'щ* – шылэщлэщ, белджылыншагъэ гъэпсыкЛэ илэщ. *Хьэ'щлэщ* – шылэщлэ-гъээщлэщ (щылэщлэ-сказуемэ), ит зэманым, цлэ зыхъуэжыныгъэм, зэрауатэ тешэм итщ, шылэныгъэ къэзыгъэлыагъуэ лъабжьэужь – **щ** пыту.

Аркъэ' икЛи *аркъэ*. *Аркъэ'* – шылэщлэщ, предмет къегъэлыагъуэ, псалъэзешэ гъэпсыкЛэ илэккъым, нэгъуэщыбзэ псалъэу адыгэбзэм кыыхыащ, телъ текъузэр адыгэбзэ текъузэ хабзэм теткъым; *аркъэ* – цлэпапщлэщ, зыгъэлыагъуэ цлэпапщлэ **а**-м псалъэзешэ гъэпсыкЛэ **-р** иЛэу, зэрыупщлэ тешэм иту гъээщлэщ.

Ахъшэ'м икЛи *ахъшэм*. *Ахъшэ'м* – шылэщлэщ, псалъэзешэ гъэпсыкЛэ илэккъым, хьэрыпыбзэм кыыхэкЛаш; *ахъшэм* – шылэщлэщ, зыхъуэж псалъэзешэм и клэух **-м** пытщ, тыркубзэм кыыхэкЛаш.

* Текъузэ *клэрыдзэныр** дамыгъэмкЛэ къэгъэлыгъуаш.

Текъуэ 'т икIи *тэкъуэ*. *Текъуэ 'т* лэжыгыэцIэщ, унафэ щIыныгыэ тешэщ, закъуэ бжыгыэщ, 2-нэ щхьэщ; *тэкъуэ* – лэжыгыэцIэ гьэзэщIэнщ, унафэ щIыныгыэ тешэщ, льябжьэужь –*т* пыту.

Адыгэбзэм куэдэ ущрохьэлIэ текъузэр зэрытеувам елыгытауэ псалъэ Iыхьэр зэм льябжьэ хьууэ, и пычыгыуэ бжыгьэм, и кIэр зэриух макъым кыыхэкIыу япэ кыитым пыуауэ (е псалъэ кызырыху льябжьэужь), зэм грамматикэ категорэ гуэрэм и гьэпсыкIэу:

кьуажэ 'кIэ икIи *кьуа́жэкIэ*. *Кьуажэ 'кIэ* – щыIэцIитI зэпыуващ: *кьуажэ +кIэ* псалъэзешэ гьэпсыкIэ иIэкъым; *кьуа́жэкIэ* – *кьуажэ* щыIэцIэм псалъэзешэ кIэух –*кIэ* пыту аращ.

Текъузэм псалъэм и мыхьэнэр зэригьэбелджылым пыщIауэ зэм псалъитIу тхын хуейуэ, текъузитI щыIэу, зэм зы псалъэу, зы текъузэ фIэкIаи щымыIэу ухуозэ, шапхьэ: *я 'нэ увы 'н – япэувы 'н; зэ трихакъым – зэтрихакъым; и адэ хьуамэ – ядэхьуамэ*.

Текъузэм и увыIэмкIэ псалъитIым я грамматикэ нэцэнэ гуэрхэр зэхэкIыу:

Дэгъуэщыхьат – дэ 'гъуэщыхьат? – тешэмкIэ зэщхьэщокI, адреи категорэхэмкIэ зэтохуэ.

Ечэнджэ 'ицрэ – эчэнджэицрэ? *Ечэнджэ 'ицрэ* лэжыгыэцIэ гьэзэщIэнщ, зэрауатэ тешэм итщ, псалъэзэпыщIэ-лябжьэужь –*рэ* пытщ; *эчэнджэицрэ?* – лэжыгыэцIэ гьэзэщIэнщ, зэрыупщIэ тешэщ.

Макъзешэхэм текъузэ щателъымрэ щатемылъымрэ

Макъзешэхэм я кьэпсэлъыкIэр текъузэ щателъымрэ щатемылъымрэ зэхуэдэкъым.

А-р щхьэ льябжьэпэуи блэкIа зэманым и льябжьэужьуи (*гьа*-м хэт *а*-ри) текъузэ щателъыи щатемылъыи макъзешэ нэс *а*-уэ кьэпсэлъ: *гьэиха́, яля́, кьагъуэты 'фыркъым, шхагъа́цIэ, кьэкъуа́йтIыр*.

Псалъэпкъым щыщ макъзешэ *а-р* текъузэм зэремыпхар наIуэ мэху псалъэхэм льябжьэужь е псалъэпкъ япыбгъэувэкIэрэ, текъузэр *а-м* темыхуэж пщIымэ. Псалъэм папщIэ: *ма́зэ – мазэ 'гъуэ, са́бын – сабыны 'фI, ха́дэ – хадэхэ 'кI, н*.

Адыгэ псалъэ закъуэтIакъуэ урохьэлIэ я псалъэпкъыр *э-кIэ* иухуу, ауэ текъузэ зытемыхуэ, псалъэпкъым щыщ макъзешэ *а* хэту: *балы 'джэ, кьашы 'ргъэ, щIагыы 'бзэ*.

Хьэрфзешэ *э-кIэ* иух псалъэпкъым текъузэр зытехуэ макъ *а* хэтмэ, *а-р* макъзешэ *а* нэсу кьэпсэлъ: *дахэ, гьа́тхэ, ма́зэ*, ауэ текъузэр Iэпхьуэмэ, *а а-р* макъзешэ *э-м* хуокIуэ, хьэрфзешэ *а-кIэ* цIэхэм* щатхыж щхьэкIэ: *дахэ 'гъуэ, гьэ́тхэ 'нэ, мазэ 'гъуэ*.

Макъзешэ *у-м* текъузэ щытелъым деж макъзешэ нэсщ, укъуэдияуи кьэпсэлъ, абы щыгыуэ ар псалъэпкъым щыщынущ: *Ду́сэ, жьы́ндү, чэзу́, н*. *У-м* текъузэ темыхуэмэ, арнэхь гьэкIэщIауэ кьэпсэлъ, икIи грамматикэ категорэ кыигьэлъагъуэу щыгынкIи псалъэпкъым щыщынкIи хьунущ: *дуней, куэдэ, джэ 'ду – джэдү*.

Макъзешэ *о-м* текъузэ щытелъыи щытемылъыи и кьэпсэлъыкIэр зэхуэдэщ: *но́бэ – нобэрей, цо́дэ, цопса́лгэ, н*.

Макъзешэ *и, е, э*-хэри текъузэ щателъым деж щатемылъым нэхьрэ нэхь хэкъузауэ, мащIэуи нэхь укъуэдияуэ кьэпсэлъ: *дэпкIéй – дэпкIея 'и, хэ 'плгэ – хэплгэиц*.

Макъзешэ *ы-м* текъузэ темылъмэ, е текъузэ зытелъ пычыгыуэм нэхь пэжыжэ хухь, нэхь кIэщIу кьэпсэлъ. ПсалъэкIэм щыт *ы-ри* щыпыкIуэдыкIым и щхьэусыгыуэри текъузэ зэрытемылъырщ. Псалъэм папщIэ, *ды 'ицэ – дыицэ 'нс, цыгъыны 'ицIэ, джэдыл(ы)*.

Адыгэбзэ макъзешэхэм я кьэпсэлъыкIэнур зыкъомкIэ епхаш текъузэ телъын-темылъыным, зыльэныкъуэкIи ар грамматикэ категорэм пыщIащ, ещанэу псалъэпкъыр пычыгыуэ зэхуэщIакIэ, зэIухакIэ иухыным иыгыщ.

* ЛэжыгыэцIэ псалъэхэм хэт *а-уэ* текъузэр зытемыхуэж, абы кыыхэкIкIэ *э-уэ* кьэпсэлъыр хэрфзешэ *э-кIэ* ятхыж: *ла́жбэ – лэжбэ 'н*.

КъызэщІэткъуэжмэ, нэрылъагъу мэхъу къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и текъузэм увыпІэ хэха зэриІэр, ауэ языныкъуэхэм деж зэрыІэпхуэр. Текъузэм псалъэм и лексикэ мыхьэнэмрэ грамматикэ мыхьэнэмрэ ехъуэжыф, текъузэ зытехуэ пычыгъуэхэми захъуэж.

Мы статьям щІэуэ къыщыдгъэсэбэпа фІэщыгъэцІэхэр: *текъузэ* – ударенэ; *текъузэ шэцІа* – динамическэ ударенэ; *бжыгъэ текъузэ* – количественнэ ударенэ, *шэцІа(къару)-бжыгъэ текъузэ* – динамическэ-количественнэ ударенэ; *лъабжъэужь* – суффикс; *лъабжъэпэ* – префикс; *псалъэзешэ* – падеж; *лъабжъэзгъусэ* – аффикс; *псалъэзэпыщІэ-лъабжъэужь* – союз-суффикс; *ІуэхуцІэ* – причастие; *зыгъэнаІуэ зэгъусэхэр* – определительнэ комплекс; *гъэнэхуакІуэ* – определенэ; *гъэзэцІэн* – сказуемэ; *тешэ* – наклоненэ; *щыІэцІэ-гъэзэцІэн* – щыІэцІэ – сказуемэ.

ТегъэщІапІэ хъуа литературэрэ

1. *АП* – Адыгэбзэ псалъальэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).
2. *Балкаров Б.Х.* Фонетика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1970. 334 с.
3. *Биждоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т.* Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2013.
4. *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932. С. 6.
5. Кабардино-черкесский язык. В двух томах. Т. I / гл. редактор М.А. Кумахов. Нальчик: Эль-фа, 2006. 548 с.
6. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.
7. *Лопатинский Л.Г.* Краткая кабардинская грамматика. Русско-кабардинский словарь с указанием // В кн.: Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881. Вып. XII.
8. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Нальчик, 1959. Т. II.
9. *Тау Хь.Т., Урыс Хь.Щ.* Адыгэхэм я бзэр зэлытауэ. Налшык: КБИГИ, 2008. 159 н. (Таов Х.Т., Урусов Х.Ш. Язык адыгов в сравнении. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2008. 159 с.).
10. *Турчанинов Г.Ф., Цагов М.Б.* Грамматика кабардинского языка. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 159 с.
11. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ, морфонемикэ, морфологии. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н. (Урусов Х.Ш. Кабардино-черкесская грамматика. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 с.).
12. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэбзэм и тхыдэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 358 н. (Урусов Х.Ш. История кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 2000. 358 с.)
13. *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-фа, 2004. 220 с.
14. *Яковлев Н.Ф.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.;Л., 1941.
15. *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.;Л., 1948. С. 314–344.

ОСОБЕННОСТИ УДАРЕНИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Абазова Марита Мухамедовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), marita.abazova@yandex.ru

Статья посвящена анализу ударения современного кабардино-черкесского литературного языка. В данном исследовании осуществлён комплексный подход к оценке и

систематизации широкого круга источников по сравнительно-исторической фонетике, фонологии адыгских (черкесских) языков. В качестве источниковой базы выбраны труды учёных-адыгведов, которые изучали те или иные аспекты исследуемой проблемы. Для изучения адыгского ударения, а также для определения закономерностей употребления ударений в кабардино-черкесском языке был использован комплекс методов и приемов: сравнительно-исторический, аналитический. Отмечается, что в адыгских языках ударение по своей природе динамическое, бывает сильным и слабым, а также выполняет смысло-различительную и грамматическую функции. Ударение в кабардино-черкесском языке является фиксированным, но в некоторых случаях оно подвижное. Впервые в научный оборот запущено значительное количество новых лингвистических терминов (список прилагается в конце статьи), образованных на собственной языковой базе, которые заменят заимствования из других, в основном из русского, языков. Автор - доктор филологических наук Б.Ч. Бижоев. Делается вывод, что ударение в адыгских языках бывает словесное, фразовое, динамическое и силовое.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, ударение, фразовое ударение, динамическое ударение, силовое ударение, система.

THE FEATURES OF THE ACCENT OF THE KABARDINO-CHERKESS LITERARY LANGUAGE

Abazova Marita Mukhamedovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of The Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), marita.abazova@yandex.ru

The article analyzes the stress of the modern Kabardino-Circassian literary language. This study provides a comprehensive approach to evaluating and systematizing a wide range of sources on comparative historical phonetics and phonology of the Adyghe (Circassian) languages. As the source base selected writings adigonidon who have studied various aspects of the problem under study. To study the Adyghe accent, as well as to determine the regularities of the use of accents in the Kabardino-Circassian language, a set of methods and techniques was used: comparative-historical, analytical. It is noted that in the Adyghe languages, stress is dynamic in nature, it can be strong and weak. It also performs semantic and grammatical functions. The accent in Kabardino-Circassian is fixed, but in some cases mobile. For the first time, a significant number of new linguistic terms have been launched into scientific circulation (the list is attached at the end of the article), formed on their own language base, which will replace borrowings from other languages, mainly Russian. The author is doctor of Philology B. CH. Bizhoev. It is concluded that the accent in Adyghe languages can be verbal, phrasal, dynamic and forceful.

Keywords: Kabardino-Circassian language, stress, phrasal stress, dynamic stress, power stress, system.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-69-75

ОСОБЕННОСТИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ФИТОНИМАМИ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Дзуганова Рита Хабаловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ Федеральный научный центр – «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzug.rita@yandex.ru

Ошроева Карина Вячеславовна, ассистент кафедры иностранных языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», karinzal@yandex.ru

В статье рассматриваются компаративные фразеологические единицы в кабардино-черкесском языке, содержащие фитонимические компоненты. Выявление национально-культурных признаков через фитонимические элементы, ориентированные на человека, больше всего проясняет связь человека с природой. В компаративных фразеологизмах через фитонимы передаются самые разнообразные коннотации, как положительные (силу, нежность, красоту, хрупкость), так и отрицательные (слабость, алчность, нерешительность, грубость, вспыльчивость, одиночество). Основной упор в работе делается на компаративные фразеологизмы с концептом *жыг* «дерево». Анализ материала проводится в русле художественного дискурса.

Ключевые слова: компаративные фразеологизмы, фитонимы, кабардино-черкесский язык, культурологический аспект, сравнительный оборот.

В современной науке общепризнанным является факт, что изучение кавказских языков помимо собственно лингвистического аспекта важное значение имеет и в культурологическом аспекте, поскольку, отражая контакты Кавказа с цивилизациями Передней Азии, оно способно пролить свет на культурное взаимодействие населявших их народов [Климов, Тестелец 2003: 15].

В русле лингвокультурологического пути выявления национального компонента фразеологии важными являются эталонизированные, либо получившие символическую функцию реалии, прескрипции и директивы культуры, закрепленные в фольклоре и других типах дискурсов. Такие реалии получили название «источники культурно-значимой интерпретации фразеологизмов» [Телия 1996: 239]. В языке закрепляются и фразеологизируются те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и которые при употреблении в речи воспроизводят менталитет, характерный для той или иной лингвокультурной общности [Мельник 2001: 87].

По мнению многих ученых-исследователей [Верещагин, Костомаров: 85], семантический аспект национально-культурных элементов фразеологических единиц с фитонимами может проявляться на трех уровнях:

1. Фразеологические единицы, отражающие национальную культуру нерасчлененно, т.е. идиоматическими значениями, например, в русском языке: «мешок с соломой» – нерасторопный, глуповатый человек. Ср. в кабардино-черкесском: *цхъэкъэб* «голова как тыква» – пустая голова, тупоголовый.

2. Фразеологические единицы, выражающие национальную культуру расчленинно, т.е. единицами своего состава. В состав фразеологизмов этой группы могут входить архаизмы, безэквивалентная лексика и т.д., например: в русском «почивать на лаврах» – наслаждаться результатами достигнутого. Ср. в кабардино-черкесском: в компаративные фразеологизмы часто включаются названия растений, типичных для данной флоры *пЫрыпI гьэщам хуэдэу* «надутый как **физалис**» – нежный, холеный. Ср. на материале: *ПЫрыпI гьэщам ещхь Iэпхьуамбэхэр* «пальчики подобно физалису» – ассоциация с физалисом означает, что ручки «пухленькие», «мягкие», «холенные». Ср.: *Гуащэм и нэщхьыр зэхэукIащи, ...пЫрыпI гьэщам ещхь и Iэпхьуамбэ кIэщI цIыкIухэр мэпIэжъяжъэ* [Къашыргъэ 1976: 68]. «Княгиня явно злится, ... ее **маленькие пухлые пальчики** трясутся...».

3. Фразеологические единицы, в основе которых лежит отражение национально-культурных элементов семантики в прямом значении. В русском языке «под хмельком» – быть навеселе (о состоянии легкого опьянения).

Фразеологические и дискурсные исследования получают признание в российской науке именно потому, что данные научные парадигмы обращены, прежде всего, «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова 2004: 11].

Во фразеологическом корпусе и паремиологическом ресурсе кабардино-черкесского языка содержатся большое количество фитонимических компонентов, ориентируемых на человека. Фитонимические элементы в компаративных фразеологизмах исследуемого языка символизируют связь человека и природы. Компаративные единицы выбираются носителями языка в зависимости от особенностей человеческого мышления, от восприятия ими внешнего и внутреннего мира. Ассоциативность их мышления зависит от объектов, находящихся в непосредственной близости от человека, то есть речь идет о растительном мире.

Сравнения с помощью выразительных средств языка является одним из важных источников знаний человека о мире. Наряду с идентификацией, сравнение входит в разряд основных ментальных операций.

Таким образом, анализируя сравнительные конструкции, содержащие фитонимические элементы в кабардино-черкесском языке, данное исследование призвано расширить представление о сравнении как об особо важном изобразительном средстве языка. Поскольку одним из многих способов достижения выразительности в художественной речи является сравнение, сравнительные обороты с фитонимами нами выбраны для анализа из художественных текстов кабардинских и черкесских писателей.

Интересным с точки зрения выявления национально-культурных признаков представляется корпус фитонимов, ориентируемых на человека, связанных с концептом *жыг* «дерево». Компаративные фразеологизмы с анализируемым концептом трансформируют различные признаки, свойственные человеку: «силу», «слабость», «нежность», «хрупкость», «грубость», «вспыльчивость», «одиночество», «нерешительность», а также разные формы. Обратимся к анализу. Например, *тхуей кIащIэм хуэдэу* «сильные как побеги граба» характеризует отличное физическое состояние – «силу». *Тхуей кIащIэм хуэдэу лъэщ и IэщхуитIымыкIэ Iэбэщ Хьэбалэри, мо цIалэ псыгьуэр уанэгум кьричри кьрихьэхащ...* [Нало 1981: 86]. «**Сильными, как побеги граба**, руками Хабала снял худого паренька с седла...».

Сравнительный оборот *пцIащэ цIынэ цIыкIум ещхьу* «как первые свежие листочки» передает состояние тревоги и нерешительности – «первую любовь» (нежность, хрупкость). *Гьатхэтэ акьужьым игьэщхьыщхь пцIащэ цIынэ цIыкIум ещхьу кIэзызу, таучэлынишэу япэ фIыльбагьуныгьэр кьыщысхуэкIуащ...(жеIэ Мадинэ)* [Абазэ 1994: 15]. «Тревожная и нерешительная я (Мадина) дрожала, как **первые весенние листочки на ветру**, когда пришла ко мне первая любовь».

В художественных произведениях часто встречаются в одном предложении противоположные сравнения: первое – *цихум хуэдэу кIыхь* «высокий как тополь» – худой и высокий; другое – *жыгейм ецхьу ляхъшэ* «низкий как дуб» – толстый и низкий. *Алий ... цихум ецхьу, псыгъуэ кIыхьт; Хъэжы жыгейм ецхьу ляхъшэ гъумт* [Нало 1981: 123]. «Али был худой и тонкий как тополь, Хаджи – толстый и короткий, как дуб».

При использовании антонимичных сравнительных оборотов, содержащих фитонимы, передаваемый образ вырисовывается более ярко и запоминается легче. Так, например, *клацIэ дахэ* «гибкий, красивый побег» – с чем автор сравнивает молодую, пластичную, хрупкую девушку, тогда как через *жыгыжъ къяубэбжъабэ* «заросшее старое дерево» писатель передает «грубость», «неуклюжесть». Ср.: *Хъусин жыгыжъ къяубэбжъабэмэ, ар (Ланэ) клацIэ дахэт, дыгъэм зыхуишиуэрэ псынцIэу дэжэяэу* [Нало 1981: 99]. «Если Хусин был как заросшее дерево, то Лана – скороспелка, как красивый, гибкий побег».

Весьма *вспыльчивый* характер описывает писатель целым сравнительным выражением, где содержится часть фитонима *жыг* «дерево» – *фэтыджэн ирагъэфа уэдыгъей гъурыр мафIэм дрилытцIейм хуэдэу* «подобно тому, как сухие щепки сосны, залитые керосином, горят в огне». Например: *Совет кызыэцIонлэ, кызыэцIонэ, фэтыджэн ирагъэфа уэдыгъей унсахуэ гъурыр мафIэм дрилытцIейм хуэдэу, кызыэцIолыдэри, къожалэ цтэIэцтаблэу цыс цIалэ хъарып цIыкIум* [Хъэх 2013: 172] «Совет рассвирепствовала, подобно тому, как сухие щепки сосны, залитые керосином, горят в огне, разгневалась и подбежала к бедному, съезжившемуся мальчику».

Сильный гнев и негодование передается через компаративный фразеологизм *дакъэжъ мафIэу кызыэцIэнэн* «разгореться как огонь из старого пня» – самый сильный, жаркий огонь. (*Пцыр*) *Къогубжъ, дакъэжъ мафIэу кызыэцIонэ: Елым-еIыж, мы сэ си пцэкIэ къакIуэу мы сэ кысхуеплыхыу къэтIысар хэт и псэжъ! – жеIэри* [Жылау 1995: 129]. «Кто этот негодник, который посмел поселиться выше моих владений, – разозлился он (князь), как огонь из старого пня».

Фитонимы, включаясь в состав фразеологических единиц, утрачивают связь с конкретным объектом и приобретают новые коннотации. Так, сравнение *зи къудамэхэр гуэмытыж жыгыжъ гъуам ецхьу* «подобно обрубленному, высохшему дереву» символизирует «одиночество», «бессилие», «беспомощность», можно сказать, «гибель». Ср., например: *Езы Iумэт лыжъ гъурышхуэр зи къудамэхэр гуэмытыж жыгыжъ гъужам ецхьу цытт, псэ зэрыхэтыр къэзыIуатэр и пцэ псыгъуэ кIыхьыр лъэныкъуэ-лъэныкъуэкIэ зэрыхишиикIырт* [Дыгъужь 1983: 48]. «Сам старик Умат стоял, как обрубленное, высохшее дерево, иногда поворачивал голову – это давала возможность догадаться, что в нем еще теплится жизнь».

Ассоциацию человека с растительным миром мы наблюдаем в сравнении *мафIэм ирагъэуа тхъэрыкъуэфым ецхьу* «похожий на лопух, опаленный пламенем». Ср., например: *КъарууфI зыгъэдэлъ, иджыри жыгыгъэр апхуэдизу зэмытцэфыIа, зи жъауэм куэдрэ цIэтыну и гугъа и адэр шэнтжъей шабэм здисым, мафIэм ирагъэуа тхъэрыкъуэфым ецхьу, и пкыыр цIэлэри зэфIэмэхац ...* [МафIэдз 2003: 124]. «Отец его, еще не совсем старый и полный сил, сидел в кресле, как вдруг будто лопух, опаленный пламенем, потерял сознание».

Поскольку быт адыгов (черкесов и кабардинцев) тесным образом связан с сельскохозяйственными культурами, они часто находят отражение в компаративных фразеологизмах. Так, например: *мэши бэв и пхыру* «подобно снопу урожайного проса». *ИкъукIэ гузуу лэжъакIуэм Бжыгъэ мылътэр хэцIац, Зауэ цIэбэгъу пцыжъ куэди Мэши бэв и пхырхэу джэлац* [ЩоджэнцIыкIу 2000: 115]. «Очень печально погибли в бою много рабочих, также упали на землю много поджигателей войны, подобно снопам урожайного проса».

Сравнение, содержащее подобный фитонимический элемент, может выступать с привативным значением в паремиологическом фонде исследуемого языка, подчеркивая глубокое проникновение компаративных фразеологизмов в сознание данного этноса. Ср. на примере: *Зи хуцхьэ хьум я бзуц* [Псальэжь] «Он птица тех, у кого поспело просо» (букв.). Другими словами, тот общается с состоятельными, преследует личные цели. Таким образом, в данной пословице, используя фитоним ху «просо, рожь», передается негативное качество, поведение или свойство человека – «алчность, стяжательство».

Между тем, подобные фитонимические элементы в компаративных фразеологизмах могут передавать также и положительные коннотации, относящиеся к отдельным частям тела человека. Так, например, автор с любовью описывает портрет казака, сравнивая цвет его усов с золотистым цветом созревших колосьев: *и гьуэ нэса цхьэмыж дыцафэм ецхьу* «цвета спелых колосьев», то есть золотистого цвета. *И гьуэ нэса цхьэмыж дыцафэм ецхьу, пацлэ дахэишуэ зытет къэзакъ сэлэт фафлэр Изфраклэклэ елунцлэт къыбгъэдэт сэлэт сырыху къуэгьум, езым ильагьур адрейм имылъагьу хуэдэ хуигъэцлэагьуэт...* [Дыгъужь 2011: 142]. «Симпатичный казак с красивыми усами, похожими на созревшие золотистые колосья, подталкивал рыжего худого солдата, стоявшего рядом, будто тот не видел происходящее».

Сравнение по цвету наблюдается и в сочетании *и нитлыр мэраклуацлэм ецхьу* «глаза цвета ежевики». Ср.: *Ар сыт хуэдэу хьыджэбз зэклэлыклуэт езыр (Мудэвейхэ я пхьур), и нитлыр мэраклуацлэм ецхьу флыцабзэу* [Нало 1981: 68]. «Она (Мудавеева) была такая ладная девушка, глаза черные как цвет ежевики».

Портрет веселого, жизнерадостного старичка писатель рисует в сравнительном обороте, используя часть фитонима – плод: *флыуэ ягъэгьуа кхьужь цлыкълум хуэдэу и нэжьгъхэр зэлат* «его глазницы были сморщены, как хорошо высушенные груши-дички». Ср., например: *Гушылэ зэрыфлэфл, гушылэрейуэ, дыхэ-ихрилэу зэрыщытым цхьэклэ, куржы лыжьшым и нэжьгъитлри гъэ ежьа, флыуэ ягъэгьуа кхьужь цлыкълум хуэдэу зэлат* [Мафлэдз 2003: 105]. «Из-за того, что старик-грузин любил много шутить и смеяться, глазницы его были сморщены как хорошо высушенные груши-дички».

Компаративный фразеологизм *шыбжгий зышхам хуэдэу* «подобно тому, кто съел перец» передает состояние тревоги: не зная куда бежать. Ср.: *Нахьуэ джэгумэ и джэгуклэр псоми яцлэрт: «Согъэцл, дэп уэзмышгъэшхым, мафлэр къыплурьлгъэлэу», – жилэнти игу иримыхьыр, шыбжгий зышхам ецхьу, цлгъэлэнт ...* [Кыщокъуэ 2005: 87]. «Если Нахо шутил, то все знали его манеру: «Клянусь, я заставлю тебя съесть уголь так, чтобы сыпались искры», – говорил он тем, кто ему не нравился, и они убегали прочь, **подобно тому, кто съел перец**».

В художественных текстах в кабардино-черкесском языке часто встречаются сравнения *и нэпсыр джэшым хуэдэу* «слезы как фасоль», т.е. «крупные». Ср.: *Зи нэпсыр джэшым хуэдэу къеццэцх нанэм цылулгъэм, Хьызыр и нэгум къыцлэувэжацл Къундуз и цлалэ нэхъыжьшыр, езым и гьусэу армэм яшауэ цытар ...* [Журт 1997: 110]. «Когда Хизир увидел бабушку, с лица которой катились **слезы словно фасоль**, он вспомнил, как сам со старшим сыном Кундуз отправился в армию».

Итак, осуществление антропоцентрического подхода к языку предполагает более углубленное исследование роли человека в языке. В компаративных фразеологизмах кабардино-черкесского языка, содержащих фитонимические элементы, мы наблюдаем художественное отражение народного мышления. В работе основной упор делается на концепт *жыг* «дерево» в компаративных фраземах, хотя отмечаются и другие особенности некоторых растений, а также их части – плоды. Все это дает возможность выявить ряд отличительных, уникальных особенностей национального характера адыгов (кабардинцев и черкесов): определить их

поведение, отношение к другим людям, их поступки и, наконец, представить себе портрет самого человека. Таким образом, через фитонимы, находящие отражение в компаративных фразеологизмах, формируются определенные ментальные образцы, играющие существенную роль при описании человека в определенном лингвокультурном сообществе.

Дальнейшие перспективы исследуемой темы видим в выявлении сравнительных оборотов с фитонимами в паремиологическом фонде, а также в мифологемах кабардино-черкесского языка.

Источники и литература

1. *Абазэ Л.* Анэм и джэ макъ // Бжыхьэ нэпсхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. 280 н.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
3. *Дыгъужь Къу.* Щымахуэ лэгъупыкъу. Черкесск: «Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапIэ», 2011. 174 н.
4. *Дыгъужь Къу.* Бжыхьэ псыдзэ: роман. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ, Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1983. 216 н.
5. *Елгъэр К.* Жэщ дыгъэ. Налшык: Эльбрус, 1976. 348 н.
6. *Журт Б.* Мэрэмжъей. Налшык: Эльбрус, 1997. 440 н.
7. *Жылау Н.Хь.* Щэнгъасэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 273 н.
8. *Климов Г.А., Тестелец Я.Г.* Словарь кавказских языков. М.: Восточная литература, 2003. 515 с.
9. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук, Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
10. *Кыщокъуэ А.П.* Мазэ ныкъуэ щхъуантIэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т.3. Налшык: «Эльбрус», 2005. 752 н.
11. *Къашыргъэ Хь.* ПшэкIухь. Налшык: Эльбрус, 1976. 378 н.
12. *МафIэдз С.Хь.* Мыхъур, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2003. 344 н.
13. *Мельник Л.В.* Культурно-национальная коннотация украинских фразеологизмов. Луганск, 2001. 206 с.
14. *Нало З.М.* Къру закъуэ. Налшык: Эльбрус, 1981. 398 н.
15. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 287 с.
16. *Хьэх С.* Лягъуэр гъуэгум хуокIуэ. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.
17. *ЩоджэнцIыкIу А.А.* Тхыгъэхэр. Налшык: «Эльбрус», 2000. 432 н.

FEATURES OF COMPARATIVE PHRASEOLOGISTS WITH PHYTONIMS IN THE KABARDINO-CHERKASSIAN LANGUAGE

Dzukanova Rita Habalovna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Kabardino-Circassian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzug.rita@yandex.ru

Oshroeva Karina Vyacheslavovna, Assistant of the Department of Foreign Language Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov», karinzal@yandex.ru

The article deals with comparative phraseological units in the Kabardino-Circassian language, containing phytonymic components. Revealing of national and cultural characteristics through phytonymic elements, oriented towards a person, most of all clarifies the connection between a person and nature. In comparative phraseological units, phytonyms convey a variety of connotations, both positive (strength, tenderness, beauty, fragility) and negative (weakness, greed, indecision, rudeness, irascibility, loneliness). The main emphasis in the work is made on

comparative phraseological units with the concept of “tree”. The analysis of the material is carried out in line with artistic discourse.

Keywords: comparative phraseological units, phytoonyms, Kabardino-Circassian language, culturological aspect, comparative turnover.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-76-81

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ АНТОНИМОВ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Кумыкова Дина Мухарбиевна, кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dina07-09@mail.ru

Кумыкова (Гучапшева) Элина Тугановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», etkumyukova@mail.ru

Статья посвящена анализу антонимов кабардино-черкесского языка с точки зрения их структуры. Показано, что принцип систематизации антонимов по структурному признаку, предусматривающий выделение разнокорневых и однокорневых антонимов, являясь в целом универсальным для разных языков, применим и к кабардино-черкесскому языку, но при этом имеет и свои особенности. С учетом системно-структурных характеристик исследуемого языка, предложена классификация, в которой в разряде разнокорневых антонимов разграничиваются лексические антонимы и производные антонимы; у первых противопоставленность заключена в самом значении корня и не требует выражения с помощью каких-либо морфологических средств, у вторых – значение противоположности создается с помощью аффиксальных средств. Однокорневые антонимы представлены производными антонимами, которые подразделяются на лексико-грамматические антонимы и эвфемизмы, и энантиосемантами. Рассмотрены некоторые аспекты отраженной антонимии и энантиосемии, демонстрирующие в том числе семантическую асимметрию антонимов кабардино-черкесского языка.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, антонимы, структурная классификация, однокорневые антонимы, разнокорневые антонимы, производные антонимы, энантиосеманты.

Структурные особенности антонимов широко изучены многими учеными в отечественном и зарубежном языкознании. Так, на материале различных языков выделяются абсолютные, корневые (absolute, root) и деривационные (derivational) антонимы [Арнольд 1986]; разнокорневые и однокорневые [Миллер 1990]; корневые и аффиксальные [Апресян 1973]; разнокорневые (или собственно-лексические) и однокорневые (грамматические или лексико-грамматические антонимы, или словообразовательные) антонимы [Новиков 1978]; простые (primitives) и производные (derivatives) [Devlin 1987]; морфологически сочетаемые и не сочетаемые (morphologically related and unrelated antonyms) [Murphy 2003] и др.

Первый опыт структурной классификации антонимов кабардино-черкесского языка принадлежит А.К. Шагирову. В зависимости от наличия общих элементов в противопоставленных единицах ученый различает две группы антонимов: 1) антонимы, в структуре которых нет общих элементов (*нэж – тцӀы, махуэ – жэщӀ*); 2) антонимы, в структуре которых присутствуют общие корневые и словообразовательные элементы (*лъагэ – лъахъшэ, кӀыхь – кӀэщӀ*) [Шагиров 1962: 45]. Несомненным достоинством классификации А.К. Шагинова является то, что

в ней в целом учитывается специфика языка. Однако, в то же время, на наш взгляд, будучи достаточно общей, она отражает не все особенности структуры антонимов кабардино-черкесского языка.

Классификация антонимов, предусматривающая разграничение разнокорневых и однокорневых антонимов, являясь в целом универсальной для разных языков, применима и к кабардино-черкесскому языку, но при этом имеет ряд особенностей, обусловленных системно-структурными характеристиками исследуемого языка. С их учетом представляется возможным выделение следующих типов антонимов:

Разнокорневые антонимы		Однокорневые антонимы		
лексические	производные	производные		энантисеманты
		лексико-грамматические	эвфемизмы	
<p><i>жэщ</i> – <i>махуэ</i>, <i>дуней</i> – <i>ахърэт</i>, <i>пэж</i> – <i>цIы</i>, <i>быдэ</i> – <i>махэ</i>, <i>быдэ</i> – <i>щабэ</i>, <i>ин</i> – <i>цIыкIу</i>, <i>къабзэ</i> – <i>флей</i>, <i>лъанIэ</i> – <i>пуд</i>, <i>зыIэжъэн</i> – <i>пIэщIэн</i></p>	<p>Векторные: <i>щIэлъэдэн</i> – <i>къыцIэжын</i>, <i>щIэлъхъэн</i> – <i>къыцIэхын</i></p> <p>Конверсивы: <i>етын</i> – <i>къеIыхын</i></p>	<p><i>быныбэ</i> – <i>быныниэ</i> <i>насыпIэ</i> – <i>насыпыниэ</i> <i>лъагъугъуафIэ</i> – <i>лъагъугъуей</i>, Конверсивы: <i>къэхъын</i> – <i>егъэхъын</i>, <i>еджээн</i>– <i>егъэджээн</i></p>	<p><i>белджылы</i> – <i>мыбелджы-</i> <i>лы</i>, <i>дахэ</i> – <i>мыдахэ</i>, <i>ин</i> – <i>мыин</i></p>	<p><i>пэ</i> <i>щхъэ</i> <i>уасэниэ</i> <i>исын</i> <i>къыцIудын</i> <i>къыцIитхъын</i></p>

Разнокорневые антонимы в представленной классификации подразделяются на лексические и производные. Лексические антонимы выражают значение противоположности компонентов (свойств, качеств) по своей сути, в силу заложенной в корне семантики. В кабардино-черкесском языке данный класс антонимов пронизывает практически все лексико-грамматические классы слов: существительные (*жэщ* «ночь» – *махуэ* «день», *гъэмахуэ* «лето» – *щIымахуэ* «зима», *дуней* «жизнь (земная)» – *ахърэт* «загробный мир, тот свет», *жъантIэ* «почетное место для старших» – *дакъэхэкIэ* «непочетное место для младших», *зауэ* «война» – *мамырыгъэ* «мир», *пэж* «правда» – *цIы* «ложь», *сэбэн* «польза» – *зэран* «вред», *хъэщIэ* «гость» – *бысым* «хозяин»), прилагательные (*быдэ* «крепкий» – *махэ* «слабый, хилый», *быдэ* «твердый» – *щабэ* «мягкий», *гъунэгъу* «близкий» – *жыжъэ* «далекий», *гъуцэ* «сухой» – *псыф* «мокрый», *ижъ* «правый» – *сэмэгу* «левый», *ин* «большой» – *цIыкIу* «маленький», *къабзэ* «чистый» – *флей* «грязный», *лъанIэ* «дорогой» – *пуд* «дешевый», *хужъ* «белый» – *фIыцIэ* «черный», *хуабэ* «теплый» – *щIыIэ* «холодный»), глаголы (*дыхъэшхын* «смеяться» – *гъын* «плакать», *гъэльэпIэн* «ценить, почитать» – *гъэикIэн* «унижать», *илъхъэн* «вложить внутрь» – *къыхын* «вынуть изнутри», *утхъуэн* «стать мутным» – *жэбзэн* «стать прозрачным»), наречия (*нобэ* «сегодня» – *пцэдей* «завтра», *иджы* «теперь, сейчас» – *япэм* «тогда, раньше», *жъыуэ* «рано» – *гувауэ* «поздно», *хэкIуэтауэ* «поздно», *адэ* «там, туда» – *мыдэ* «здесь, сюда»), местоимения (*мы* «этот, эта, это» – *мо* «тот, та, то», *мыдрей* «этот» – *модрей* «тот, другой», *мыбдеж* «вот здесь» – *мобдеж* «вон там», *псори* «все, всё» – *зыри* «никто, ничто»), частицы (*нытIэ* «да» – *хъэуэ* «нет»). При этом можно предположить (в условиях отсутствия словаря антонимов кабардино-черкесского языка, опираясь лишь на наблюдения), что антонимы-прилагательные в этой группе представлены в большей степени, чем другие лексико-грамматические разряды слов.

Разнокорневые производные антонимы выделены нами в отдельную подгруппу в связи с тем, что значение противоположности в них, в отличие от разнокорневых лексических антонимов, не является «сущностью», принадлежностью корней, а создается с помощью аффиксальных средств. Данный тип антонимов обнаруживается среди глагольных антонимов с разнонаправленной семантикой (векторные антонимы) (*дэКлуеин* – *ехын*, *кІэщІэльэдэн* – *кыкІэщІэжын*), а также среди конверсивов (*щэн* – *кыэщэхун*, *етын* – *кыелыхын*), возможность отнесения к разряду антонимов которых рассматривалась нами ранее [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2019: 140–141]. В образовании этой группы антонимов чаще участвуют направительные превербы и сложные префиксы (заметим, что здесь создаются антонимичные пары, но не словообразовательные):

- **дэ-** (вверх) и **(кы)е-** (вниз): *дэКлуеин* «подниматься» – *ехын* «спускаться»;
- **кІэщІэ-** (направление под) и **кыкІэщІэ-** (направление из-под): *кІэщІэльэдэн* «забежать под» – *кыкІэщІэжын* «выбежать из-под», *кІэщІэльэхэн* «подложить» – *кы(кІэ)щІэхын* «взять из-под»;
- **зэбгыры-** (направление от центра в разные стороны) и **зэхуэ-** (направление с разных сторон к одной точке): *зэбгырыкІын* «разойтись в разные стороны» – *зэхуэсын* «собраться», *зэбгырыдзын* «разбросать в разные стороны» – *зэхуэхэсын* «собрать» [КЧЯ, Т.1: 269].

Интересны случаи, когда противоположные значения выражаются одними и теми же аффиксами. Так, сложный префикс **зэпкыры-** может обозначать «деление на части» и «соединение из частей»: *зэпкырыхын* «разделить на части» – *зэпкырылхээн* «соединить», *зэпкырудын* (разбить на части) и *зэпкырукІэн* (сколотить).

Однокорневые антонимы, по нашей классификации, представлены производными антонимами, которые подразделяются на лексико-грамматические антонимы и эвфемизмы, и энантиосемантами. В однокорневых антонимах (за исключением энантиосемантов) противопоставленность создается либо с помощью аффиксов, придающих исходному слову противоположный смысл, либо с помощью коррелирующих антонимичных аффиксов, присоединяемых к одному и тому же слову.

Наиболее продуктивными аффиксами, привносящими в семантику исходной лексемы значение противоположности, являются префикс **мы-** (соответствует русской приставке **не-**) и суффикс **-ншэ-** (соответствует русск. **без-**): *екІу* «пригожий, приличный, подходящий» – *е-мы-кІу* «неприличный, неподходящий», *Іэрылхэ* «наличный» – *Іэры-мы-лхэ* «безналичный»; *цІыхугъэ* «человечность» – *цІыхугъэншагъэ* «бесчеловечность», *Іэуэльауэу* «шумно» – *Іэуэльауэншэу* «бесшумно». С помощью префикса **мы-** образуются и эвфемистичные антонимы: *белджылы* «ясный, определенный» – *мы-белджылы* «неясный, неопределенный», *дахэ* «красивый» – *мы-дахэ* «некрасивый», *ин* «большой» – *мы-ин* «небольшой» [Шериева 2014].

Способы производства однокорневых антонимов с помощью коррелирующих антонимичных аффиксов в кабардино-черкесском языке разнообразны. Приведем примеры с некоторыми наиболее продуктивными аффиксами, передающими противоположные значения:

- суффиксы **-фІ(э)-** и **-ншэ;** первый указывает на наличие в достаточной степени или в большом количестве того, что обозначается производящей основой [КЧЯ, Т.1: 134–136], второй передает отсутствие или наличие в недостаточной мере того, что названо производящей основой: *насытыфІэ* «счастливый» – *насытыншэ* «несчастливый», *фафІэ* «привлекательный» – *фэншэ* «невзрачный, неприглядный»;
- суффиксы **-гъуафІэ** (указывает на то, что действие, состояние, выраженное исходной основой, легко производимо) и **-гъу(э)ей** (указывает на то, что трудно производимо): *гурІуэгъуафІэ* «легкий для восприятия» – *гурІуэгъуей* «трудный»

для восприятия», *гъуэтыгъуафIэ* «легко обнаруживающийся» – *гъуэтыгъуей* «редкостный, дефицитный (то, что сложно найти)»;

– суффикс **-кI-** в сочетании с аблаутом привносит семантику изменения направления действия в противоположную сторону в глагольные формы с локальными превербами **те-** (сверху, на верх), **фIэ-** (сверху; при): *те-гуэнтIэ-н* «накрутить сверху» – *те-гуэнтIы-кIы-н* «открутить», *фIэ-гуэнтIэ-н* «накрутить, прикрутить» – *фIэ-гуэнтIы-кIы-н* «открутить, зэ-*те-гуэнтIэ-н* «скрутить» – зэ-*те-гуэнтIы-кIы-н* «раскрутить» [Дзуганова, Кумыкова 2015: 1544].

Модели образования однокорневых антонимов в кабардино-черкесском языке многочисленны и специфичны, что обуславливает необходимость более тщательного их анализа в дальнейшем.

Изучение однокорневой антонимии не будет полным без обращения к отраженной антонимии, при которой противоположное значение исходных лексических единиц продолжается в производных формах (дериватах), выраженных различными частями речи. Такие производные антонимы образуют антонимические гнезда (АГ):

бгъуэ «широкий» – **бгъузэ** «узкий» (прил.)

бгъуфIэ «широкий»	бгъузэ «узкий» (прил.)
бгъуагъ «ширина»	бгъузагъ(э) «узость» (сущ.)
бгъуфIагъ(э) «ширина»	бгъузагъ(э) «узость» (сущ.)
бгъуэуэ «широко»	бгъузэуэ «узко (нареч.)
бгъуапIэ «место расширения»	бгъузапIэ «место сужения»(сущ.)

кIыхь «длинный» – **кIэщI** «короткий» (прил.)

кIыхьагъ «длина»	кIэщIагъ «краткость» (сущ.)
кIыхьыпIэ «место большей длины, в длину»	кIэщIыпIэ «место, где коротко» (сущ.)
кIыхьу «длинно»	кIэщIу «коротко» (нареч.)
гъэкIыхьын «удлиннить»	гъэкIэщIын «укоротить» (глагол.)
хуэкIыхьын «быть длинным»	хуэкIэщIын «быть коротким» (глагол.)

Следует отметить, что не всегда отраженная антонимия проявляется так последовательно, как в приведенных выше антонимических гнездах **бгъуэ – бгъузэ, кIыхь – кIэщI**.

Так, полисемантические слова могут входить в несколько антонимических гнезд. Например, прилагательное **жбы** имеет 4 значения: 1) старый, ветхий; 2) старый, престарелый; 3) недействительный, негодный; 4) старинный, устаревший [СКЧЯ 1999: 183], но при этом входит в два антонимических гнезда. АГ-1 **жбы** «старый» – **щIэ** «новый» охватывает исходную лексему и дериваты, реализующие значения 1,3,4. В АГ-2 **жбы** «старый» – **щIалэ** «молодой» входят исходная лексема и дериваты, передающие значение 2.

жбы «старый» – **щIэ** «новый»

жбыгъуэ «период, когда что-л. явл. старым»	<i>щIэгъуэ</i> «период, когда что-л. явл. новым»
жбыгъэ «старость»	–
жбыфэ «старый вид»	–

жбы «старый» – **щIалэ** «молодой»

жбыгъуэ «старость (пора жизни)»	щIалэгъуэ, <i>щIэгъуэ</i> «молодость»
жбыгъэ «старость»	щIалагъ(э), щIалэгъуэ «молодость»
жбыфэ «старый вид»	щIалафэ «молодой вид»
жбыкIэфэкIэ «старика»	щIалэгъуалэ «молодежь»

Антонимическое гнездо **жбы – шІалэ** представляет собой более развитую структуру с полным набором антонимических пар. В АГ-1 **жбы** «старый» – **шІэ** «новый» не все дериваты находят симметричное антонимическое отражение (*жбыгъэ* «старость» – **шІагъ(э)*; *жбыфэ* «старый вид» – **шІафэ*), в то время как в АГ-2 дериваты имеют одно и более антонимическое соответствие (*жбыгъуэ* «пора старости» – *шІалэгъуэ*, *шІэгъуэ* «пора молодости»; *жбыгъэ* «старость» – *шІалагъ(э)*, *шІалэгъуэ* «молодость», *жбыфэ* «старый вид» – *шІалафэ* «молодой вид»), что является проявлением асимметричного характера отраженной антонимии.

Кроме того, полисемантическое прилагательное **шІэ** «новый», как и его производные формы, при характеристике субъекта или при сочетании с одушевленным существительным, выступая в одном из своих значений «молодой», допускает возможность его замены на **шІалэ** «молодой», что поддерживается также соотносительностью с антонимом **жбы** в одном из его значений «старый, престарелый»: *ШІэ* (= *шІалэ*) *зишІыжыну псэлъыхъум и напэ зэлъахэр елуэт (ШоджэңцІыкІу А.)* «В надежде сделать себя моложе жених потирает морщинистое лицо». – *Сэ сынэкІуэңци бжесІэңци жбы узэрыхъуар, набгъэ узэрыхъуар (ШэджыхъэщІэ Хь.)* «Я приду и скажу тебе, что ты стал стар и подслеповат». При этом в сочетании с неодушевленными существительными такая замена невозможна: *ШІэм* (≠ *шІалэм*) *цытхъуи жбыр къащтэ (Псалъэжъ)* «Похвали старое и выбери новое»; *Шырыкъум и шІэгъуэм* (≠ *шІалэгъуэм*) *ила теплъэр фІэкІуэдакъым (СКЧЯ)* «Сапоги (выглядят) как новые, не потеряли своего вида».

Полисемантическое прилагательное **шІалэ** «молодой» и его производные из АГ-2 не содержат семы «новый», что обуславливает невозможность обратной замены на **шІэ** (и его производные), а антонимичные дериваты от лексемы **жбы** (в значении 2) поддерживают реализуемые ими значения: *шІалэу дунейм ехыжащ* «умер молодым» – невозможна замена на: *шІэуэ* «новым»; *Ауэ дэкІыңци зы илъэс, пІэщІэужжэгъуэңци си жбыгъэри, си узыфэри, ухуэзэңци уи шІалагъыр нэхъ зыхуэфайэ (Абазэ Л.)* «Но пройдет год, надоедят тебе и моя старость, и моя болезнь, встретишь ты того, кто более достоин твоей молодости» – невозможна замена на: **шІагъэ* «новизна». *Зураб и пащІэ-жыакІэ зэхэкІэжар цупсри куэдкІэ нэхъ шІалафэ къытеуэжат (Абазэ Л.)* «Зураб сбрил сросшиеся бороду и усы и стал выглядеть намного моложе» – невозможна замена на: **шІафэ* «новый вид». *Ар и ныбжъкІэ иджыри шІалэт, илъэс пІыщІу ирикъуатэкъым, ауэ напэ зэрылэу жбыфэ дыдэ къытеуат (Абазэ Л.)* «Она была еще достаточно молодая, ей и сорока не было, но после смерти отца сразу стала выглядеть старой».

Приведенный пример с АГ-1 **жбы – шІэ** и АГ-2 **жбы – шІалэ** демонстрирует сложность и глубину семантических аспектов асимметрии отраженной антонимии кабардино-черкесского языка, детальное исследование которой все еще ждет своего времени.

Еще одно проявление асимметрии языкового знака – так называемая энантиосемия, вопрос о разрядном статусе которой все еще активно обсуждается в языкознании. Способность слова совмещать в своей семантической структуре противоположные значения рассматривается исследователями и в рамках омонимии (Н.М. Шанский, В.В. Виноградов), и как особый вид полисемии (Л.Е. Бессонова, Н.К. Салихова, О.И. Смирнова и др.), и как явление, смежное между полисемией и антонимией (В.Ю. Кравцова), и как проявление внутрисловной антонимии (Л.А. Новиков, Р.А. Будагов и др.), а также как самостоятельная категория лексической семантики (Е.А. Литвинова).

В кабардино-черкесском языкознании явление энантиосемии традиционно выделяется как особый тип антонимии. Впервые на слова кабардино-черкесского

языка, которые совпадают в своем звучании и одновременно «являются и омонимами», обратил внимание Н.Ф. Яковлев, назвав их омоантонимами. Так, **пэ** – начало и конец (*къамэпэ* – кончик кинжала, *мазэпэ* – начало месяца; *хьэсэпэ* – букв. «передний край, начало участка» – может означать «дальний конец земледельческой полосы (участка)», если говорящий стоит лицом к ней). **Щхьэ** «верх» (букв. «голова») может обозначать и верхнюю плодоносящую часть (хлебного) растения (*мэшым* и *щхьэ* – кисть (верхушка) проса, *семышкIащхьэ* – шляпка, головка подсолнуха), и нижнюю плодоносящую часть овоща (*бжьыныщхьэ* – головка лука). Подобные примеры демонстрируют, по мнению Н.Ф. Яковлева, как одно и то же слово-понятие превращается в свою противоположность: передний конец становится задним концом, начало превращается в конец, верх – в низ [Яковлев 1948: 131]. М.Л. Апажев также рассматривает слова типа *пэ* – «начало» и «конец», *щхьэ* – «верх» и «низ» в разделе, посвященном антонимам кабардино-черкесского языка, считая, что они представляют «такое важное явление, как поляризация значений, названное впоследствии <...> энантиосемией» [Апажев 2004: 71].

Развитие противоположных, антонимических значений внутри семантической структуры не только в отдельных словах, но и во фразеологических единицах отмечается исследователями и при изучении эмотивной лексики кабардино-черкесского языка и характеризуется как явление, в целом свойственное данному разряду лексической системы, что обусловлено «схожестью внешнего выражения некоторых положительных и отрицательных эмоций». Так, *кьыщудын* может передавать значения: «разразиться рыданиями, не сдержавшись, заплакать» и «взорваться смехом, не сдержавшись, засмеяться»; *кьыщитхьын* – «не сдержавшись, рассмеяться» и «не сдержавшись, разозлиться, обозлиться»; фразеологизм *нэкIэ шхын* может выражать как восхищение, так и злобу и т.д. [Бижоев, Токмакова 2016: 146], [Токмакова 2017: 105].

Неотъемлемой особенностью энантиосемии является ее контекстуальная и конситуативная зависимость: полярные значения энантиосемантов проявляются только в условиях большого или малого текста. Этим обусловлена относительно слабая представленность в кабардино-черкесском языке собственно языковых (ингерентных) энантиосемантов, получивших лексикографическое отражение. Приведем примеры ингерентных энантиосемантов. **Уасэнишэ** – 1) бесплатный, не представляющий ценности; 2) бесценный, дорогой: *Бзаджэт ар, ауэ цыуащ, си цыгыын зэхэдыжыхьам хуэдэу уасэнишэу си гури си акьылри кьызырыщыхьуамкIэ* (Абазэ Л.) «Хитрый он был, но ошибся, решив, что мое сердце и моя голова так же, как и (старая) залатанная одежда на мне, ничего не стоят»; *Унагьуэ, щхьэгьусэ иIэным абы иджы и гугьэ псори хыхьжат. Хэт ипхьу уасэнишэу кьуитын?* (МафIэдз С.) «Он теперь потерял всякую надежду обзавестись семьей, женой. Кто отдаст тебе свою дочь без платы (без калыма)?» – *Си гьащIэм и кIуэцIкIэ нэхь сызыхуцIегьуэжа дыдэу сиIар Тхьэм кьызитыну кьысхуигьэфэца етIуанэ быныр сэ зыхуэзмыгьэфэцэжу зэрызгьэкIуэдыжариц. СэркIэ сьт и уасэт ар иджы. Уасэнишэт* (Кьэрмокьуэ М.) «За всю свою жизнь я больше всего пожалела об одном своем поступке: о том, что отказалась от Богом посланного мне второго ребенка, решив, что я не достойна его. Чего для меня стоило бы сейчас это (иметь ребенка)? Это было бы бесценно».

ЩIалэжь – 1) парняга (с оттенком одобрения); 2) парняга (с оттенком неприязни): *ТемырболэткIэ еджэу зы щIалэжь гуэр псэурт, лыгьэ ин хэлъу* (Адыгэ IуэрыIуатэ) [СКЧЯ 1999: 794] «Жил один парняга по имени Темирболат, отличавшийся особой доблестью». – *Мыр хэту пIэрэ» жьысIэу зэзгьэцIыхуну си щхьэ теслхьакьым, хьэкIэпычу щIалэжь кьэзыджэдыхьу щыIэм яцыц зыуэ арат сэ зэрысцIэр* (КIыщокьуэ А.) «Я не стал выяснять, кто он: насколько мне было известно, он был одним из тех шатающихся без дела изворотливых парняг».

При этом гипотетически допустима возможность появления неограниченно большого количества случаев энантиосемичных слов и выражений в практике речевого употребления (так называемых адгерентных энантиосемантов), в устной форме диалогической речи, в качестве особого средства экспликации интенций говорящего, особенно с целью выражения иронии, например, при замене положительного коннотативного значения отрицательным:

– *Сыту угубзыгъэ уэ, сызэрелъымкІэ!* «Больно ты **умный**, как я посмотрю!»

– *Іейуэ кыпхуэныкъуэщ ар, щыгугъ!* «Очень ты **нужен** ему, надейся!»

– *ІкъукІэ себгъэхъулІащ! ЗэхэпцІыхъар сэра зэхэзыхыжынур?!* «Как ты меня **осчастливил!** Это я должен разобраться с тем, что ты натворил?!»

Выражение языковой единицей в условиях контекста и с использованием интонационных средств значения, противоположного первичному, зафиксированному в словаре, несет, в первую очередь, стилистическую, экспрессивную нагрузку. Такие случаи представляют собой, скорее, риторические фигуры (антифразис), входящие в сферу интересов стилистики, чем явления лексической семантики. Соответственно, на наш взгляд, в рамках антонимии справедливо рассматривать именно ингерентные энантиосеманты, которые, как указывалось выше, в кабардино-черкесском языке представлены в незначительном количестве.

Таким образом, структурная классификация антонимов, предусматривающая выделение разнокорневых и однокорневых антонимов, являясь в целом универсальной для разных языков, применима и к кабардино-черкесскому языку, но при этом имеет свои особенности. В разряде разнокорневых антонимов вычлняются лексические антонимы и производные антонимы; у первых противопоставленность заключена в самом значении корня и не требует выражения с помощью каких-либо морфологических средств, у вторых – значение противоположности создается с помощью аффиксальных средств. Однокорневые антонимы, по приведенной классификации, представлены производными антонимами, которые подразделяются на лексико-грамматические антонимы и эвфемизмы, и энантиосемантами.

Источники и литература

1. *Апажеев М.Л.* Лексическая семасиология кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским: учеб. пос. Нальчик, 2004. 153 с.
2. *Апресян Ю.Д.* Лексические антонимы и преобразования с ними // Проблемы структурной лингвистики 1972. М.: Наука, 1973. С. 326–348.
3. *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка (The English Word). М.: Высшая школа, 1986. 295 с.
4. *Бижоев Б.Ч., Токмакова М.Х.* Полевой подход в изучении эмотивной лексики кабардино-черкесского языка // Успехи современной науки и образования 2016. № 12. Т. 6. С. 145–148.
5. *Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М.* Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.
6. *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.* Антонимические отношения в кабардино-черкесском языке: опыт семантической классификации // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 136–142.
7. *КЧЯ* – Кабардино – черкесский язык. В 2-х томах. Т. 1. Нальчик, 2006. 550 с.
8. *Миллер Е.Н.* Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. 222 с.
9. *Новиков Л.А.* Антонимия и словари антонимов // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под. ред. Л.А. Новикова. М., 1978. С. 5–28.
10. *СКЧЯ* – Словарь кабардино-черкесского языка. М., 1999. 854 с.
11. *Токмакова М.Х.* Эмотивная лексика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 2017. 274 с.

12. *Шагиров А.К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962. 212 с.
13. *Шериева Н.Г.* Выражение отрицания в кабардино-черкесском языке. Нальчик, 2014.
14. *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: АН СССР, 1948. 372 с.
15. *Devlin J.A.* Dictionary of Synonyms and Antonyms. N.Y., 1987. 384 p.
16. *Murphy L.M.* Semantic Relations and the Lexicon: Antonymy, Synonymy and Other Paradigms. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 292 p.

CHARACTERISTICS OF THE STRUCTURAL CLASSIFICATION OF ANTONYMS IN THE KABARDIAN-CIRKASSIAN LANGUAGE

Kumykova Dina Mukharbievna, Candidate of Philology, Ass. Professor, Academic secretary of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dina07-09@mail.ru

Kumykova (Guchapsheva) Elina Tuganovna, Candidate of Philology, Ass. Professor, Foreign Languages Department of Kabardino-Balkarian State University, etkumykova@mail.ru

The article is devoted to the analysis of antonyms in the Kabardian-Circassian language from the point of view of their structural nature. The article reveals that the structural classification of antonyms that presuppose the allocation of multi-root and single-root antonyms being generally universal for different languages is applicable to the Kabardian-Circassian language, meanwhile possessing its own peculiar characteristics. The classification distinguishing between lexical and derivative antonyms within the category of multi-root antonyms has been proposed; the opposition in the first class is enclosed in the very meaning of the root and does not require being expressed by any morphological means; the second class creates the opposing meaning with the help of affixes. Single-root antonyms are represented by derivative antonyms, subdivided into lexico-grammatical antonyms and euphemisms, and enantiosements. Some aspects of the reflected antonymy and enantiosemy have also been investigated, demonstrating, among other things, the semantic asymmetry of the antonyms of the Kabardian-Circassian language.

Keywords: Kabardian-Circassian language, antonyms, structural classification, single-root antonyms, multi-root antonyms, derivative antonyms, enantiosements.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-82-89

АДЫГЭБЗЭМ И ЛЭЖЬЫГЭЭЦЭ ПСАЛЪЭЭЦЭ ИЭМАЛХЭР

Шэру Нинэ Гумар ипху, филологие шлэныгэхэмклэ кандидат, Гуманитар кьэхутэныгэхэмклэ институтым – Федеральнэ кьэрал бюджет шлэныгэ Иүэхушлалэ «Урысейм шлэныгэхэмклэ и академием и Кьэбэрдей-Балькьэр шлэныгэ центр» «Федеральнэ шлэныгэ центрим» и филиалым адыгэбзэ секторым и шлэныгэ лэжыаклуэ нэхьыжь, nina.sherieva@mail.ru

Мы статьям кыгьэлэгьгуэну и кьалэнш, япэрауэ, адыгэбзэм и лэжыгээцлэ псалъэцлэ Иэмалхэр; етIуанэрауэ, льябжыэгьгусэхэм псалъэ ухуэным щаубыд увыпIэр. Ди кьэхутэныгэм кьызэригьэлъягьгуэмклэ, иджырей адыгэбзэм лэжыгээцлэхэр кьрагьэхьуу кьышагьэсэбэп льябжэпэхэр, льябжэужьхэр, льябжэгьгусэхэр (лябжэпэ-лябжэужьхэр), псалъэзэхьхэр. Бзэм и ухуэкIэр зэхэтхун мурадкIэ кьыхьдогьэшхьхуэклэ нэхьыбэрэ кьагьэсэбэп лэжыгээцлэ псалъэпкьышIэ моделхэмрэ Иэмалхэмрэ. Псалъэпкьым пыувэ льябжыэгьгусэхэм зэкIэлъыкIуэкIэ пыухькIа ялэц. Лэжыгьгэм кьызэригьэлъягьгуэмклэ, лэжыгээцлэ псалъэпкьышIэ льябжэужьхэм морфемэ зэкIэлъыкIуэкIэ гьэпсыкIипIэ, лэжыгээцлэ псалъэпкьышIэ льябжэпэхэм морфемэ зэкIэлъыкIуэкIэ гьэпсыкIибл хьбогьуатэ.

Шхьэхуэу кьыхэгьэщыпхьэщ мы статьям япэ дыдэу бзэцлэныгэхэмклэ доктор БицIо Б. Ч. зэхильхьа адыгэбзэ бзэцлэныгэ фIэщыгээцлэхэр кьызэрыдгьэсэбэпэр.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, льябжэпэ, льябжэужь, льябжэгьгусэ, псалъэцлэ, лэжыгээцлэ.

Лэжыгээцлэм, адреи псалъэ льяпкьыгьгуэхэм елгытауэ, псалъэпкьышIэ Иэмал нэхьыбэ иIэу бзэм хьболъягьгуэ. Ахэр кьытохьуэклэ цIэхэм, кьытемыкIа лэжыгээцлэ псалъэпкьхэм, зи щхьэ хушчымыт псалъэ льябжээхэм льябжэгьгусэхэр (лябжэпэ, льябжэужь е тIури зэгьгусэу) пыувэкIэрэ, объектым е субъектым я щхьэ, псалъэцлэ преверб зэмьпIэужьыгьгуэхэр хэувэкIэрэ, псалъэпкьэ зэхьхьэкIэрэ, н. [Шагириов 2004: 159].

Адыгэбзэхэм лэжыгээцлэ кьызэрышхьхьу шIыкIэхэр джыным нэхь куууэ телэжыыхьэхэм яшчышIэ Яковлев Н.Ф., Кьумахуэ М.А., Шагьыр I. Кь., Урыс Хь.Ш., Дзыгьуанэ Р.Хь. [Яковлев 1938; Кумахов 1971; Урыс 2000: 122–130; Дзуганова 2005; Шагириов 2004: 159–172], нэгьгуэшIэхэри.

Адыгэбзэ лэжыгээцлэм мыпхуэдэ псалъэцлэ Иэмалхэр иIэш:

а) льябжэпэкIэ, псалъэм папшIэ: *с-о-гьа-кIуэ (кIуэ-н); ху-з-о-тх (тхы-н); ды-з-о-хь (хьы-н); с-ху-о-цI (цIы-н); сы-т-о-плгэ (плгэ-н); сы-хэ-с-ц (сы-р лэжыгээцлэ цысын-м и псалъэпкьышIэ); мэ-у-фIыцI (фIыцIэ).*

Льябжэгьгусэклэ лэжыгээцлэ псалъэ кьызэрыхьу лIэужьыгьгуэхэм яшчышIэ льябжэпэ псалъэцлэ Иэмалыр нэхь пасэрейш, икIи абыкIэ нэхь псалъэ нэхьыбэ кьохьу. Лэжыгээцлэ кьэзыгьэхьу льябжэпэхэм я мыхьэнэр псалъэпкьышIэ кьалэнымкIэ зэфIэкIыркьым – ахэр кьыгуэхьшIэ имьIэу епхашIэ граматикэ категорэхэм, псом хуэмыдэу щхьэ, льэлэс-лэмыIэс категорэхэм. Псалъэцлэ, граматикэ категорэ кьалэнхэр зэдэзыгьэзашIэ кьэхуныгьэхэм (хуэгьгуэш, зыхуэгьгэза, нэгьгуэшIэ льябжэпэхэм) синкретикэ зэхэлъыкIэ ялэц;

б) льябжэужькIэ, псалъэм папшIэ: *у-о-лъя-тэ (лъятэ-н); у-о-плгэ-кI (плгэ-н); у-о-пэгэ-кI (пэгэ); у-о-шэ-ж (шэ-н); у-о-цIы-ф (цIы-н); у-о-джа-цэ (е-джэ-н); у-о-шхэ-лүэ / у-о-шхэ-кьуэ (шхэ-н); у-о-хьы-пэ (хьы-н).*

Лэжыгъэцилэ и лъабжъэужь псалъэцилэ Iэмалым, лъабжъэпэ псалъэпкъыщIхэм елытауэ, зэрызиужьар нэхъ мащIэуш. Абы и щхъэусыгъуэр псалъэпкъыщI лъабжъэужьхэр нэхъ иужьыIуэжIэ кызырыхуарщ. Абыхэм ящыщ языныкыуэхэр, псалъэм папщIэ, *-лIэ, -кIэ-хэр*, я мыхъэнэжIэ мыблагъэ объектум епхаш (елыт: *е-кIуэ-лIэ-н, е-плъэ-кIы-н*); мыблагъэ объект къэзыгъэлыгагъуэ *е-* лъабжъэпэр лэжыгъэцилэ псалъэпкъым хыхъэркъым (елыт: *е-с-хъэ-лIа-и, уэ-с-хъэ-лIа-и, е-с-иIэ-кI-а-и, фэ-с-иIэ-кI-а-и*);

в) зэхэлъхъэныгъэкIэ, нэгъуэщIу жыпIэмэ, лъабжъэпи лъабжъэужьы зэуэ псалъэпкъым пыувэныгъэкIэ. Апхуэдэ щIыкIэкIэ лэжыгъэр *е* хъеиныгъэр здэгъэза лъэныкыуэр къэзыгъэлыгагъуэ лэжыгъэцилэ псалъэхэр къохуэ. Псалъэм папщIэ, *сы-до-кIуэ-й (сидоклуйей), у-до-лъэ-й (удолъей), ды-ре-хъэ-й (дырехъей), ды-до-иIэ-й (дыдоиIей), кыы-з-о-уэ-кI (кыызоуэжI)*;

г) псалъэпкъ зэхыхъэкIэрэ, псалъэм папщIэ: *д-о-плъы-х (е-плъы-н, е-хы-н; елыт: кIахэ ы-хэ «зыгуэрым и лъабжъэ»)*, *и-д-о-дзы-х (дзы-н, е-хы-н), д-о-жа-жъэ (жэ-н, е-жъэ-н), и-д-о-хъэ-жъэ (хы-н, е-жъэ-н), е-лъэдэкъэ-уэ-н (лъэдакъэ, уэ-н), со-гу-фIэ (гу, фIы)*.

Псалъэпкъзэхыхъэ Iэмалым и закъуэжIэ лэжыгъэцилэ псалъэпкъ куэд къэхуркъым.

Нэхыбэрэ лэжыгъэцилэ псалъэпкъ зэхэлтым и еIуанэ лъабжъэ пкъыгъуэу къагIуэхэр: *хы (е-хы-н), жъэ (е-жъэ-н), уэ (е-уэ-н)*. *Хы* лъабжъэр инэхыбэрэ лэжыгъэцилэрщ, нэхъ мащIэрэ цIэрщ зи гъусэр, псалъэм папщIэ: *е-жэ-хы-н, е-лъэхъшэ-хы-н*. *Жъэ* лъабжъэм, зэрыхабзэу, лэжыгъэцилэ псалъэпкъхэм ядэщIыгъуу псалъэпкъ зэхэлъ къегъэхуэ: *е-лъэфэ-жъэ-н, е-ху-жъэ-н*. *Уэ* лъабжъэр нэхыбэм цIэ псалъэпкъхэрщ зыпыувэр: *е-ицхъэфэ-уэ-н, е-лъэбышэ-уэ-н*.

-Хы, -жъэ морфемэхэр нэхъапэм щхьитI лэжыгъэцилэ лъэмыIэсхэм я псалъэпкъыу шыташ, ауэ иджы ахэр зыхэт лэжыгъэцилэхэр кызырэрышщыхур щхъэзакъуэ лэжыгъэцилэ лъэмыIэсуш, псалъэухам лъабжъэпэ *е-р* зей и пкъыгъуэр зэрыдэхум кыыхэкIэ (елыт: *ар джабэм е-х-а-и – ар е-х-а-и; ар гъуэгуанэм е-жъэ-а-и – ар е-жъэ-а-и*). *-Хы, -жъэ* морфемэхэр щхьитI лэжыгъэцилэ лъэмыIэсхэм я псалъэпкъыу шыткIэрэ сыт щыгъуи мыблагъэ объектум и лъабжъэпэ *е-м* епхаш. Лъабжъэпэ *е-м* пыщIа псалъэпкъхэр куэд мэхуэ. Абыхэм ящыщ щхьитI лэжыгъэцилэ лъэмыIэсхэр: *е-фэ-н, е-жъэ-н, е-цэ-н, е-къу-н, е-сы-н, е-гийы-н, е-бэ-н, н*.

Зэпымыуэ лъабжъэпэ *е-м* епха щхьитI лэжыгъэцилэ лъэмыIэсхэм емыщхуэ, псалъэпкъ *уэ, лъэ-хэр* къагъэсэбэп щхъэзакъуэ, щхьитI лэжыгъэцилэ лъэмыIэсхэм я псалъэпкъыу (елыт: *ар ма-уэ, ар ма-лъэ, ар йо-лъэ*);

д) конверсиекIэ, нэгъуэщIу жыпIэмэ лэжыгъэцилэ парадигматикэ щIыкIэкIэ къэхуэныгъэ. Мы псалъэпкъ щIыкIэр зищIысыр псалъэпкъ хъэзырыр лэжыгъэцилэ и псалъэхуэужым (парадигмэм) псалъэцилэ морфемэ гуэри кыпымыувэу хэувэнырщ. *Щабэ* псалъэпкъыр зэрыщыту парадигмэ щыз лэжыгъэцилэ хъейхэм я парадигмэ щызым зэрыхыхъэфынур псалъэцилэ лъабжъэгъусэ хэхахэр дэщIыгъууш (*со-гъэ-щабэ*). Ауэ *пхъауцIэ* псалъэпкъыр (*пхъэ + иIэ-н*) лэжыгъэцилэ и парадигмэм псалъэпкъыщI лъабжъэгъусэ хэмыту хыхъэфынуш (*с-о-пхъауцIэ*). КонверсиекIэ зэхуэпх хуэ псалъэхэр зэрыщыIэм кыыхэкIэ, Iэмал имыIэу зэхэгъэкIын хуейщ псалъэпкъыщIымрэ псалъэщIымрэ. Щапхъэ къэхьам хыболъагъуэ *со-пхъауцIэ* лэжыгъэцилэр конверсие IэмалкIэ кызырыхуар, ауэ а лэжыгъэцилэ и псалъэпкъыр псалъэзэхыхъэкIэш къэгъэщIа зэрыхуар. Хуиту цIэми лэжыгъэцилэми я парадигмэм хыхъэ *пхъауцIэ* псалъэпкъыр иджыреибзэм кызырэрышщытапхъэр а тIуми я зэхуэдэуш, ауэ абы япэщIыкIэ иIар цIэ мыхъэнэщ, лэжыгъэцилэ мыхъэнэр нэхъ иужькIэш щигъуэтар;

е) зи щхъэ хушцт лэжыгъэцилэ псалъэпкъхэр (кыгетщIыкIахэри кыгетмыщIыкIахэри) псалъэпкъ зэпыухэм ящыщ Iыхъэу хэувэныгъэ – преверб + *хъэ*, преверб + *кIы*, преверб + *сы*, преверб + *хы*; псалъэм папщIэ, *дэ-тIыс-хъэ-н* «зыщIыпIэ дыхъэу зыгуэрым я кум шытIысын» (елыт: *дэ-хъэ-н*, «зыгуэрым я зэхуаку щыс шытIыкIэр убыдын», *тIысы-н*); *и-иц-хъэ-н* «зыгуэрым и кIуэщIым пшыурэ

ихээн» (елыгт: *и-хьэ-н* «зыгуэрэм и кIуэцIым ибэкIуэн», *пIцы-н* «ущылыу, IэпкIыльэпкI псомкIи узыдIэпыкIужурэ кIуэтэн»); *дэ-йу-кIы-н* «макI гуэр зыщIыпIэ дэкIыу Iун» (елыгт: *дэ-кIы-н* «зэхуаку гуэркIэ зыгуэр кыызэбнэкIыу гIуэгуанэ кIун», *кьэ-йу-н* «зыщIыпIэкIэ кыкIыу кыызэхэын (макIхэр)»; *хэ-пIыи-кIы-н* «зыгуэрхэм нэх кIыху пIийуэ кIахэщын» (елыгт: *хэ-кIы-н* «узыхэта, узыхэса, узыхэла гуэр кьэбгынэн», *пIыи-н* «зыгуэрэм кыхэщу, кыгешу, кыкIуэщу шияуэ щытын»); *нэ-хьэ-сы-н* «зыщIыпIэ нэс хын» (елыгт: *нэ-сы-н* «кIуэуэрэ, кIуатгурэ зыщIыпIэ кышыхутэн, кышынэIуэн», *хьы-н* «IэкIэ пIыгыу е птелуу зыгуэр зыщIыпIэкIэ гIэIэпхуэн»); *дэ-шэ-хы-н* (елыгт: *дэ-хы-н* «зыгуэрэм кIэлыщIыхьэу блэкIын, щхьэпрыкIын», *шэ-н* «дэщIыгыу, и гIусэу дэкIуэм нэгIэсын»).

ПсалъэпкI зэпыухэм лIабжьэ морфемэ пэлыгтэу кыщокIуэ зи щхьэ хушымыт псалъэпкI *-хь(э)*, *-кI(э)*, *-с(ы)*, *-х(ы)*-хэр. ПыщIа зыдэхухэмкIэ морфемэ *-хь(э)*, *-кI(ы)*-хэм «кIуэн» мыхьэнэ кьагIэлабгIуэ. *-Хьэ* морфемэм хьэпшыным (предметым) хуэгIэза IуэхугIуэ кьегIэлабгIуэ, абы пэщIэуэу хьэпшыным (предметым) кыбгIэдэкI IуэхугIуэ кьегIэлабгIуэ *-кI(ы)* морфемэм. *-Хьэ(э)*, *-кI(ы)* морфемэхэр щIыпIэ преверб псоми япыщIа мэху, зэпыу псалъэпкI куэд кьагIэхууэрэ: *хэ-хьэ-н*, *хэ-кIы-н*, *гуэ-хьэ-н*, *гуэ-кIы-н*, *дэ-кIы-н*. Иужрейхэм яхэхэ лэжыгыэцIэ лIэIэсхэми лIэмыIэсхэми я псалъэпкIхэр, елыгт: *хэ-ды-хьы-н* (*ды-н*), *те-у-фIеи-хьы-н* (*уфIеи-н*), *дэ-пIыи-хьы-н* (*пIыэ-н*).

Хьэ-, *кIы-*хэм емыщху, *сы-*, *хы-* морфемэхэр пыщIа зыхуэхур лIабжьэпэ языныкIуэхэрщ, абы кыхэкIыуи псалъэ кьэгIэщIынымкIэ я зэфIэкIыр нэх мащIэщ. Кьапщтэмэ, лIабжьэ морфемэ *сы-*м лIабжьэгIусэ *нэ-*, *кьэ-*, *зэхуэ-*хэр дэщIыгыу псалъэпкI зэпыухэр кьагIэху, лIабжьэ морфемэ *хы-*м – *дэщхьэдэ-*р дэщIыгыу (елыгт: *нэ-сы-н*, *кьэ-сы-н*, *зэхуэ-сы-н*, *дэ-хы-н*).

«ЛIабжьэпэ + *сы*» псалъэпкI зэпыухэм я зэхуаку дагIуэуэр зекIуэныгIэ кьэзыгIэлабгIуэ лэжыгыэцIэ лIэIэсхэм я псалъэпкIхэрщ: *зэхуэ-хьэ-сы-н*, *зэхуэ-ды-сы-н*, *зэхуэ-лIэфэ-сы-н*, *зэхуэ-тхьу-сы-н*, *зэхуэ-ху-сы-н*. *Зэхуэ-* лIабжьэпэм фонетикэ IукIэ лIэужыгыуэу *зыхуэ-* иIэщ: *зыхуэ-ды-сы-н*, н.

ПсалъэпкI *дэ...хы-*р пыщIа зыхуэхур хьейныгIэ кьэзыгIэлабгIуэ лэжыгыэцIэхэм я псалъэпкI закьуэтIакьуэщ. ИщхьэкIэ кышыкIуа *шэ-н*, *жэ-н* хэм нэмыщI, абыхэм хохэ *хьы-н*, *ху-н*, *ды-н*-хэр, нэгIуэщI лэжыгыэцIэ псалъэпкIхэр (елыгт: *дэ-хьэ-хы-н*, *дэ-ху-хы-н*).

Нэхьыбэ кызэрыху псалъэпкI *цхьэдэ...хы-*р лэжыгыэцIэ лIэIэсхэми лIэмыIэсхэми я псалъэпкIхэм пыщIа мэху (елыгт: *цхьэдэ-хы-н* «зыгуэрэм зэпрыкIын, икIын», *цхьэдэ-хьэ-хы-н* «зыгуэр зыгуэрэм зэпрыхын», *цхьэдэ-лIэфэ-хы-н* «(нэгIуэщIыпIэ) зыгуэр пIьэфурэ щхьэпрыгIэпхьукIын», *цхьэдэ-шэ-хы-н* «зыгуэрэм щхьэпрышын», *цхьэдэ-ху-хы-н* «зыгуэр пхуурэ лIагапIэ гуэрэм щхьэдэгIэхын», *цхьэдэ-пкIы-хы-н* «зыгуэрэм зэпрылIын, зэпрыпкIын, щхьэпрылIын, щхьэпрыпкIын, елIэн», *цхьэдэ-пIыи-хы-н* «упшурэ лIагапIэ гуэрэм щхьэпрыкIын»).

ЛIабжьэ морфемэ *хьэ-*, *кIы-*, *сы-*, *хы-*хэм превербхэм дэщIыгыуу кьагIэхур лэжыгыэцIэ лIэIэсхэм я псалъэпкI кьудейхэрщ. Ауэ лэжыгыэцIэ лIэIэсхэм я псалъэпкIыр псалъэпкI зэпыухэм хэувэкIэрэ кьэху лэжыгыэцIэхэм лIэIэс мыхьэнэ ягIуэт, псалъэм папщIэ: *абы т-ри-цIы-хьа-ц* «абы зыгуэрэм и щIыIум, и щыгум зыгуэр щихуащ, щидлащ», *абы х-е-ды-кI* «абы щэкIхэкI с.ху. и щIыIум кытридзэу Iуданэрэ мастэкIэ тхьпхьэщIыпхьэ хещIыхь», *абы зэху-е-лIэфэ-с* «абы илIэфурэ зыгуэр зэхуехьэс», *абы и Iэр ди-шии-кIа-ц* «абы и Iэр зыщIыпIэ дэпIикIыу ишиящ».

Аращи, хэгIэхьэныгIэ IэмалкIэ кьэхуа псалъэпкI кыгешIыкIахэр мы кьэкIуэну лIэужыгыуишIым тебгуашэ мэху:

- Преверб + псалъэпкI + *хьэ*
- Преверб + псалъэпкI + *кIы*
- Преверб + псалъэпкI + *сы*
- Преверб + псалъэпкI + *хы*

«Преверб + псалъэпкъ + *кIы*», «преверб + псалъэпкъ + *хьэ*» моделхэр зэпкърылэжыкIри зэмыхьэнэгъу гуэгъухэр ялэ хьуаш, еплъ: *дэ-плъы-кIы-н // дэ-плъы-н, дэ-плъы-хьы-н // дэ-плъэ-н, дэ-шшш-кIы-н // дэ-шше-н, дэ-лэбы-кIы-н // дэ-лэбэ-н*. Псалъэпкъ гуэгъухэр *хьэ*-, *кIы*- морфемэхэм я мыхьэнэр зэрафIэкIуэдам ипкъ иткIэ къэхьуаш. *Хьэ*-, *кIэ*-хэм я къалэныр ягъэзащIэ мэхьу макъзешэ *ы/э*-хэм я макъзэблэхьум. Ауэ мы моделищIэм къызэщIиубыдэркъым хэгъэхьэныгъэкIэ къэхьуа къытешIыкIа псалъэпкъ псори (елъыт: *кыи-цхьэдэ-дзы-хы-н // кыи-цхьэдэ-дэ-дзы-н, кыи-цхьэдэ-лээфэ-хы-н // кыи-цхьэдэ-лээфы-н*, ауэ *кыи-цхьэдэ-бэкъу-хы-н, кыи-ц-хьэ-дэукIуриэ-хы-н*).

Псалъэм къыдэкIуэу жылапхьэщ превербхэм я мыхьэнэкIэ зэгуэгъухэр мымащIэу зэрыхэтыр. Абыхэм къагъэхьу лэжыгъэцилэхэри зэмыхьэнэгъухэщ. Апхуэдэ моделхэм я нэрылгагъу нэцэнэ къытешIыкIа лэжыгъэцилэхэм яхуэхьур зэмыхьэнэгъу лъабжьэгъусэхэм гъунапкъэ зэхэщIыкIыгъуэ зэрамылэщ, абы къешэ зэмыхьэнэгъу сатырхэр къэунэхуныр [Дзуганова, Бижоев 2015: 203];

ж) фонетикэ ГэмалкIэ, нэгъуэщIу жыплэмэ псалъэпкъым и макъзешэ макъзэблэхьу къэхьукIэкIэ. Мы лэжыгъэцилэ псалъэпкъыщI Гэмалым и Iуэху зытетыр мыращ. Лэжыгъэцилэм и псалъэпкъыр макъзешэ э-кIэ иухмэ, абы превербым дэщIыгъуу предметым хуэгъэза лэжыгъэр егъэбеджылы. Абы щыгъуэ превербым увышIэ пыухыкIа къегъэлгагъуэ (и кIуэщIым, и цхьэкIэ, и бгъумкIэ), псалъэм папщIэ: *шэ-н, и-шэ-н, те-шэ-н*. Iуэхугъуэм и пэщIэуэ унэтIыныгъэр къэгъэнэIуа мэхьу псалъэпкъым макъзешэ *э/ы*-хэм я макъзэблэхьум и фIыгъэкIэ (зэлъыт: *и-шэ-н, и-шэ-н*).

Лэжыгъэцилэм и псалъэпкъыр макъзешэ *ы*-кIэ иухмэ, превербым и гъусэу абы предметым бгъэдэкI лэжыгъэ къегъэлгагъуэ, елъыт: *дзы-н, и-дзы-н, те-дзы-н*. Лэжыгъэм и пэщIэуэ унэтIыныгъэр къэгъэнэIуа мэхьу псалъэпкъым макъзешэ *ы/э*-хэм я макъзэблэхьумкIэ (зэлъыт: *и-дзэ-н, и-дзы-н*).

КъызэщIэткъуэжмэ, э-кIэ иух псалъэпкъым предметым хуэгъэза лэжыгъэ, *ы*-кIэ иух псалъэпкъым предметым къыбгъэдэкI лэжыгъэ къагъэлгагъуэ. БлэкIа зэманым деж зи гугъу тцIа фонетикэ жыпхьэхэм я зэпэщIэуэныгъэм къыгъэлгагъуэ лэжыгъэ унэтIыныгъэ зэмыщхьхэр гъэкIуэда мэхьу макъзешэ э, *ы*-хэр *а*-м, блэкIа зэманым и лъабжьэгъусэм, и пэ иту къыщыкIуэм деж, абы зэрызыщIишэм къыхэкIы. Абы кърокIуэ блэкIа зэманым и макъыншэ гъэпсыкIэ закъуэм контекст зэхуэмыдэхэм зэпэщIэуэ мыхьэнэхэр щалэныр, елъыт: *цIэ-с-и-ац* «сэ ар абы щIэсшаш», «сэ ар абы къыщIэсшаш».

Зэрытлгагъуши, лэжыгъэцилэм и псалъэпкъым макъзешэ э, *ы*-хэм шагъэзащIэ къалэныр ещхьщ псалъэпэ-зэхэлъ ГэмалкIэ къэхьуа лэжыгъэцилэ псалъэпкъхэм къызэрыкIуэ псалъэпкъ -*хь(э)*-, *-кI(ы)*-хэм шагъэзащIэм. Мыр гъэпсыкIэщIэщ. Абы щыхьэт тохьуэ зэпэщIэуэ унэтIыныгъэхэр морфологие ГэмалхэмкIэ фIэкIа къыщымыгъэлэгъуа *хэ-тIы-кIы-н, хэ-тIы-хьы-н* псалъэпкъхэм къадэкIуэу *хэ-у-н, хэ-у-кIы-н, хэ-уэ-н, хэ-у-хьы-н*-хэм хуэдэ псалъэпкъхэри зэрыщыIэр.

Лэжыгъэцилэм и ухуэкIэм нэсу уетхыхьын папщIэ, псалъэпкъым и псалъэщI лъабжьэгъусэхэм яубыд увышIэхэр, ахэр зэрызэкIэлъыкIуэр зэхэгъэкIын хуейщ. Морфемэхэр зыр адрейм зэремышхьым гугъу къешI ахэр зэрызэхуэвэнкIэ хьуну лIэужыгъуэ псори зэхуныр. Ауэ морфемэ зыкъом щыIэщ гъусэ зыхуэхьухэмкIэ зэщхьу е зэпэгъунэгъууи, мис ахэр гуп пыухыкIахэу пхуогуэщ.

ПсалъэпкъыщI лъабжьэгъусэхэм, псалъэхьуэж лъабжьэгъусэхэми хуэдэу, зэкIэлъыкIуэкIэ ткIий яIэщ. ПсалъэщI лъабжьэгъусэхэмрэ лъабжьэ морфемэхэмрэ зэмылIэужыгъуэ куэдэ зэхуэвэ пэгми, апхуэдэ лъабжьэгъусэхэр нэгъуэщI лъабжьэгъусэхэм убгъуауэ япыщIа хьуркъым. Лэжыгъэцилэ псалъэпкъым хыхьэ морфемэхэм я зэпыщIэныгъэхэр мащIэ зыщIхэм а лэжыгъэцилэ псалъэпкъым и зэхэлъыкIэр къагъэхьу. Лэжыгъэцилэ псалъэпкъ къыщагъэхьум деж, дэтхэнэ лъабжьэпэ е лъабжьэужь гупми цхьэхуэу яIэщ езым я зэкIэлъыкIэ пыухыкIа.

Зы жыпхьэм ит лъабжьэгъусэхэр зы псалъэпкъым щызэхуэзэркъым. Псалъэм апхуэдэ морфемитI щызэрихьэлIэмэ, абы къыкIыр бзэм и иджырей щытыкIэмкIэ а тIур зуэуэ зэхыхьауэ аращ, этимологиекIэ убгъэдыхьэмэ, ар морфемэ

кыгетешыкылауэ щытми. Къапштэмэ, хэ(ы)-, флэ- (хэ-чы-н, флэ-чы-н) щыпнэ морфемэ зэщхьэм зы морфемэ къагъэхьу: хы-флэ- (хыфлэ-дзэ-н). Мыбдеж морфемэр кызырэыхагъэкI дистрибуцэ пщальэхэм щыгыгуа мэхьу псалъэщI пщальэри: флэдзэн, хыфлэдзэн псалъэхэм щхьэкIэ жыпнэ хьунукьым флэдзэн-р къежыапнэу, хыфлэ-дзэн-р абы кыгетехьукылауэ.

Я гукIэки, я къежыэкIэки зэщхь морфемэ элементхэр ухуэкIэ зэмышхьхэм хыхьэмэ, ахэр иджырейбзэм зэмышхь щыхьуауэ аращ. Къапштэмэ, гьэ-къэбзэ-н – е-гьэ-гьэ-къэбзэ-н псалъэхэр зэпэбгъэувмэ, иджырейбзэмкIэ е-гьэ-гьэ-къэбзэ-н псалъэм кыхэбгъэкI мэхьу хуэгъэушым и лъабжьэпэ гьэ-мрэ фактитивым и лъабжьэпэ гьэ-мрэ (елыт: къабзэ – гьэ-къэбзэ-н).

ЛэжыгъэцIэ псалъэпкъыщI лъабжьэпэхэм морфемэ зэкIэлтыхьыкIэм увыпнэ хэха щызылыгъ гъэпсыкIэ гупибл къагъэхьу [КЧЯ 2006: 243].

Япэ гъэпсыкIэ – цIэ псалъэпкъхэм лэжыгъэцIэ къазэрытехьукI фактитив лъабжьэпэ у-, гьэ-хэр. Мыхэр сыт щыгъуи псалъэпкъ кызытекIым и пэ иту къокIуэ (елыт: у-цэбы-н, гьэ-хуэбэ-н).

ЕтIуанэ гъэпсыкIэ – япэ гъэпсыкIэм и лъабжьэпэм е, ар щыхэмытым, псалъэпкъ кызытекIым и пэ кыхуэу къакIуэ хуэгъэушым и лъабжьэпэ гьэ- (елыт: е-гьэ-у-цэбы-н, е-гьэ-гьэ-хуэбэ-н, гьэ-кIуэ-н). ЗэрыгIагъуши, къэхуфынуш мышхуэдэ модель лIэужыгъуэ: «хуэгъэуш лъабжьэпэ + лъабжьэ морфемэ Iэпхуэ». Ауэ къэхьункIэ Iэмал зимыIэщ мышхуэдэ модель: «хуэгъэуш лъабжьэпэ гьэ- + мыIэпхуэ псалъэпкъ епха». Хуэгъэуш лъабжьэпэр мыIэпхуэ лъабжьэ морфемэхэм щадэщыгъуфынур щыпнэ превербхэм кыщаухьуреихьым дежщ. Хуэгъэуш лъабжьэпэ гьэ-р хохьэ «зызымыубгъу преверб + псалъэпкъ мыIэпхуэ»-м хуэдэ псалъэпкъым. НэгъуэщIу жыпнэмэ, лъабжьэ морфемэ мыIэпхуэхэм цагъусэм деж хуэгъэуш лъабжьэпэ гьэ-р япыщIащ кыкIэлтыкIуэ ещанэ гъэпсыкIэр къэзыгъэхьу щыпнэ превербхэм.

Ещанэ гъэпсыкIэ – япэ, етIуанэ гъэпсыкIэхэм и морфемэхэм е, апхуэдэхэр хэмытмэ, псалъэпкъ кызытекIым и пэ иту къакIуэ лъабжьэпэхэр. Ещанэ гъэпсыкIэм хохьэ зи бжыгъэкIэ нэхьыбэ дьдэ псалъэпкъыщI лъабжьэпэ гупыр – щыпнэ превербхэр (елыт: и-гьэ-хьэ-н «и кIуэцIым (и-) лъэщыгъэкIэ (гьэ-) гъэкIуэн (хьэ-н)»; и-хьэ-н, и-гьэ-ты-н, и-ты-н, блэ-гьэ-кIы-н).

ЕплIанэ гъэпсыкIэ – ищхьэкIэ кыщыхьа гъэпсыкIэ морфемэхэм е псалъэпкъ хуитым и пэ иту къакIуэ лъабжьэпэхэр. Мы гъэпсыкIэм хохьэ зэпыщIэныгъэм, зэщыгъуныгъэм, язэхуэдэныгъэм я лъабжьэпэхэр, псалъэм папщIэ: дэ-гьэ-кIуэ-н «зыгуэрим и гьусэу (дэ-) залымыгъэкIэ (гьэ-) гъэкIуэн (кIуэ-н)»; дэ-кIуэ-н. ЕплIанэ гупым хыхьэ лъабжьэпэхэр мыхуит лъабжьэ морфемэхэм занщIэу япыувэнкIэ хьунукьым, превербхэм я гьусэу фIэкиа кызырэмыкIуэм кыхэкIкIэ.

Етхуанэ гъэпсыкIэ – зыхуэгъэза лъабжьэпэ хуэ- «зыгуэрим папщIэ», флэ- «зыгуэрим и нэхейкIэ», Iуэхугъуэм и Iэмал къэзыгъэлыагъуэ лъабжьэпэ хуэ-. Мыхэр ипэ къит гъэпсыкIэхэм я лъабжьэпэхэм е, ахэр псалъэм хэмытмэ, зи щхьэ хуыцт лъабжьэ морфемэм и пэ итыфынуш, псалъэм папщIэ: ху-дэ-гьэ-кIуэ-н «зыгуэрим папщIэ (ху-) зыгуэрим дэщIыгъуу (дэ-) хэгъэзыхьын (гьэ-) кIуэну (кIуэ-н)»; хуэ-гьэ-кIуэ-н; хуэ-кIуэ-н; ху-дэ-гьэ-кIуэ-р-къым. Iуэхугъуэм и Iэмал лъабжьэпэр псалъэпкъым и пэ щитыфынур а псалъэпкъыр лъэлэсу кыщыкIуэм дежщ. Абы кыхэкIэ лэжыгъэцIэ псалъэпкъ щIы-н жыхуиIэм и гьусэу хуэ-р кыщагъэсэбэным (елыт: хуэ-щIы-р-къым), ар пыщIа зыхуэхуфынур кIуэн лэжыгъэцIэм и хуэгъэуш гъэпсыкIэ кIуэ-н-ырщ (елыт: хуэ-гьэ-кIуэ-р-къым). ЕплIанэ гъэпсыкIэм и лъабжьэпэхэм ещхь, етхуанэ гъэпсыкIэм и лъабжьэпэхэр мыхуит псалъэпкъхэм я пэ кьивэфынукуым, псалъэм папщIэ: фIы-ды-хэ-гьэ-ты-н «зыгуэрим и нэхейкIэ» (фIы-) зыгуэрим и гьусэу (ды-) зыгуэрим и кIуэцIым (и кум) (хэ-) лъэщыгъэкIэ (гьэ-) щыгъэлэн (ты-н); фIы-хэ-гьэ-ты-н; фIы-хэ-ты-н.

Еханэ гъэпсыкIэ – лъэныкьуэ лъабжьэпэ (преверб) къэ- / кьы-, къа, къ- «мыбыкIэ», нэ- / ны-, на-, н- (абыкIэ), псалъэм папщIэ: кьы-фIы-ды-щIэ-гьэ-кIы-н

«зыщыпнэ кыкыу (кыи-) зыгуэрим флэмыфлу (и нэхейкнэ) (флы-) зыгуэрим и гыусэу (ды-) зыщыпнэ кыкыу (цлэ-) залымыггэклэ (ггэ-) ггэклэуэн (ккыи-н)»; ккыи-цлэ-ггэ-ккыи-н, ккыи-цлэ-ккыи-н. Еханэ ггэпсыкнэ и лэныкыуэ льябжэпэхэр, щыпнэ превербхэм кыщхэщыкыу, мыхуит псалгэпкэ морфемэхэм занщлэу ябггэдзүвэркыым. Льябжэ морфемэ зыбжанэм ар яхузэфлэклэ: -сы (ккэ-сы-н), -нэ (ккэ-нэ-н). Ауэ щыпкыым нэ-нэ-н модель.

Ебланэ ггэпсыкнэ – зыггэзэж лэжыггэцилэхэр кызырэыху зы-, з- льябжэпэхэр, псалгэм папщлэ: зы-ккыи-ху-хэ-дзы-н, зы-ху-хэ-дзы-н, зы-хэ-дзы-н, зы-дзы-н. Зыггэзэж льябжэпэхэри мыхуит псалгэпкэхэм занщлэу япыувэркыым, елыт: зы-ккыи-нэ-н.

Ггэпсыкнэ зэхуэмыдэхэм я морфемитлэ зэхыхэкнэрэ ккэхуа льябжэпггэу-сэ зэхэтхэр зуэ ггэпсыкнэти щыщынущ, нэггэуэщлэ жыпнэмэ ахэр зэрызэхэт лыхэхэм я увыпнэр яубыдынущ. Ккыапщггэмэ, ггэпсыкнэ еплланэмрэ (зэ-) ещанэмрэ (лыи-) я льябжэпэхэр зэхыхэу ккэхуа льябжэпггэуэ зэлыи-р ггэпсыкнэти я увыпнэм иувэнущ.

Лэжыггэцилэ псалгэпкыыщлэ льябжэуужхэм я морфемэ зэкнэлыкнэуэклэ ггэпсыкнэиплэ илэщ [КЧЯ 2006: 145].

Япэ ггэпсыкнэ хохэ псалгэу куэд ккэзымыггэху льябжэуужхэу -тэ, -и, нэггэуэщлэхэри ккызытекнэ псалгэпкыым и ужь иту ккэклэуэхэр, псалгэм папщлэ: ккыуэ-тэ-н.

Етлунэ ггэпсыкнэ ккыаггэху япэ ггэпсыкнэ и льябжэуужхэм я ужь иту ккэклэуэ -лэ, -й(ы) льябжэуужхэм, япэ гупым щыщ хэмытгэ, ахэр ккызытекнэ псалгэпкыым занщлэу ккэклэлыкнэуэ. Морфемэ -лэ-р псалгэпкыым хыххэныр Гэмал имылэу епхаш мыблаггэ объектым, псалгэм папщлэ: е-ккыуэ-тэ-лэ-н. Морфемэ -и(ы)-ри хохэ мыхуитхэм, нэггэуэщлэ жыпнэмэ льябжэпэ д(э)-м дэщыггэуу флэклэ ккыаггэсэбпыркыым, псалгэм папщлэ: дэ-ккыуэ-тэ-и-н, дэ-ккыуэ-и-н.

Ещанэ ггэпсыкнэ – зыггэзэж лэуэхуггэуэ ккэзыггэлъяггэуэ льябжэуужь -жы, псалгэм папщлэ: е-ккыуэ-тэ-лэ-жы-н, ккыуэ-тэ-жы-н, ккыуэ-жы-н.

Еплланэ ггэпсыкнэ хохэ лэуэхуггэуэр екнэлыкнэуэ зэфлэклэ зэрилэр ккэ-зыггэлъяггэуэ льябжэуужь -ф(ы)-р, апхуэдэуи -цэ-, -лэ-, -нэ льябжэуужхэр. Елыт: е-ккыуэ-тэ-лэ-жы-фы-н, е-ккыуэ-тэ-лэ-фы-н, ккыуэ-тэ-фы-н, ккыуэ-фы-н; ккыщынэмыщлэуэ: е-ккыуэ-тэ-лэ-жы-лэ-н, е-ккыуэ-тэ-лэ-жы-нэ-н.

Аращи, лэжыггэцилэ псалгэпкыыщлэ Гэмал зыбжанэ илэщ. Ищхэкнэ зэрыщыжылащи, ахэр цлэхэм, ккытемыкнэ лэжыггэцилэ псалгэпкэхэм ккэтохуекнэ: псалгэщлэ преверб зэмылэуужыггэуэхэр хэувэу (шэ-н, и-шэ-н, те-шэ-н), льябжэпэклэ (мэ-у-флыцл), льябжэуужьклэ (лэжгэ-н), зэхэлххэныггэклэ (лябжэпэ-лябжэуужьклэ) (сы-до-ккыуэ-й), псалгэпкэ зэхыххэу (и-д-о-хгэ-жгэ), конверсиекнэ (со-нхэацлэ), фонетикэ Гэмалкнэ (псалгэпкыым и маккэзешэ маккэзэ-блэху ккэхуекнэклэ: хэ-у-н, хэ-уэ-н).

Абы ккыщынэмыщлэуэ, ди ккэхутэныггэм щыдубзыхуащ лэжыггэцилэ псалгэпкэ ккыщыхуэм льябжэпэ е льябжэуужь дэтхэнэми щхэхуэу езым я зэкнэлыкыкнэ пыухыкнэ зэралэжыр икнэ зы жыпхэм ит льябжэпггэуэсэхэр зы псалгэпкыым щызэрызэхуэмызэр. Абы ккыхэкнэ псалгэпкыыщлэ льябжэпэхэм морфемэ увыпнэ зэкнэлыкыкнэ елытауэ ггэпсыкнэиплэ ккыаггэху, псалгэпкыыщлэ льябжэуужхэм я морфемэ зэкнэлыкнэуэклэ ггэпсыкнэиплэ ккыхыбоггэуатэ.

Теггэщлэпнэ хуа литературэр

1. Дзуганова Р.Х. Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик: Эль-Фа. 2005. 216 с.
2. Дзуганова Р.Х., Бижоев Б.Ч. Синонимия превербов в кабардино-черкесском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 4 (66). С. 201–205.

3. *КЧЯ – Кабардино-черкесский язык*: В 2 т. / Главный редактор М.А. Кумахов. Т. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 550 с.
4. *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 342 с.
5. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэбзэм и тхыдэ. ЫххытІу зэхэлъу. Налшык: Эльбрус, 2000. 360 н.
6. *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Эль-Фа, 2004. 220 с.
7. *Яковлев Н.Ф.* Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Вып. I. Синтаксис и морфология. Ворошиловск: Орджоникидзевское краевое издательство, 1938. 143 с.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Шериева Нина Гумаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), nina.sherieva@mail.ru

Задача данной статьи, во-первых, продемонстрировать способы образования глагольной основы; во-вторых, определить порядок расположения аффиксов при формировании основы слова. Аффиксы, участвующие в производстве глаголов, выстраиваются в строго определенной последовательности. Как видно из статьи, глагольные словообразующие префиксы имеют четыре порядка последовательности, глагольные словообразующие суффиксы образуют семь порядков. Как показывает исследование, в современном кабардино-черкесском языке основными источниками образования основ глагола являются префиксы, суффиксы, совместное участие и тех и других, а также словосложение. Путем анализа обширного языкового материала удалось выявить более или менее продуктивные модели и средства словообразования глаголов, проследить ряд изменений, произошедших в этой сфере в ходе развития языка.

Необходимо отдельно подчеркнуть, что впервые в статье применена система адыгоязычных лингвистических терминов, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, приставка, суффикс, аффикс, словообразование, глагол.

WAYS OF VERBAL WORD FORMATION KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Sherieva Nina Gumarovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), nina.sherieva@mail.ru

The purpose of this article is, first, to demonstrate the ways of forming a verb stem; secondly, to determine the order of the affixes when forming the word stem. The affixes involved in the production of verbs are lined up in a strictly defined sequence. As you can see from the article, the verbal word-forming prefixes have four orders of sequence, the verbal word-forming suffixes form seven orders. As the study shows, in the modern Kabardino-Circassian language, the main sources of the formation of the verb stems are prefixes, suffixes, joint participation of both, as well as word composition. By analyzing the vast linguistic material, it was possible to identify more or less productive models and means of word formation of verbs, to trace a number of changes that have occurred in this area during the development of the language.

It should be emphasized separately that for the first time in the article the system of Adyghe language linguistic terms, developed by the doctor of philological sciences Bizhoyev B.Ch.

Keywords: Kabardino-Circassian language, interrogative form, prefix, suffix, affix word formation, verb.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-90-96

ЮМОР И САТИРА В ТВОРЧЕСТВЕ МУРТАЗА ПАЧЕВА

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alkhass55@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы национальной смеховой культуры и ее влияния на национальную литературу. Подчеркивается, что смеховые жанры являются важным фактором познания духовной жизни народа. Поднимается вопрос истории жанра. Показано, что с древнейших времен и до наших дней юмор и сатира в художественной литературе шли рука об руку и проявлялись в самых различных формах и жанрах – в сказке, басне, сатирической поэме, а также – в комедии, романе, рассказе, эпиграмме, пародии. В работе утверждается, что в культуре адыгов становление и эволюция смеховой культуры, жанра комического начинается ещё с устного народного творчества. Выполнен обзор работ по данной теме. В частности, указывается, что в адыгском фольклоре существуют джегуако – носители традиционной народной – смеховой культуры. Они рассматриваются в рамках взаимосвязи комического с другими жанрами фольклора. Новизна статьи состоит в том, что впервые творчество писателя-сатирика Муртаза Пачева подвергается литературоведческому анализу. Актуальность статьи обусловлена тем, что на важных вопросах современной смеховой культуры кабардино-черкесской литературы на данном этапе не акцентировалось внимание исследователей. В заключении статьи автор приходит к некоторым выводам.

Ключевые слова: смеховая культура, пародии, комический жанр, сатирико-юмористические традиции, национальная литература.

Смеховое пространство кабардинской литературы «...включает в себя две системы ценностей – традицию и новаторство, что свидетельствует о стремлении писателей переосмыслить прошлое для осознания сегодняшней действительности, соединив в своем творчестве лучшие фольклорные и литературные традиции» [1].

Первые письменные сатирико-юмористические произведения, вернее, зачатки юмора и сатиры, стали публиковаться ещё в 20–30-е годы XX в. на страницах газет: «Красная Кабарда», «Адыгэ макъ», «Карахалк» и других.

Без сомнения, на формирование современной национальной прозы и современных сатирических жанров в кабардино-черкесской литературе непосредственное влияние оказала поэтика смеховой культуры прошлого. Это – смеховые «жанры», такие, как народная комедия, сатирические сказки, юмористические рассказы в виде «хабаров», анекдотов и т.д. Следует сказать, что в позднесоветский и постсоветский периоды в кабардино-черкесской литературе развитие смехового жанра оживилось. Появилось немало авторов, которые издали немало произведений в смеховом жанре. Это такие писатели, как Биберд Журтов, Мухамед Кармоков, Сафарби Хахов, Пшизабий Мисостишхов, а также драматургические произведения, комедийные пьесы Бориса Утижева, имеющие выраженный сатирико-юмористический характер. Все сатирико-юмористические пьесы Б. Утижева были поставлены в кабардинском театре им. Али Шогенцукова и приобрели невероятную популярность у зрителя.

В этом ракурсе особо стоит фигура радиожурналиста и писателя-сатирика Муртаза Пачева. Его произведения отличаются тем, что они созданы как радиопередачи: они сначала озвучены в эфире, но затем легли на бумагу и были изданы отдельными книгами [3].

Муртаз Пачев – внук основателя и классика кабардинской письменной поэзии Бекмурзы Пачева. Творчество деда оказало свое благотворное влияние на писателя-сатирика. Им написано 7 сборников юмористических и сатирических рассказов под названием: «Сатирико-юмористические уморы на современную действительность». Из них серия «Пятикнижье» была издана литературно-художественным журналом «Адыгэ Хэку» в 2007 году. Для его пародий, этюдов, зарисовок, анекдотов и коротких рассказов характерен особый, присущий только ему стиль и тонкая ирония. В рассказах «Аукцион», «Попугай-антихрист и психотерапевт», «Побочное действие», «Турецкий базар», «Ошибка аиста», «Бутылкизм», «Загробный налог», «Чертова дюжина», «Донорская кровь», «Санитарная зона», «Американская кровь», «Эрудит», «Суд», «Народный писатель», «В Японии», «Прыжок» и других Муртаз Пачев обличает нравы современного общества, множество человеческих пороков, а его герои подчас узнаваемы.

Эти зарисовки и новеллы – самобытное явление в современной кабардинской литературе. Писатель-сатирик по-своему увидел современную действительность, вывел под яркий свет сатиры целую галерею персонажей.

Его оригинальные комические зарисовки имеют свой неповторимый стиль. Он выступает, прежде всего, обличителем пороков в сатирическо-юмористическом жанре. Например, в зарисовке «Аукцион» раскрываются особенности времени, духовные ценности современного человека, его алчность, стремление к наживе, ограниченность интересов. Рассказ написан в аллегорической форме. Так, собравшимся на аукционе толстосумам вовсе не нужна скрипка Страдивари, за которую на аукционе Сотби, например, дают миллион долларов. Их совсем не интересуют редкие рукописи адыгского просветителя 19 века Шоры Ногмова. Но они за огромные деньги выкупают броневик 1912 года, пулемет времен гражданской войны под названием «Косарь» и веревку из конопли времен 1917 года из музея НКВД, которая «использовалась для преодоления силы контрреволюционного притяжения с последующей фиксацией граждан в вертикально-подвешенном состоянии!» [4]. Главное для покупателей – дальность полета выстрелов броневика, скорострельность пулемета и сколько килограммов выдерживает веревка. И главное, покупателей интересует, «что лучше намылывать: шею или веревку?». «Была бы верёвка, а шея всегда найдется!» – заключает автор [5]. То есть, в этой аллегории автор хочет сказать, что духовная культура в обществе – не в чести, она не ценится. А вот пострелять, поубивать, повесить кого-то, – это пожалуйста! У людей современного общества – низменные интересы. Духовность их не интересует. И это – то типичное и характерное для современного общества, – подмечает писатель-сатирик.

Сам автор – это герой-рассказчик: тертый, бывалый человек, ироничный, иногда слегка ядовитый и язвительный. Муртаз Пачев ищет и находит своеобразную интонацию, в которой слились воедино ироническое начало и интимно-доверительная нотка, устраняющая всякую преграду между рассказчиком и слушателем, между писателем и читателем.

В рассказе «Бутылкизм» многое говорит о культуре комического сказа, который достиг писатель. Вот рассказчик раскрывает, как с помощью бутылки (алкогольного напитка) можно решить практически любые проблемы, любые вопросы и дела в любой сфере жизни общества, и совершить любые сделки в современной системе. Герой рассказа пишет своей знакомой Мэри:

«Мэри, там с нами генерал сидел из Министерства обороны, предлагает межконтинентальную баллистическую ракету. Какие доллары, Мэри! За ящик водки и

бочку этой, да...соленой капусты!» [6]. Или: «Бутылка, как сказал один умный человек, не только коллективный пропагандист, но и коллективный организатор!». Сатирическая направленность у автора всегда очевидна: «Раньше как было? Увидишь знакомого: «Здравствуй». Теперь говорят: «Третьим будешь? Если не будешь, значит, ты шпион, ретроград и мерзавец», – заключает автор [7].

Повествования основаны на конкретных и весьма злободневных фактах, почерпнутых либо из непосредственных наблюдений, либо из многочисленных читательских писем на радио, где М. Пачев проработал более 40 лет. Тематика рассказов автора пестра и разнообразна: беспорядки на транспорте и в общежитиях, гримасы быта, плесень мещанства и обывательщины, спесивость новоявленных богачей и стелющееся лакейство чиновников, и многое другое. Часто рассказ строится в форме непринужденной беседы с читателем. Например, в рассказе «Потрошитель писем»: «Если бы вы только знали, как я не люблю вскрывать чужие письма. Сердце сжимается от боли, давление подскакивает, а лицо становится красным, как переходящее Красное знамя; чувствуешь себя ворюгой, забравшимся в чужую квартиру. А что прикажете делать? Если я не вскрыю, то найдется кто-то другой...», – утверждает сатирик [8].

Круг действующих лиц в зарисовках и рассказах М. Пачева предельно сужен, так как его герои грубы и неотесаны. Их духовный мир беден, или отсутствует вообще, а система мышления – это система внешне культурного, но на самом деле, отвратительного по существу обывателя или чиновника. Часто эти сатирико-юмористические рассказы шаржированные, в них возникают гротескные ситуации, а порой – очень мало комического и веселого. Чаще всего автор показывает конфликт между человеком с его предрассудками, моралью и нравственными принципами современного общества. Таковы герои рассказов «Потемкинская столица», «Ветеран», «Донорская кровь и первоначальное накопление капитала» и др.

Разрабатывая нарочито обыденные сюжеты, рассказывая частные истории, приключившиеся с ничем не примечательным героем, писатель возвышает эти отдельные случаи до уровня обобщения. Он проникает в святая святых обывателя, который невольно саморазоблачается в своих монологах. Эта умелая мистификация достигается посредством мастерского владения манерой повествования от имени рассказчика, заурядного человека, который вообразил себя чрезвычайно грамотным и знающим законы. А порой, его герои не только опасаются открыто декларировать свои воззрения, но и стараются не дать повода для возбуждения о себе каких-либо предосудительных мнений (рассказ «Признание гражданина России прокурору Российской Федерации»).

Комического эффекта Муртаз Пачев часто достигает обыгрыванием слов и выражений, почерпнутых из речи малограмотного обывателя, с характерными для него вульгаризмами, неправильными грамматическими формами. Вот пример из рассказа «Донорская кровь и первоначальное накопление капитала». Рассказ заканчивается отчаянным восклицанием: «Ну почему и те, кто всю жизнь пьет кровь людей, и те, кто добровольно сдает кровь, будучи донором, имеют одинаковые льготы?» [9].

Юмор Пачева не столь уж безобиден, как может показаться на первый взгляд. У него практически не бывает мягкого, добродушного юмора. Вчитываясь в текст его рассказов, мы видим, что и юмор, и сатира имеют свои, совсем не смешные корни, свою серьезную основу, подаваемую острым языком: «Чертова дюжина», «Потрошитель писем», «Динозавры», «Есть ли жизнь на Марсе?», «Санитарная зона», «Мычащая виза», «Шлагбаум», «Министерская премия», «Новый кабардинец», «Открытое письмо председателю», «Номенклатура рвется в рай» и другие. Его произведения бичуют, жалят, язвят, обнажая все, что скрыто от нашего глаза. Такова уж особенная роль писателя-сатирика – иметь дело со злом, добраться до самых его корней. А оружие у писателя одно – смех. Однако смех смеху – рознь.

Он бывает ласковым и гневным, добрым и злым, светлым и мрачным. Ведь смех – одно из самых действенных средств против пороков и слабостей, против невежества, глупости, подлости.

Сатира беспощадна, резка, непримирима. Чтобы отчетливее представить сущность явления и сильнее воздействовать на разум и эмоции читателя, писатели-сатирики обычно прибегают к преувеличению, заострению, карикатуре. Вот, например, рассказ Муртаза Пачева «Есть ли жизнь на Марсе?» имеет ярко выраженную социальную направленность и актуальность. В сатирическом рассказе беспощадно обнажаются проблемы современного постсоветского общества, резкое социальное расслоение населения и несправедливые, плачевные последствия таких перемен: «...Весь белковый запас страны, говорят, сосредоточен в пределах московского Садового кольца и нальчикского «Дворянского гнезда». Почему? Наука не знает ответа на этот вопрос. Почему на тысячу пролетариев приходится всего лишь пятнадцать машин, а на сто налоговых полицейских и инспекторов в три раза больше автомобилей? Древние рукописи о многом умалчивают, но тщательный анализ родословных вышеуказанных чинов дал поразительный результат: корни их предков, оказывается, восходят к богатым семействам рокфеллеров, морганов и греческому мультимиллионеру Онасису... Почему каждый бандит у нас ездит на «Мерседесе», а дачник с пятью сотками трясётся в плацкарте? Почему россиянин при несметных природных богатствах живет как бомж, а японец при отсутствии таковых, живет как царь?! Почему у нашего инвалида войны нет на автобус денег, чтобы съездить к детям, а ветеран вьетнамской войны США свободно катается по всему миру?..» [10]. Заметим, что данная пародия была написана в 2000–2005 гг., сейчас ситуация некоторых явлений в стране несколько изменилась в позитивную сторону.

Недостатком сочинений М. Пачева является то, что в них слишком много риторики, описательности, и мало сюжета и действия. Рассказы, пародии, фельетоны, анекдоты, просто зарисовки и этюды автора часто передавались по республиканскому радио. Они имели успех у слушателей, а многие слова и выражения стали популярными в народе.

Таким образом, из нашего анализа следует, что смех способствует развенчанию пороков общества. Он обнажает нравственные проблемы современного человека. Мы согласимся с мнением Л. Бекизовй о том, что «... смех является одним из факторов этнокультурной идентификации народа, его выживания и самосохранения, что можно наблюдать на примере становления и эволюции культуры смеха адыгов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов). Смех историчен, помогая переосмыслить прошлое, он способствует пониманию настоящего» [11]. Изучение феномена культуры смеха в тесной взаимосвязи фольклора и литературы позволяет объединить ценностные ориентиры традиции и новаторства – понятий, характеризующих «...преемственность и обновление в литературном процессе, а также соотношение наследуемого и создаваемого» [12]. Таким образом, традиционное смеховое искусство адыгов успешно продолжается в творчестве таких писателей-сатириков, как Муртаз Пачев.

Источники и литература

1. Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985. С. 95–97.
2. Дзагаитов А.М. Традиция и новаторство смеховой культуры в кабардинской прозе. Автореферан кандидатской диссертации. Нальчик: КБГУ, 2017. С. 4, 5.
3. Пачев Муртаз. Пяткинье. Сатирико-юмористические рассказы на современную действительность. Сборники юмористических и сатирических рассказов. Литературно-художественное издание журнала «Адыгэ Хэку». Издатель Джафар Камбиев. №№ 1, 2, 3, 4, 5. Нальчик, 2007.

4. *Пачев Муртаз*. Пачев Муртаз. Пятикнижье. Сатирико-юмориистические рассказы на современную действительность. Сборники юмористических и сатирических рассказов. Литературно-художественное издание журнала «Адыгэ Хэку». Издатель Джафар Камбиев. Нальчик, 2007. Кн. 1. С. 3.
5. *Пачев Муртаз*. Там же. Кн. 1. С. 4.
6. *Пачев Муртаз*. Там же. Кн. 1. С. 40.
7. *Пачев Муртаз*. Там же. Кн. 1. С. 41.
8. *Пачев Муртаз*. Там же. Кн. 4. С. 23.
9. *Пачев Муртаз*. Там же. Кн. 2. С. 3.
10. *Пачев Муртаз*. Там же. Кн. 2. С. 29.
11. *Бекизова Л.А.* От богатырского эпоса к роману (Национальные художественные традиции и становление повествовательных жанров адыгских литератур) / Л.А. Бекизова. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1974. С. 288.
12. *Бекизова Л.А.* Там же. С. 291.

HUMOR AND SATIRE IN THE WORKS OF MURTAZ PACHEV

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

The article deals with the issues of national laughter culture and its influence on national literature. It is emphasized that the genres of laughter are an important factor in the knowledge of the spiritual life of the people. The question of genre history Shows that from ancient times to the present day humor and satire in fiction went hand in hand and are manifested in various forms and genres – the tale, the fable, a satirical poem, Comedy, novel, Novella, epigram, parody. The paper States that the formation and evolution of the laughing culture, the comic genre, in the culture of the Adygs begins with the oral folk art. A review of the works on this topic has been performed. In particular, in the Nart epic there are jeguakos-carriers of traditional folk-laughter culture, they are considered within the framework of the relationship of the comic with other genres of folklore. This question was investigated by Z.M. Naloyev: «The jeguako Institute is a traditional folk culture that has centuries-old traditions in the history of the Adyghe people» [1]. According to Z. In Kabardian literature and the traditional folk-laughter culture of the Adygs, the jeguako art of laughter is considered as part of the tradition of⁹ folk-holiday laughter and ritual laughter culture. The novelty of the article is that for the first time the work of the satirical writer Murtaz Pachev is subjected to literary analysis. The relevance of the article is due to the fact that the attention of researchers was not focused on important issues of modern laughter culture of Kabardino-Circassian literature at this stage. In conclusion, the author comes to some conclusions.

Keywords: laughing culture, parodies, comic genre, satirical and humorous traditions, national literature.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-97-101

ЧАМ БЛА САМАРКЪАУНУ УСТАСЫ: ДЖАНЫБЕКЛАНЫ АППАНЫ ЭНЧИ ХАТЫ

Биттирланы Шамшюдинни кызы Тамара, филология илмуланы доктору, Кырал федерал бюджет учреждениени – «Федерал илму ара «Россей илмула академиясыны Кыбарты-Малкыар илму арасыны» филиалы – Гуманитар тинтиулени институтну кырачай-малкыар адабият белюмню баш илму кыуллукчысу(ИГИ КБНЦ РАН), tbittir@mail.ru

Илму жазмада эки суратлау төрени – самаркыау назмучулукь бла сахначылыкьны – тамалын салгъан, кырачай-малкыар адабиятны классиги Джанибекланы Аппаны чыгъармачылыкьны тинтиледи. Назмучуну суратлау энчилиги, анга дери болгъан чам төреле, оюнну-чамны башхалыгы дегенча соруулагъа жууап бериледи. Джанибекланы Аппаны чыгъармачылыкьны жамауатда болгъан чойреликлени андан да бек жютю этип, харкюнлюк болумланы тюрлендирирге чакьырады. Жазмада чамчы хайырланган, жамауатны «аурууларын» семиртип, эриши сыфат берип кыурагъан суратлау амалга энчи эс бөлунеди.

Ачыкылама сөзле: халкь жырчыла-назмучула, Джанибекланы Аппа, чам, самаркыау, халкь сахначылыкь, төреле.

Джаныбекланы Аппаны чыгъармачылыкьны жазма адабият кыуралырыны аллында башланады. Ол адабият төреле халкь жырчылыкьдан назмучулукьга ётген кезиуде жашагъанды, чамларын, лирика назмуларын жазгъанды. Кеси саулукуда аны китабы чыкмагъанды. Биринчи кере аны «Бырмамыт башын сайладыла» деген назмусун Хубийланы Ислам (Кырачайлы) «Революция и горец» деген журналда 1930 жылда басмалагъанды [Ислам Кырачайлы 1930: 26–31]. Ызы бла, 1962 жылда Аппаны бир кыауум назмусун «Кырачай поэзияны антологиясында» бередила [Кырачай поэзияны антологиясы 1965: 135–140]. Ортабайланы Римма «Кыра сууну кыатында» деген китабында Аппаны юсюнден тынгылы статья жазып, белгили болмагъан бир кыауум назмусун да басмалагъан эди [Ортабайланы Р. 1981: 76–101]. 1995 жылда уа Ортабайланы Римма Биджиланы Ахия бла бирге «Кыалай улу Аппаны ызын ызлай» деген аты бла чыгъаргъан китапларында кырачай-малкыар поэзияда чам бла масхара жанрлары тамалын салгъан Джаныбекланы Аппаны чыгъармачылыкьнын жыйышдырып, тынгылы тинтгендиле [Ортабайланы Р., Биджиланы А. 1995]. Ол китапла басмаланнгандан сора алимле Джаныбекланы Аппаны чыгъармачылыкьнын ачыкъларга онг тапхандыла [Аппа Джанибеков 2014], тюрлю-тюрлю илму ишледе аны назмуларын сюзгендиле [Биттирланы Т. 1998; Биттирланы Т. 2002; Ёзденланы А. 1988; Хабичева-Боташева 2012].

Белгиленген тинтиулени ызындан Хабичланы Зинхара кырачай театры юсюнден, аны мурдорун салгъан адамланы атларын да сагъынып, аланы чыгъармаларын терен ачыкылап, кыауум статья жазады. 2012 жылда уа айтхылыкь ГИТИС-де «Карачаевский театр. Истоки. Самодеятельность. Профессиональное искусство» деген аты бла тынгылы китабын басмалайды [Хабичева-Боташева 2012]. Мында алим Джаныбекланы Аппаны чыгъармачылыкьны кырачай-малкыар сахначылыкьны эм магъаналы мурдорунача кыарайды.

Джаныбекланы Къала-Герийни жашы Зекерия (чам аты Къалай улу Аппа) 1864 жылда Учкулан элде туугъанды. Гитчеликден сюрюучю болуп, эл малын кютюп тургъанды. Жаш заманында окъуна аны сѣзге усталыгы тынглеринден айырмалы этген эди. Ол замандан тебиреп, Аппа жашауда тюбеген артыкълыкъланы кѣтюралмай, жарлылагъа, жалчыларына азап салгъан байгъа-бийге масхара, самаркѡау сѣзюн айтып тебирейди. Аны халин жаратмай, эл башында тургъан къуллукъчула Аппаны ызындан болгъанда, ол элден кетип, кесине ушаш «салкъынчы»^{*} жашлагъа къошулуп, байла-бийле бла кюреш бардырып тебирейди. Патчахны мырзакълары Аппаны ызындан болуп, эки кере тутдургъандыла.

Къабыргъа элтип, тѣрт бюклеп тыкъдыла,

Тынчай демейин, бир ишле тапдыла,

Онгда – Мункир, солда – Нанкир,

Аузума пашот урдула,

Эки къолума темир тачканы тутдурдула,

Кѣтюрем болдум, таш ташыдым, кѣмюр къаздым,

Ач бѣрюлей, жабагы арталмай къалдым..., – деп жазгъанды Сибирде кѣрген къыйынлыгыны юсюнден назмучу.

Аппа 12 жылны ичинде патчахны тузагында тургъанды. Жаш адамгъа ол къаллай бир зорлукъ эди – керти сѣзю ючюн анча жылны азап сынагъан! Алай болгъанлыкъгъа, назмучу хорлатмай, жырына кертичилей къалгъанды. Аппаны сѣзю, жютю чамы, масхарасы, самаркѡау аны ючюн гумадах болмагъанды. Сибирден къайтхандан сора жырчы къошдан къошха, тойдан тойгъа, элден элге кѣче кечингенди. Хар жерде анга жарыкъ тюбегендиле, ол айтхан эски жырлагъа, аны лакъырдасына, чамына тынгыларгъа сюйгендиле. Назмучу жалан да бай-бий къауумланы сѣгюп турмагъанды, жашауда тюбеген намыссызлыкъ, жутлукъ, женгилик дегенча тапсыз къылыкъланы Аппа чамны кючю бла андан да эриши кѣргюзтгенди:

Тамбийланы хан Азретни

Бир аягы – кийиз уюкъ,

Бирси аягы забит чурукъ.

Къаялада юйю барды,

Шайтанладан бийи барды.

Бююнлюкде, бир ѣмюрден артыкъ озгъандан сора, Аппаны чамлары кимни хыртха ургъанын тохташдыргъан къыйынды. Аппаны «жигитлери» бири къалмай дунияларын алышхандыла. Халкъ жырчы аланы атларын ѣлюмсюз этгени бла бирча жамауатда тюбеген, анга чюйре келген халлени тинтип, аланы чам халда аманлагъанды. Назмучу хайырланган бу чыгъармачылыкъ амал ол айыплы ишанланы бютюн да эриши кѣргюзтюп, тынгылагъанланы аллай затладан керти болургъа чакъыргъанды.

Чамны, масхараны керти да айгъакълау магъанасын кючлер муратда назмучу башха адамланы тапсыз халлерин сѣгюп турмай, кесини юсюнден да бир зат айтыргъа тийиншли эди. Къалай улу Аппа кеси халисине да жютю кѣз бла къарап, бирде къылыгына чам тизгинле къурагъанды:

Айры баулагъа ѣтгенди

Кюмюш айылны хапары.

Босагъагъа илингенди,

Хой, маржа, ычхыналмайды

Аппаны шалбар сампалы.

Былай айтханлыкъгъа, Къалай улу кеси хар жаны бла да тизгинли инсан эди. Жырчыны масхарасындан, бешишинден къоркъуп, кѣпле аны кенгден эслегенлей

^{*} Халкъда «салкъынчы» деп абрекликни жолун сайлагъанлагъа айтхандыла.

окъуна тизгинлерин жыйып, эс алып, аны къатында кеслерин тап жюрютюрге итингендиле.

Адамланы къылыкъларында эсленген шарайыпланы жютю кёргюзтюр ючюн, Джаныбекланы Аппа къарачай-малкъар тилни суратлау байлыгы бла кенг хайырланганды. Биринчиден, «жаз тилни»: халкъ ачыкъ, туура халда айтмай, бир затны башха бла алышдырып, тенгleshдирип, келишимли ишанла бла суратлагъан амалны. «Жаз тил» бла «уучу тил» бирге жууукъдула. Аланы башхалыкълары: «уучу тил» тотем жорукълагъа бойсунады, «жаз тил» а адамны харкюнлюк жашауунда бола тургъан ишлени баямлайды. Сёз ючюн, жангы юйленген жаш адамгъа быллай алгъыш айта болгъандыла: «Жангы кийимлеринг огъурлу болсунла!», – деп. Не да юйюр башчы юй бийчесине тенглерини къатында атын айтмай, «быстырбаш» неда «узунетек» дегенди. «Жаз тил» бегирек да юйюр жашауда, малчылыкъ бла кюрешгенлени арасында хайырланганды. Аппаны назмуларында бу суратлау амал бла айтылгъан тизгинле кёпдюле. Бир къутсуз къонакълыкъны юсюнден быллай хапар айтады назмучу:

Кечеден къалгъан сууукъ гардошланы къапдырдыла,
Кечесинде эшикге къысха-къысха чапдырдыла,
Эртденинде миндирдиле бир къадыр пилге,
Къарнымы юйретдиле бир къужур тилге.

Назмуну ахыр тизгинича «жаз тил» бла айтылгъан чамлары сатира болумну ключейдиле, алагъа терк жюрюш бередила.

Къарачай-малкъар адабиятта, маданиятта да Къалай улу Аппа назмучулукъдан сора гинжи сахначылыкъ бла да атын айтдыргъанды. Гинжи сахначылыкъ бизни маданиятыбызда бурун заманладан бери келеди. Аппа ол иш бла кюрешгенлени бек кечлеринден эди. Гинжилени Аппа кеси агъач бутакъчыкъладан, кийиз кесекледен, халыла бла чалдиширип, журунчукъладан кийимле тигип, алай ишлегенди. Аны «сахнасында» жигит жашла, ариу къызла, эринчек кишиле, къылыкъсыз къатынла, байла, мыртазакъла, къойчула, сюрюучюле – хар бири ёз сыфаты, ауазы бла ойнагъанды. Аппа, гинжилени тепсетип, аякъ бюкдюрюп, жырлатып, айтыш айтдырып, оюнну алай къурагъанды. Ол гинжилени агъач кюбюрчекде айландыргъанды. Кюбюрчекни ачса, аны башы сахна болуп къала эди. Гинжи сахнасында Аппа гитче пьесала салгъанды, жыр оюнла кёргюзтгенди. Оюнларында гинжилеге кеси къурагъан самаркъауларын айтдыргъанды. Кёбюсюнде ала бийлеге-байлагъа къажуу келе эдиле. Аны ючюн ала Аппаны тутсала, чынг аллын гинжилери бла кюбюрчегин кюйдюргендиле. Къалай улу уа гинжи кюбюрчегин жангыдан къурагъанды, оюнларын жангыдан кёргюзтюр, халкъдан ыразылыкъ алгъанды.

Джаныбекланы Аппа къурагъан гитче сахна оюнчукъла «къагъытха тюшюп сакъланмагъанларыны хатасындан бюгюн бизге аз жетгендиле. Болса да Джаныбекланы Аппаны чыгъармачылыкъы къарачай-малкъар сахна маданиятны мурдорун салгъанды», – деп чертеди Сарбашланы А.М. [Сарбашева 2009: 105–106]. Алимни оюмуна кёре, «жамауат быллай оюнлагъа бирча ыразы болуп къарамагъанды: халкъны асламы аланы жаратханды, къуллукъчу къауум а къажуу тургъанды. Жырчыгъа аллайла бла сёзню кючю бла демлешген тынч туююл эди» [Сарбашева 2009: 105].

Халкъ жырчыла жамауатда уллу намыслары жюрюген адамла эдиле. Аланы къайсы жамауат къауумдан болгъанларына киши эс бурмагъанды, бийледен, байладан кёп туююл эсе, аз туююл эди жырчыланы сыйлары, сёзлерини кючю да. Аны себепли, жырчыла толу юйдегиле къурагъандыла, ала бла юйюр къурагъа къайсы ариу къыз да артха турмагъанды. Алай Къалай улу Аппаны юйюрю, юйдегиси болмагъанды. Бир кезиуде Аппа къатын алыргъа мурат этеди. Сагъыш эте кетип, ол зат анга келишмегенин ангылайды да, баш азатлыгъын

сайлайды. Аппаны ол сагъышларыны юсюнден хапарлагъан «Юйдегиленсем» деген назмусуду.

Заманында жыйылмагъаны себепли, Къалай улу Аппаны кѣп назмусу, чамлары да халкъ чыгъармачылыкъгъа сингип къалгъандыла. Аппа чам-лакъырда, масхарадан сора да ийнарла жарашдырыргъа уста болгъанына «Сокъур туйюлма, кѣреме...» деген назмусу шагъатлыкъ этеди. Бу кезиуде аны суймеклик сезими жумушакъ, къайгъырыулу болгъаны ачыкъ кѣрюнеди. Назмучу суйген кызын кюн тыякъ бла тенгешдиреди, къадарын Аппа бла бир этсе, кыйналыргъын ангылата, аны аяп, ѳз сезимин тунчукъдуургъа кюрешеди:

Сокъур туйюлма, кѣреме,
От болуп ичиме киргенсе да,
Бауурумдан ѳлеме.
Эшта-эшта, сен кюн таякны бир узуну,
Манга келеме десенг,
Соярла сени, харип, сени,
Элни къаргъасы-къузгъуну.
Къой, энгда бир кюерим туйюлмюдю,
Кюбюрчегими жабайым,
Эки эрними бирден къабайым...

Жыйырманчы ѳмюрге дери къарачай-малкъар поэзияда уллу жерни айтышла алгъандыла. Аты айтылгъан жырчыла, хапарчыла, чамчыла бир-бирлери бла эришип, бир затны юсюнден кеси оюмларын суратлау сѣзню кючу бла айта болгъандыла. Къалай улу Аппаны чыгъармачылыкъында да айтышла белгили жердедиле. Тойлада, къош, чалгъычы жыйынлада жыр тиргизилген жерде айтышла кыза эдиле, жырчыла бир затны чурумгъа тутуп, аны юсюнден ким терен да, женгил да айталыр деген эришиуге кире эдиле. Аллай бир айтыш Аппа бла Гогуйланы Ахлау деген бир жашны арасында бардырылгъанды. Аппа жашны сѣзге чемерлигине къууанып, бу айтышда кесин хорлатханнга санагъанды. Кесича белгили жырчы Багъыр улу Къаспот бла бардырылгъан айтышха уа Аппаны ѳз усталыгына къарамы башха тюрлю эди. Аланы арасында бардырылгъан айтышдан бюгюнлюкде жалан да бир ненча тизгин сакъланганды. «Сен Багъыр эсенг, – Мен – Къалай. Сен къалай эсенг, Мен – алай», – деп танышханды Аппа Къаспот бла. Ала кечени узунуна айтыш къургъандыла. Къошха жыйылгъанла Къаспотну хорлагъаннга чыгъаргъанда, Аппа ол оюмгъа бой салмагъанды да, былай жууап бергенди:

Къабыргъада къалайла, – жетмегеннге жалгъайла.
Къалай улу Аппадан Багъыр улу Къаспотну сайлайла.
Огъай, ол тюз туйюлду, аны къонакды деп сыйлайла,
Мени «хорлатдын», деп кыйнайла.

Ол ашхамдан танг аласына дери айтылгъан айтышдан бу гитче юзюк къалгъаны кибик, Аппаны уллу чыгъармачылыкъындан да бизге аллай гитче юзюк жетгенди дерге боллукъбуз.

Къарачай-малкъар поэзия XIX-чу ѳмюрге жарыкъ ѳнлю эди. Ол затха Къаспот бла Аппаны «Жѳрмелери», Аппаны чам, самаркѡау, лакъырда назмулары, Гычыны чамлары шагъатлыкъ этедиле. Бу тукъум жырлада, назмулада халкъыбызны ниет саулугъу, таза кѣллюлюгю, дунягъа жюрек ачыкълыгы туура кѣрюнюпдюле. Аллайланы санында Къаспотну «Сандырагъын» белгилерчады. Закий жырчы мында кесини юч тюрлю фахмусун ачыкълайды: сѣзге, макъамгъа, тепсеуге. Жыр нени юсюнден болгъанын айтхан кыйынды. Алай а бу жырда жарыкъ ауаз, уллу фахму, адамлагъа, дунягъа суймеклик шарт билинедиле. «Жѳрме» да анга ушашды. Аскерчи жашла Сылпагъарланы Хако бла Аджиланы Таулан 1878 жылда,

орус-тюрк урушдан кьайтып келе, биринчи болуп, «Жёрме» деген жырны кьурагъандыла. Аланы ызындан а халкъ ичинде кеси «жёрмелерин» талай жырчы такъгъанды. Аппаны жыры башха юлгюледен чамыны жютюлюгю бла, сёз кьудуретини элпеклиги бла айырмалыды.

Къалай улу Аппаны назмуларында болгъан чам, масхара заман оза баргъаны сайын мутхуз болмай, кьуралгъан кюнлериндеча, адамлагъа жарыкълыкь келтиргенлей, сагъыш да этдиргенлей турадыла. Аны чыгъармачылыгъы онтогъузунчу ёмюрдеги ана поэзиябызны бир айырмалы бетиди, бир башха назму хатха ушамай, кесичалай къалады. Къарачай-малкъар халкъны фахмалу назмучусу, жырчысы, чамчысы, сахначысы Джаныбекланы Аппа жашаууну ахыр кюнлерине дери жамауатха сёзю бла жарап тургъанды, ол ариу айтыргъа суймеген эсе да, керти сёзге уа баш ургъанды. Аны чамы-лакъырдысы асыры кертиден ангылагъан адамлагъа жыламукъла туудургъанды.

Къарачай-малкъар халкъны фахмалу уланы Джаныбекланы Аппа жашаууну ахыр кюнлерин эгечини юйюнде ётдюргенди, 1934 жылда ауушханды, Къарачайда Къызыл Покун элде асыралгъанды.

Хайырланылгъан литература

1. *Аппа Джанибеков* – первый поэт-сатирик Карачая (к 150-летию со дня рождения) // *Материалы Всероссийской научной конференции*. Карачаевск, 2014. 256 с.
2. *Биттирланы Т.* «Итиль суу агъа турур...». Нальчик, 1998. 151 б.
3. *Биттирланы Т.* Эски къарачай-малкъар адабият. Нальчик, 2002. 302 б. Ёзденланы А. Джашауну оюулары. Черкесск, 1988. 344 б.
4. Ислам Къарачайлы. Сатирические песни Карачая // *Революция и горец*. Ростов-на-Дону, 1930. Б. 26–31.
5. Къарачай поэзияны антологиясы. Ставрополь, 1965. 423 б.
6. *Ортабайланы Р.* Къара сууну къатында. Черкесск, 1981. 183 б.
7. *Ортабайланы Р., Биджланы А.* Къалай улу Аппаны ызын ызлай. Черкесск, 1995. 190 б.
8. *Сарбашева А.М.* Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. 240 с.
9. *Хабичева-Боташева З.Б.* Карачаевский театр. Карачаевский театр. Истоки. Самодеятельность. Профессиональное искусство. М.: ГИТИС, 2012. 524 с.

МАСТЕР ЮМОРА И САТИРЫ: ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ АППЫ ДЖАНИБЕКОВА

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tbittir@mail.ru

В статье рассматривается творчество классика карачаево-балкарской поэзии Аппы Джанибекова, положившего начало двум художественным традициям – сатирической лирике и театральному действу. Анализируются характер авторской индивидуальности, истоки и факторы, определившие его эстетические поиски и обретения. А. Джанибеков – автор социальной сатиры, большинство произведений которого посвящено разоблачению пороков современного ему общества. Особое внимание в работе уделено художественным средствам, позволяющим поэту создать комические ситуации и критически воспринимать человеческие слабости (стяжательство, леность, высокомерие и т.д.).

Ключевые слова: певцы-импровизаторы, Аппа Джанибеков, сатира, народный театр, традиции.

**MASTER OF HUMOR AND SATIRE:
CREATIVE PERSONALITY OF APPA DZHANIBEKOV**

Bittirova Tamara Shamsudinovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tbittir@mail.ru

The article deals with the creative work of the classic Karachay-Balkar poetry APPA Dzhanibekov, which gave rise to two artistic traditions-satirical lyrics and theatrical action. The author analyzes the nature of the creative personality of the author, the origins and factors that determined his creative search and acquisition. A. Dzhanibekov the author of social satire-paid great attention to exposing the vices of inequality society. Special attention is paid to the artistic means that allow the author to create a funny situation and critically perceive human weaknesses caused by greed, laziness, arrogance, etc.

Keywords: the singers-improvisers, APPA Dzhanibekov, satire, folk theatre and traditions.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-102-107

**РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ
УТРАЧЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ БЫТИЯ ЭТНОСА
(По материалам кабардинских новелл)**

Бегуганова Елена Нартшаовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), betuganovaelena@yandex.ru

Во второй половине 1980 – начала 1990-х гг., а затем и в постсоветский период кабардино-черкесская проза претерпевает изменения, связанные с изменениями в социально-политической жизни России. Писатели становятся более публицистичны: их занимают причины переживавшегося социального кризиса. В творчестве художников исследуемой поры идет напряженный поиск духовно-нравственных ориентиров. Статья отражает, как в условиях социально-политической неопределенности кабардино-черкесские авторы выражают в своем творчестве собственное отношение к кризисным явлениям, оказывающим влияние на общество. Вместе с тем, в работе указывается, с чем писатели связывают выход из кризиса, и какие пути преодоления социального и духовного кризиса предлагают.

Ключевые слова: постсоветская эпоха, кабардинские писатели, социально-психологический кризис, время, переходное время, маргинал.

В постсоветский период кабардинские писатели углубляют психологическое исследование бытования личности, раскрывая ее своеобразие в условиях новой социальности. Надо сказать, онтологический статус героя кабардинской новеллы постсоветской эпохи отражал особое топологическое состояние – «маргинальность в переходе» (пересечение границы). Человек транзитивного общества 90-х находился на границе между двумя мирами (советским и постсоветским), но не входил полностью не в один из них. Противопоставляя себя уже советскому человеку, он начинал обособляться, строя свою «новую» жизнь. Выживание в новых условиях и достижение целей вынуждало менять себя изнутри. Психологическая проблема «перехода в другой мир» была сопряжена с внутренней борьбой между переходом в иное качество – «инаковость», желанием стать «другим», осуществив реновацию собственной идентичности. «Примеряя на себя новый образ, «маргинал в переходе» пытался соответствовать новым обстоятельствам, стремился постичь суть событий, понять смысл современной жизни, находился в активном поиске ориентиров движения в будущее. Это был единственный способ поддержания целостности в новых условиях, он заключался в смене образа себя, поскольку это диктовалось новыми социально-культурными условиями» [Ефремова 2006].

Таким образом, событийно-описательное в произведениях постепенно начинает уступать место социально-психологическому анализу, требующему более глубокого познания духовного потенциала человека. Отсюда идет углубленный взгляд на судьбу отдельной личности, более осмысленно раскрываются причинно-следственные связи в отношениях человека с эпохой. В этом плане наиболее показательным творчеством Б. Мазихова. Прозаик в своих новеллах проникает в самые потаенные глубины переживаний и мыслей человека, переходящего в новую,

иную эпоху, исследуют его внутренний мир, противоречия и сложности. Хасанбий – главный герой новеллы «ГупщIэ» («Мимика») попросил высокопоставленного друга Шыхбана устроить свою дочь на работу. Каждый раз, когда Хасанбий обращался к Шыхбану с просьбой, тот сухо и сдержанно ему отвечал: «Егупсысын хуейщ...» («Надо подумать»). Подстр. пер. – Б.Е.). Более того, он стал замечать, что секретарша стала как-то странно на него смотреть, недоумевая, словно хотела ему что-то сказать.

В приемах анализа внутреннего мира героев Б. Мазихов лаконичен, а речевой стиль воспринимается как двойной поток, в котором часть идет наружно, основная часть – подводным течением. Подтекст заставляет читателя активизировать внимание и участвовать вместе с автором в психологическом анализе. Автор использует принципы чеховского письма: вытекающий из объективной манеры изображения принцип недоговоренности, усиление роли подтекста, смелую ориентацию на читательскую активность. На первый взгляд, кажется, что в новелле отсутствует автор. Однако, таким образом Б. Мазихов стремится разбудить творческую активность читателя, заставляет его вдуматься в смысл изображаемых событий, дойти до главной сути. Выбранный автором художественный прием дает возможность читателю лучше рассмотреть то, что при пространным описании могло быть не столь заметным. Для более углубленного раскрытия темы писатель вводит в свой рассказ такой внесюжетный элемент как сон: «Жэщым нэху щыху Хьэсэнбий пщIыхьэпIэм хэIаькыьм: зэм ГупщIэ ищIу, зэми езым кыхуащIу, увыIэгьуэ имыIэу Гульхьэ иту, Гульхьэ кыIыхыу ильэгьуащ» [Мазихов 2008: 84]. («Всю ночь герой видел сны, в которых то он гримасничал, то ему делали гримасы, то он давал взятки, то взятки давали ему»). Основная функция сновидения в рассказе – прозрение. Читатель четко осознает, что просьба так и осталась не востребовавшей в силу наивности главного героя, который только впоследствии понял, что миром, пускай и давних друзей, правят деньги. При этом главная цель писателя не обрисовать отрицательного персонажа Шыхбана, и его меркантильный мир, а обратить внимание на неготовность героя к новой жизни, на несоответствие сконструированного им мира и реальной действительности.

Необходимо отметить, что правдивое воссоздание типических обстоятельств и характеров представляет большую сложность для писателей, пишущих о современности. Но все же в современном рассказе заложено желание узнать, зафиксировать мир, который стремительно изменился, отметить смещение качеств и приоритетов. Жажда нового, желание существенно расширить сферу информации о человеке и обществе, столь ощутимые в современном рассказе, делали его зоной интенсивного поиска, привлекали к нему широкий круг писателей. Тем более, что в постсоветский период в кабардино-черкесской прозе утвердился новый тип героя, обладающий особой психологической структурой.

Постсоветский период свидетельствовал о новом этапе в современной действительности, которая после диктата советской власти вынуждена была подчиниться диктату коммерциализации, часто гораздо более прагматичного и циничного. Рыночные отношения пронизывали все стороны жизни общества, сферу социальной, духовной жизни. Все и вся приобретало статус товара. В силу сказанного, типический герой постсоветской эпохи рассматривался кабардинскими авторами как «рыночный человек-потребитель», готовый быть тем, на что имеется спрос. Главный герой Б. Гаунова «Къэбгъэзэжатэмэ лъапсэжыьм» («Если б ты вернулся бы ты в отчий дом») покинул отчий дом, оставил одиноких родителей и уехал в город за материальными благами. «Лъапсэжь, лъапсэжь, – жи и ужьым и щхьэр къеIэтри, сыту пIэрэ мыбы дэзывгъэщIыхьыну? Уэлей, мыбы дэтщIыхьын щымыIэ, ди анэ, щIумыгъэкI алейкIэ уи нэпсыр» [Гаунов 2002: 44] («Отчий дом, отчий дом, – сказал Хаути. – Что мне здесь делать. Здесь нечего делать. Зря не лей слезы, мать»). Впоследствии Хаути все-таки востребовал домик родителей: он решил открыть в нем фабрику по пошиву одежды».

Б. Гаунов раскрывает мир человеческих отношений и чувств в контексте разрушения целостной картины мира: материальный достаток становится выше семейных ценностей. Для главного героя отчий дом – не средоточие основных жизненных ценностей, оплот традиции, место формирования его нравственных устоев, а скорее, выражаясь современным языком – некий бизнес-центр. Желание превратить дом родителей в коммерческий проект сигнализируют об изменениях внутренней сущности главного героя, его выход в сферу новых ценностей, где все продается и покупается.

Однако переход к рыночному механизму регулирования духовной жизни сопровождался потерей нравственных ориентиров, нарастающей бездуховностью. Изображая лицо реальной действительности, Б. Гаунов «отбирает» в нем по преимуществу существенное, характерное, ведущее в конкретно историческом социальном проявлении. Сущность человеческого характера раскрывается не фотографически точным описанием, а посредством отбора и выдвижения наиболее главных, определяющих черт. Стремясь показать сущность изображаемого по возможности определеннее, выпуклее, писатель выдвигает и подчеркивает именно те стороны, которые с его точки зрения, выявляют эту сущность резче, нагляднее. При этом совокупность разнообразных, а иногда и противоречивых черт изображаемого человеческого характера подчиняется его ведущей особенности, которая, бросая свет на весь характер, придает образу ярко выраженное своеобразие.

Современный мир, направляющий все и вся на рельсы рыночного развития, сделал невозможным существование отдельных сфер культуры и образования. Воздействие на формирование современного человека новых моральных принципов, утверждающихся в жизни, ярко отражает в новелле «Насып щхьэрыуа» («Заблудившееся счастье») З. Налоев. Молодым и талантливым музыкантом, виртуозно играющим на национальном инструменте – шикапшине – заинтересовалась педагог Агата Демидовна, которая решила забрать с собой подающего надежды мальчика в Петербург, чтобы устроить в консерваторию. Но Мамуша на полпути решил вернуться в родное селение, где он заключил выгодную сделку с директором продуктового магазина: стал привлекать клиентов своей виртуозной игрой. Доводы бизнесмена Сократа окончательно убедили парня: «– Мо фи Іэбу льякьэмастэ отличнику еджатакьэ? ИтІани Іуниверситетым щІэхуаІым. Ахьшэ уиІэІым жаІэри кьыпрагьэхаш. –...Іэлиуас а Іуниверситетыр диплом плыжькІэ кьиухат, ауэ сыт хуэдэ кьулыкьу кьратар? Дыхьэ, хьэхэбасэу хэкум кьинэжа мыгьуэм... – ...Мо Музэчыр емьджэфу кьышІадзыжатэкьэ? Иджы мес, кьулыкьушІэшхуэ яшІауэ Нарткьалэ дэсщ, и жыпым ахьшэ кьольэльри... ЩІэныгьэри, дипломери кІэпІейкІэ нэхьурат и уасэжІым, уасэ зиІэр сыт? ЛэжьапІэфІ, кьулыкьуфІ, ахьшэфІ, благьэфІ... [Налоев 2014: 307]. («Вон ваш Абу был отличником, однако не поступил в университет. Сказали, что у него нет денег. Алиуас окончил университет с красным дипломом. Какой он занимает пост? Поинтересуйся, он остался не у дел. Остался на родине как бродячая собака бедный. А вот Музачир, которого исключили из университета, занимает солидный пост в Нарткале. Денег много. А что сейчас в цене? Деньги, карьера, связи. И дружба, и любовь – все можно купить, – продолжает он свои рассуждения». Тем более, что предприниматель обещал ему заработную плату в размере пяти тысяч рублей. В родном селе талант парня остался невостребованным: лишь иногда его приглашали на телевидение, при этом за работу ничего не платили. «Герой-повествователь дает возможность легко передать своеобразный взгляд на мир, все сфокусировать под единым углом зрения, или, как говорил М. Петровский, добиться единства аспекта» [Огнев 1973: 105]. Это единство достигается уже тем, что изображенные события пропущены через сознание рассказчика. Вызревание в действительности новых тенденций нашло отражение в размышлениях Сократа, который широко зарисовал типические обстоятельства, в которых формировался

человек нового времени, руководствуясь закономерностями реальной действительности. В этом монологе он обобщил то, что возникало и назревало, имело тенденцию закрепиться, победить, стать широко распространенным явлением. Залог успеха, по его мнению, это не образование, не красный диплом, а наличие денег, много денег. Сказанное объясняет, почему для бизнесмена Сократа виртуозная игра талантливого музыканта не столько искусство, сколько приносящий прибыль товар, точнее говоря, его гипертрофированный денежный эквивалент. Неуправляемая коммерциализация ориентировалась не на творческую личность, а на «гиперэкономического сверхрыночника», подыгрывая его узкоутилитарным интересам. Рынок превращал продукт духовной деятельности в товар, который должен быть продан по цене, обеспечивающей продавцу максимальную прибыль.

Сложившаяся ситуация способствовала девальвации духовности в обществе, росту презрения к духовно-нравственному и интеллектуальному началу в человеке, исчезновению из практики различных форм духовного совершенствования и в целом ценности духовного развития, поскольку успех личности в новом обществе определялся материальным статусом и внешними атрибутами его материального благополучия. «Отсутствие в общественном сознании напряженного разрыва между сферой мирского и трансцендентного, установка на компромисс между добром и злом, предельный прагматизм и погруженность в сферу материального не оставляли места для размышлений о надмирном Боге, несовершенности и бренности земного бытия. Убежденность в его завершенности и полноте мешала «раздвоению мира», противопоставлению несовершенных, земных, греховных дел вечным и абсолютным ценностям. В свою очередь это создавало предпосылки для утверждения ситуативной морали и нравственного релятивизма» [Кажаров 2012: 62]. Состояние психологической неудовлетворенности, ощущение собственной несостоятельности возникало в постсоветское время в силу того, что одно из двух базовых (высокое и низкое, духовное и материальное) начал становиться доминирующим, подавляя второе. Кризис человека был связан с ослаблением потребности в развитии духовных, сверхличностных начал. Иными словами, человек утрачивал психологическое равновесие, терял контакт с регулирующим центром своей души. Как и в жанре рассказа, в новелле шел напряженный духовный поиск. «Что с нами происходит?» – эпохальным оказался вопрос Василия Шукшина, составивший с извечными вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?» весьма значительную триаду. Национальные писатели видели и ставили своим творчеством весьма существенные вопросы. Они предвосхитили постановку многих проблем, убедительно предлагая разобраться, что же все-таки с нами произошло, происходит и как изменить жизнь к лучшему. Желание помочь духовному обновлению общества перерастает в конкретное действие. Отсюда напряженный нравственно-философский поиск и публицистичность. Повествовательные события рассматриваются как моральный или богословский казус, в котором маркируются прежде всего ситуация и абстрактная религиозная оценка конкретных поступков персонажей. Морализаторский элемент также присутствует в фабуле, в частности выражается в заключительной морали. В этом плане показательна новелла А. Кешокова «Къалэн» («Долг») мать, оставив маленьких и беспомощных детей, вышла замуж за обеспеченного мужчину, чтобы не утруждать себя воспитанием детей. Впоследствии, когда обеспеченный супруг захворал, она решила вернуться к детям. К этому времени они уже подросли и были в состоянии сами о себе позаботиться. В один из зимних дней она решила переехать к повзрослевшей дочери. Дорога к дочери была достаточно сложная и тяжелая. В памяти оживали слова сына: «УгушЦэгуншэтэкъэ, сабий быныр дькъызэхэнэу лъы ущыдэкЛуэм? УгушЦэгуншэтэкъэ? Ильэсиц фІэкІа мыхъуа уи сабий сьмаджэр и псэм еджэжу хэлъу уэ зыбгъэнысащІэу лэгъунэм ущыщІэсам?» [Кешоков 2006: 435] («Разве ты была не бессердечна, когда оставила нас и вышла замуж? Разве ты не бессердечна

была, в то время, как твой ребенок лежал при смерти, а ты радовалась тому, что – невеста?». Мать, не желая мириться с тем, что говорил, сын, убеждала себя снова и снова, что она выполнила свой долг перед своими детьми, служила верой и правдой своему мужу. Была уверена, что попадет в рай, что перейдет в иной мир с чистой совестью. Автор ввел характерный для новеллы сильный финальный акцент. Финал рассказа содержит моральный императив: автор вновь напоминает о Боге: «Алыхым жыхуи!ар хьунш...» («Будет так, как скажет Бог»). Эти слова отражают религиозное сознание автора, его убежденность, что все происходящее в мироздании предопределено благодаря всеобъемлющему знанию Всевышнего. Сюжет новеллы выстраивается таким образом, чтобы доказать читателю, что невозможно обмануть или обойти то, что предначертано судьбой. В Библии написано: «Мне отмщение, и аз воздам». Это означает, что человек не должен мстить за свои обиды, что наказывает человека только Бог. А. Кешоков развивает эту мысль, он подчеркивает, что наказывать человека может только Бог. Так и случилось: не дойдя до дочери, мать не вынесла холода и умерла. Вот как описывает эту картину автор: «Пльэмэ, и анэр зэщ!эштхьэри сытхьу трищ!эжауэ, мывэ сэрейр кьиштэу ирихьэжьэн хуэдэу тедиихьауэ тельш» [Кешоков 2006: 436]. («Смотрит, а замерзшая мать, покрытая инеем, лежит на земле, словно хочет схватить камень и унести с ним»). Автор неслучайно обратился в рассказе к образу камня, с которым у многих народов связаны представления о плодородии и рождаемости. Через образ камня автор подчеркивает, что Бог наказал мать за ее равнодушие к детям.

И Р. Ацканов обращается к углубленному изучению бытия человека, к осмыслению его места в системе мироздания. Его увлекает таинственное, необъяснимое в окружающей действительности, он проявляет интерес к проблемам психического, бессознательного, иррационального. В новелле Р. Ацканова «Уимы махуэ» («Не твой день») семья не может понять, почему Бог не дает им детей. Автор художественно применяет интересный прием – прием сновидения, позволяющего ответить на вопрос, который так мучил главного героя. Алибек видит во сне, как поднимается по какой-то лестнице. Он чувствует усталость, понимает, что силы на исходе, но остается непреклонен: во что бы то ни стало ему надо добраться до самого верха, у него такое ощущение, что от этого зависит вся жизнь. Когда он поднялся на самый верх, он увидел одну единственную дверь. Дверь открыл солидный мужчина в белом халате. Алибек сходу задает ему вопрос: «Си сабийр дэнэ здэпхьар?» [Ацканов 1993: 121] («Куда ты дел моего ребенка?»). В этот момент сон закончился.

Но ответы на свои вопросы семейная пара все-таки получила. Жена главного героя Марина вспомнила, как украла у собаки новорожденных щенков, неожиданно ее посетила мысль: «А гуэныхьыр армырауэ п!эрэ ар езыр зымыгьэк!уар?» [Ацканов 1993: 121] («Может, она расплачивается за свой грех?»). Алибек вспомнил, как оставил свою бывшую девушку Лену. Вдобавок ко всему у него, как оказалось, рос сын, о существовании которого он даже не догадывался. Философско-эстетической основой поэтики сна в романтическом искусстве явился принцип двоимирия. Сон был связан с поэтикой тайны, воплощал второй, отличный от реальной жизни, мир фантастического, ирреального, мистического. Автор наполняет символ лестницы мифологической семантикой: «потаенная» и «темная» лестница, по которой поднимается главный герой, как отмечалось нами ранее, открывает путь в некий иной мир, иное измерение. Там он знакомится с загадочным человеком в белом одеянии, который дает ему осознать, почему Бог не дает молодой семье детей, о которых они мечтают. Поставленная в этой новелле проблема рока свидетельствует о невозможности чисто рационального постижения действительности, о таинственности человеческих взаимоотношений. Потусторонний мир неустанно напоминает человеку: за добро воздается добро, а на зло отвечается злом.

Таким образом, события развертываются в новеллах так, как это необходимо, прежде всего, для выявления авторского отношения к изображаемым фактам жизни. Все изображенное так или иначе подчиняется авторскому голосу. Этой же цели служит образ повествователя. Ясно обозначенное на протяжении всего повествования авторское сознание делает рассказ монолитно монологичным. Используя формулу М. Бахтина, можно сказать, что в нем «слово заключено в твердую оправу авторских слов о нем», «самосознание героя – только момент его твердого образа» [Бахтин 1986: 135]. Причем, в новелле иное соотношение между автором и героями. Личность писателей, их мировоззрение, их идейный замысел просвечиваются в произведении через образную ткань, в самом характере освещения поступков. А.П. Чехов считал, что в художественных произведениях не должно быть публицистики, что необходимо избегать открытых нравоучений и открытых оценок своим героям. Однако такая особенность была обусловлена самим временем. Чтобы правильно разобраться в сложных жизненных противоречиях времени, читатель особенно нуждался в известной подсказке со стороны писателя.

Таким образом, по сути дела, писатели говорили об одном и том же, разными путями идя к одной цели – восстановлению утраченной целостности бытия, утверждению высокого нравственного закона.

Источники и литература

1. *Ацкъан Р.Х.* Уэсэхэр. Новеллэхэр (Стихи. Новеллы). Нальчик: Эльбрус, 1993. 317 с.
2. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 541 с.
3. *Ефремова Е.И.* Маргинальность как фактор социокультурной динамики [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/marginalnost-kak-faktor-sotsiokulturnoy-dinamiki> (дата обращения: 15.03. 2020).
4. *Гуревич П.С.* Культурология. М.: Гардарики, 2006. 274 с.
5. *Гъэунэ Б.Х.* Фэепль (Память): рассказы, повесть, очерки. Нальчик: Эльбрус, 2002. 279 с.
6. *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. 2012. 84 с.
7. *Къыщокъуэ А.П.* Лъапсэ (Корни): новеллы. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Нальчик: Эльбрус, 2006. 552 с.
8. *Мэзыхъэ Б.Б.* Бжьыхъэ макъамэхэр (Осенние мотивы): новеллы, очерки, зарисовки. Нальчик: Эльбрус, 2008. 168 с.
9. *Нало З.М.* Избранное: новеллэхэр (новеллы): в 3-х т. Нальчик: Эльбрус, 2014. Т. 1. 464 с.
10. *Огнев Л.В.* О поэтике современного русского рассказа. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1973. 217 с.

DIFFERENT APPROACHES TO RECOVERY THE LOST INTEGRITY OF ETHNOS' EXISTENCE (Based on materials from Kabardian short stories)

Betuganova Elena Nartshaovna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Cherkess Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), betuganovaelena@yandex.ru

In the second half of the 1980s – early 1990s, and then in the post-Soviet period, Kabardino-Circassian prose is undergoing changes associated with changes in socio-political Russia. Writers are becoming more publicistic: they are concerned with the causes of the social crisis that was going through. The very topicality dictates such forms. In the works of artists of the studied period, there is a strenuous search for spiritual and moral guidelines. The article reflects how

Kabardino-Circassian authors Express their own attitude to the crisis phenomena that affect society in the conditions of socio-political uncertainty. At the same time, the work indicates what the writers associate with the way out of the crisis, and what ways to overcome the social and spiritual crisis they offer.

Keywords: Post-Soviet era, Kabardino-Circassian writers, B. Mazikhov, B. Gaunov, social, psychological, time, transitional, marginal, V. Kazharov, R. Atskanov.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-108-114

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ К БИОГРАФИИ А.А. ШОГЕНЦУКОВА (К 120-летию классика кабардинской литературы)

Хакушева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), dinaarma@mail.ru

Статья посвящена новым сведениям биографии классика кабардинской литературы Али Асхадовича Шогенцукова, первого профессионального литератора, творчество которого явилось результатом ассимиляции базовых основ многовекового развития черкесской культуры. С другой стороны, его творческое наследие, художественные открытия обусловили процесс становления нового типа художественного национального сознания.

Значимость творческой эволюции поэта заключается не только в формировании и развитии его творческой индивидуальности, но и значительном влиянии на становление самой национальной литературы. Речь идет не только о высокой степени преемственности знаковых элементов, предшествующих эпистем национальной культуры, к которым восходит творчество поэта XX века, но и о том, что в его художественном мире на глубинном уровне встретились и пересеклись Запад и Восток, Россия и Кавказ, ислам и социализм. Этим многообразием слагаемых объясняется значимость и противоречивость его творчества.

Статья содержит новые факты, объясняющие отсылку на фронт классика кабардинской литературы А. Шогенцукова, которые долгое время не оглашались по идеолого-политическим соображениям. Сталинские репрессии, которые затронули практически все окружение поэта, нашли концептуальное документальное подтверждение и явились непосредственной причиной его отправки на фронт. Приводятся архивные материалы, раскрывающие обстоятельства пребывания в немецком плену и проливающие свет на выдающиеся личностные характеристики, которые стали очевидными в пограничной ситуации.

Ключевые слова: художественная эволюция, национальная литература, политический режим, сталинские репрессии, архивные материалы, концлагерь, новая реальность.

Говоря о литературном процессе XX века и месте в нем кабардинской литературы, следует иметь в виду, что его эволюция была бы невозможна без художественного опыта Али Шогенцукова.

Значимость творческой эволюции поэта заключается не только в формировании и развитии его творческой индивидуальности, но и значительном влиянии на становление самой национальной литературы. Ученик баксанских просветителей, Али Шогенцуков в своей творческой судьбе воплотил высшие общечеловеческие идеалы, оставаясь преданным сыном своего народа. Таким образом, художественный мир кабардинского поэта становится равновеликим многовековой адыгской культуре. Выросший на стыке многообразных культур, кабардинский поэт оказывается своим для любой из них, оставаясь при этом глубоко национальным. Основа поэзии Али Шогенцукова, генезис жанровой системы, особенности поэтики, мифо-фольклорные заимствования берут свое начало в художественных традициях народных певцов – джегуако [1].

А.А. Шогенцуков родился в октябре 1900 года в селении Старая Крепость в многодетной семье Асхада Шогенцукова. Отец будущего поэта умер еще до Октябрьской революции, а родной брат Али Шогенцуков в 1918 г. служил в белой армии. Семья имела хороший достаток, отец служил старостой села. В формировании мальчика определяющим оказалось влияние деда Пшикана Шогенцукова, известного сказителя, прекрасного знатока устного народного творчества. Становление юного поэта проходило в период формирования баксанского просветительского движения, которое связано в первую очередь с именами А. Дымова и Н. Цагова.

Н. Цагов вернулся на родину из Турции в конце 1913 года, чтобы по предварительному договору преподавать арабский язык и другие предметы в Баксанском медресе. Но местные князья Атажукины, остерегаясь распространения революционных идей, не оказали поддержки молодому преподавателю. Учитель Цагов впервые за время существования медресе начал преподавать естествознание, арифметику на родном языке. Однако новая система обучения мало отвечала интересам мусульманского образования. Вскоре молодой Цагов был отстранен от работы руководством школы. А. Шогенцуков, ученик медресе, с возмущением воспринял отстранение любимого учителя, публично выступил в его защиту и был за это отчислен.

Вскоре в Кызбуруне Н. Цагов организовал свою школу, куда поступил исключенный из медресе сохта А. Шогенцуков. Через год его, как примерного и преуспевающего ученика, отправили учиться в Темир-Хан-Шуру (ныне г. Буйнакск, Дагестан), на семимесячные курсы, готовившие учителей. Свое дальнейшее образование юноша продолжил в Крыму, в Бахчисарайском педагогическом училище. На этом этапе Шогенцукова застала Февральская, а затем Октябрьская революции. Началась Гражданская война и, не имея возможности вернуться на родину, он вынужден был эмигрировать в Турцию. Новая страна встретила его неприветливо. Юный Шогенцуков не смог поступить в педагогическое училище, начал работать грузчиком в порту.

С черкесами-соотечественниками юношу свел случай, – они оказались рядом, когда с ним случился голодный обморок в стамбульском порту во время работы. С их помощью Али Шогенцуков поступил в педучилище, начал принимать участие в работе черкесских клубов. Вероятно, идея установить связь с их наиболее активными деятелями принадлежала самому Н. Цагову, которых он мог рекомендовать юноше до отъезда. Вскоре появилось первое стихотворение «В турецком саду», написанное в Стамбуле.

В 1908 году под руководством младотурок было сформировано конституционное правительство. Придя к власти, младотурки стали придерживаться реакционных позиций и установили в стране диктаторский режим. Кроме проведения реформ они проводили гонения на нетурецкие народы. Умонастроение молодого Н. Цагова созвучно той атмосфере в адыгских клубах, которая царил в то время. Их лидеры инициировали дух национальной и культурной независимости среди черкесских эмигрантов, что являлось одной из форм протеста против политики пантюркизма. Подобные мотивы звучат в другом стихотворении, написанном вскоре после первого – «Чингизово черное знамя...».

Вскоре в детском журнале на турецком языке было впервые напечатано стихотворение юного Али Шогенцукова «Нана».

В мае 1919 года юноша возвратился на родину, но вскоре отбыл на годичные «Восточные политические курсы» в Баку. По окончании учебы его направляют в Дагестан для работы в органах ЧК. Вскоре молодой поэт вернулся на родину и начал сотрудничать с газетой «Красная Кабарда».

С 1923 года А. Шогенцуков решил посвятить себя учительству. Он начал работать в сельской школе, открытой в родном ауле. С утра до позднего вечера

приходилось ходить по домам односельчан и бороться за каждого ученика, а заодно разъяснять роль и значение просвещения. Требовалось преодолеть невозможное: вызвать сдвиг в массовом сознании крестьян, пробудить тягу к знаниям. Год спустя после создания в 1924 году национальной письменности начала выходить газета «Карахалк» («Беднота»), которая ранее называлась «Красная Кабарда». Сохранив преемственность, она выходила на 4 языках: русском, еврейском, кабардинском, балкарском. Вокруг печатного органа стали группироваться молодые литераторы. На страницах газеты (кабардинская версия) одна за другой выходили стихи А. Шогенцукова, публицистические статьи, в которых автор рассказывал о необходимости образования, роли сельского учителя, создания литературного языка. Этим проблемам были посвящены статьи «Вчера и сегодня», «Наш язык нетрудно возродить», «Ученье – свет», «Кто душой ближе к народу» и другие.

А. Шогенцуков напряженно работает над составлением программ для начальной школы и школ ликбеза, учебников и пособий, методических рекомендаций для учителей, штат которых был еще очень ограничен.

Одновременно Шогенцуков проводил большую работу по сбору, систематизации и изучению устного народного творчества, выезжая по воскресеньям в другие села, в которых проживали известные старики-сказители.

В 1927–1929 годах Шогенцуков работал в Баксанской сельскохозяйственной школе преподавателем кабардинского языка, а затем и директором. В конце 1929 года он получил назначение на должность инструктора-методиста Баксанского района, где проработал вплоть до 1934 года.

В 1935 году Али Асхадович был назначен директором Верхнекуркужинской неполной средней школы. В 1936 году с согласия областного отдела народного просвещения он переходит в Союз писателей Кабардино-Балкарии. К этому времени были написаны «Зимняя ночь», «Мадина», «Пуд муки», «Камбот и Ляца», «Под старой грушей». В связи с новым назначением Шогенцуков с семьей переехал в Нальчик и поселился в Вольном Ауле, в доме Карашая Гешева.

Переходный этап, становление социалистических основ жизни приобретали небывалые, непривычные формы для традиционного, патриархального уклада кабардинцев: начальный этап урбанизации, становление города, формирование первых национальных культурных центров и городской творческой интеллигенции – вот лишь малый перечень в кругу острых противоречивых преобразований 30-х годов. Так, впервые был создан национальный театр, формирование которого проходило в сложных условиях: отсутствие опыта, традиционная устойчивая адыгская мораль, которая ассоциировала театральную роль с «низким» амплуа ажигафа, общее недоверчивое отношение к театральным жанрам, особенно с женским участием. Однако вопреки этим обстоятельствам сложилась талантливая молодая труппа артистов первого национального театра, и Шогенцуков был приглашен в качестве литературного консультанта. Для только что созданного ансамбля песни и пляски он написал множество песен на музыку композитора А.М. Аврамова. Такие стихи, как «Накулен», «Колыбельная», «Хамид», «Лина-трактористка», «Стахановцы» и др. были переложены на музыку и стали народными песнями. Шогенцуков перевел на кабардинский язык значительное число советских песен, в частности, песни на стихи С. Алимова, М. Исаковского, несколько десятков русских народных песен. Большое значение поэт придавал развитию оперного искусства, обратившись к замечательным русским традициям: начал переводы текстов из оперы Рубинштейна «Демон», «Ходим мы к Арагве светлой», из оперы Мусоргского «Хованщина» – «Поздно вечером сидела».

В 1940 году А.М. Аврамов и А.А. Шогенцуков начали работу над созданием первой национальной оперы. Либретто было подготовлено поэтом, в его основу легла драма «Кызбурун». В архиве поэта сохранилось девять арий. До нас дошла только одна песня для хора «Песня рабов», в которой была использована адыгская народная песня (Х. Хавпачева, 2000).

А.А. Шогенцуков отводил театру особое место в развитии национальной культуры, принимая в его работе самое активное, непосредственное участие. Обладая тонкой художественной интуицией, прослушивал первые постановки, присутствовал на репетициях, помогал молодым режиссерам и актерам. Прекрасный знаток кабардинского языка и фольклора, он тесно сотрудничал с мелодистами и музыкантами в обработке народных песен и наигрышей; с хореографами и артистами ансамбля песни и пляски – в первых сценических постановках национальных танцев. Зимой 1934 года ансамбль песни и пляски выезжал в Москву. Кабардинским ансамблем заинтересовался М. Горький, принимавший артистов у себя на даче. В дальнейшем произведения самого поэта получили театральное воплощение. В 1950 году на сцене кабардинского национального театра А. Шортановым был поставлен спектакль «Камбот и Ляца» по мотивам романа Али Шогенцукова. В начале 50-х годов композиторы М. Балов и Т. Шейблер независимо друг от друга начали работать над созданием национальной оперы, однако на протяжении двух десятилетий были написаны лишь отдельные музыкальные номера. В результате длительных творческих усилий в 1969 году была закончена полная версия первой национальной оперы, написанной в классическом стиле. На либретто Х. Хавпачева в 1950 году музыку написали М. Балов (первые два акта) и Х. Карданов (3 и 4 акты). Премьера оперы «Мадина» состоялась на сцене Государственного Музыкального театра 18 апреля 1970 года.

В 1961 году постановлением Совета Министров республики Кабардино-Балкарскому театру было присвоено имя А.А. Шогенцукова, это событие было отмечено постановкой спектакля по поэме Али Асхадовича Шогенцукова «Мадина».

В 2001 г. композитором Вл. Моловым была написана опера «Камбот и Ляца» по одноименному роману в стихах Али Шогенцукова. Премьера состоялась в Музыкальном театре в 2001 году.

Правительство республики высоко оценило вклад А. Шогенцукова в развитие кабардинской национальной культуры. Указом Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР от 20 ноября 1939 года за выдающиеся заслуги в области создания и развития национального искусства кабардинского народа А.А. Шогенцукову было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств КБАССР».

В 1939 году А. Шогенцуков избирается депутатом Нальчикского городского Совета. В этот период он ведет активную общественную работу, ежедневно принимая избирателей, действенно реагируя на их нужды.

Пристальный интерес и любовь кабардинского поэта к классической русской, советской и национальной литературе воплотились в переводах М. Горького («Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике»), И. Крылова («Ворона и лисица»), произведений К. Хетагурова, Т. Шевченко, В. Маяковского, С. Алимова, Ф. Канатова.

Этот период был отмечен ужесточением политики сталинских репрессий. По стране проводилась тотальная чистка «врагов народа». Под этим лозунгом был по существу уничтожен цвет национальной творческой интеллигенции республики, активно мыслящих людей, которые ясно понимали цели и задачи своего народа, могли видеть пути развития национальной культуры.

Имея за плечами годы обучения в «капиталистическом зарубежье» (существует мнение, что после учебы в Турции А. Шогенцуков возвращался домой через Францию), формируясь и взаимодействуя с «неблагонадежными», большая часть которых оказалась репрессированной, не боясь свободно высказываться и действовать, обладая высокой степенью независимости и бескомпромиссности, А. Шогенцуков сразу привлек к себе внимание органов НКВД. В 1928 году он был исключен из профсоюзов, причиной явилась работа в медресе. В 1932 году политическая «неустойчивость» поэта была усугублена тем, что он выступал

против образования колхозов: «Будучи в 1932 г. инспектором Баксанского района, Ш. высказывал антиколхозные настроения» (Архивные материалы на Шогенцукова А.А. Гос. архив КБАССР Фонд 1, опись 1, дело 2103, с. 2). Очевидно, по этой же причине фамилия его не значилась в списке делегатов 1 съезда писателей Кабарды 1933 года.

Соответственно, Шогенцуков не попал на Первый Всесоюзный съезд советских писателей в 1934 году. Х. Теунов писал: «Большим событием в жизни поэта был Первый Всесоюзный съезд советских писателей, который проходил при самом непосредственном участии и под руководством Алексея Максимовича Горького. Шогенцуков, когда работал в органах народного просвещения, его почему-то не послали на съезд...» (Х. Теунов, 1955).

За поэтом была установлена слежка, которая очень осложняла его жизнь. А. Шогенцукова неоднократно предупреждали об ожидаемом обыске его квартиры, и поэт каждый раз собирал все свои рукописи, увозил их в Баксан и сжигал те из них, которые ему казались наиболее опасными.

Из архивных материалов следует, что «Шогенцуков имел связи с участником ликвидированной в 1937 г. контрреволюционной буржуазно-националистической организации – Налоевым Джансохом» (Архивные материалы на Шогенцукова А.А. Гос. архив КБАССР. Фонд 1. Опись 1. Дело 2103. С. 2). Талантливый ученый, литератор, мыслитель, директор научного института КБАССР, Дж. Налоев был расстрелян в 1937 году, когда ему было едва за тридцать.

Арест «врагов народа» в 1937–38 гг. Шогенцуков рассматривал как уничтожение передовых слоев общества – образованной молодежи. «...Думают ли руководители Советской власти методом запугивания и беспощадного подавления всякой живой мысли сделать что-либо полезное для России» [2: 3]

На самом деле, обстоятельства поспешной мобилизации поэта в ряды Красной Армии в начале Отечественной войны долгое время до конца не были выяснены. Станным казался и тот факт, что А. Шогенцуков, занимая ответственное общественное положение в республике, на тот момент являясь председателем Союза писателей, не получил бронь. Однако недавно стали ясны подробности его призыва на фронт. В подъезде, в котором на первом этаже по улице Горького 35 проживала семья Шогенцуковых (ныне квартира превращена в дом-музей), этажом выше жил военком, который возглавлял республиканский военный комитет.

В один из вечеров Али Шогенцуков, приглашенный соседом-военкомом «на чай», поссорился с ним. Речь зашла о Русско-Кавказской войне. Когда беседа вошла в опасное русло, Али Асхадович прямо назвал это событие оккупацией Северного Кавказа, в том числе его родины Кабарды, что оно является военным преступлением, поскольку произошло массовое убийство и депортация всего оставшегося населения черкесов в Турцию.

Эти сведения сообщила супруга Али Шогенцукова, Шаидат Батоковна первоначально исследователю жизни и творчества кабардинского поэта Хакуашеву А.А. В то время он был аспирантом, эти сведения были им записаны и все это время находились в его личном архиве. Они не были оглашены по той причине, что для середины XX века была характерна довольно жесткая цензура, и книга об Али Шогенцукове бы не вышла. Все последующие годы данная причина не разглашалась исследователем по известным идеолого-политическим соображениям. Этот факт публикуется впервые с разрешения А.А. Хакуашева.

За несколько лет до начала войны А. Шогенцуков заметил за собой слежку, и это имело свои причины. Его учителями, как было отмечено, были Нури Цагов, Адам Дымов, которых преследовало НКВД. Адам Дымов был дважды арестован и в 1937 году расстрелян.

Не последнюю роль в совокупности причин, инициировавших интерес НКВД, сыграл факт происхождения кабардинского поэта. Согласно архивным документам,

найденным кфн КБГУ А. Абазовым в ЦГА КБР, Али Шогенцуков был уоркско-го (дворянского) происхождения [3].

Этот факт в свое время был фальсифицирован, А.А. Шогенцуков получил статус «пролетарского поэта» в соответствии с негласными требованиями идеологии начального советского периода.

А. Шогенцуков считал, что в условиях современного ему политического режима нет свободы, о которой он мечтал, чтобы «можно было писать то, что хочется сердцу».

После отправления на фронт в доме поэта со слов его жены оставался «мешок бумаги», исписанной стихами и поэмами. Али Асхадович завещал опубликовать эти произведения, если не вернется с войны. Мешок с рукописями перевезли в Баксан, но после войны они были утеряны наряду с поэмой «Кызбурун».

После выматывающего неусыпного контроля со стороны органов НКВД он встретился с Беталом Калмыковым, который заверил А. Шогенцукова, что очень ценит его творчество, что с первым поэтом Кабарды ничего не случится. Эти слова оказались пророческими: пока был жив Б. Калмыков, Али Шогенцуков был в безопасности. Скорее всего, это было связано с тем, что республике требовался «первый поэт», который автоматически приобретал статус «неприкасаемого». Калмыков погиб в начале 1940 года, оказавшись жертвой «красного террора», активно поддерживаемого им же, и возобновившаяся «репрессия» Али Шогенцукова заключалась в отправке на фронт. Вполне возможно, что «дружба» соседа-военкома была продемонстрирована с целью спровоцировать ссору, вызвав поэта на обсуждение самой уязвимой темы для любого прогрессивного черкеса. Так, очевидно, был «разыгран» повод, чтобы избавиться от неугодного. Вероятно, представителями органов были учтены даже особенности личности Али Шогенцукова, известного своим горячим непримиримым нравом.

Друзья Али Шогенцукова пытались помочь ему, то есть хотели ходатайствовать перед руководством республики отменить решение послать его на фронт. Но это предложение Шогенцуков категорически отклонил, возразив, что он такой же простой человек, как и все, и должен с оружием в руках защищать свою страну.

Вскоре ему вручили повестку, и Шогенцуков был зачислен в строительный батальон. Железнодорожный состав, в котором следовал на фронт поэт, под Полтавой остановили, бойцам приказали убирать коноплю. В это время был сброшен немецкий десант, безоружных бойцов пленили, а позже стало известно, что военнопленных перебросили в Бобруйский концлагерь на территории Белоруссии.

Пленных перевозили в вагонах для скота. По пути следования не кормили. По свидетельству соотечественника Али Шогенцукова Лалу Хафизова, который оказался в этом вагоне, а затем в концлагере вместе с поэтом, Али Шогенцуков заставил поделить буханку хлеба, чтобы предотвратить хаос и драку голодных людей в вагоне: «На одной из станций в наш вагон бросили через окно буханку хлеба. Вырывая друг у друга хлеб, мы вдруг услышали грозный голос, от которого все замерли. Он принадлежал черноглазому худощавому мужчине небольшого роста. Это был Али Шогенцуков, с которым я ранее не встречался. Я в жизни не забуду Али и силу его голоса... Надзиратели... удивлялись стойкости характера, упрямству и гордости этого невысокого, худощавого человека. Только потом я понял, что из-за уважения к нему надзиратели не заставляли нас, адыгов, делать «недостойную» работу» [4]. Со слов этого же свидетеля, заключенных заставляли дробить камни. «Однажды, возвращаясь с работы, мы увидели кабардинского парня, чистящего немцам сапоги. Увидев это и побледнев, Али сказал: «По сравнению с тем, что ты делаешь, дробление камня не тяжелее спичечного коробка, – и дал ему пощечину. Немец и два надзирателя схватили Али и бросили в камеру с каменными стенами без окон... У нас на первом месте были адыгский этикет и гордость. Мы следили за собой, немцы не говорили с нами... на повышенных тонах. Было

очевидно, что нас больше уважают, и в этом была большая заслуга Али» (*там же*). Али отказывался от баланды, которой кормили узников концлагеря, слабел день ото дня. Офицеры-нацисты, знакомые с досье каждого заключенного, предлагали поэту сотрудничество, очевидно, чтобы использовать его влияние на соотечественников. Но каждое предложение он решительно отвергал, после отказа следовали истязания. Он умер, не выдержав пыток и избиений.

Али Асхадович погиб в ноябре 1941 года и был захоронен, по свидетельству нескольких очевидцев, в окрестном лесу неподалеку от Бобруйского концлагеря.

В настоящее время в Бобруйске трепетно хранят память о кабардинском поэте: работает библиотека имени А.А. Шогенцукова, в которой в том числе хранятся его книги, в городском музее жизни и творчеству Али Асхадовича посвящена отдельная экспозиция, Нальчик и Бобруйск объявлены городами-побратимами.

А. Шогенцуков, ровесник XX столетия, стал свидетелем великих и трагических катаклизмов, социальных потрясений, которые явились началом коренной ломки всей государственной машины России. Кровавое воскресенье, Февральская и Октябрьская революции 1917 года, Первая мировая, Гражданская война, раскулачивание, коллективизация, сталинские репрессии, Вторая мировая война – вот далеко не полный перечень драматических глобальных событий, свидетелем и участником которых стал поэт. Это был период политического, социального и культурного кризиса Кабарды после Русско-Кавказской войны. Кабардинский поэт оказался под прессингом драматических событий переходного периода в культуре. Фольклорные традиции оказались на грани полного исчезновения. Адыги пребывали в культурном «вакууме», вызванном целым рядом причин, в первую очередь, резким сокращением адыгского народонаселения, возникновением огромной черкесской диаспоры сначала на территории Турции, а затем во всех странах Ближнего Востока, Азии, Африки, Европы и Америки. Одновременно с отмиранием былой культуры не было создано другой, не сформировался фундамент новой черкесской литературы, эстетически значимого литературного языка. Эти невероятные трудности адаптации к совершенно новой, еще не сложившейся действительности, пришлось на период формирования первой адыгской интеллигенции. Именно ей предстояло осмыслить противоречивую, новую реальность на всех уровнях – от социального до этико-эстетического и философского.

Источники и литература

1. Хакуашева М.А. Современный литературный миф: генезис и тенденции. Вестник АГУ. Серия «Филология и искусствоведение». Майкоп, 2016. № 3.
2. Гос. архив КБАССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2103. С. 2.
3. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 4. Л. 69.
4. Хабар о последнем слове // Журнал «Дружба народов». № 5. 2015.

NEW INFORMATION ABOUT THE BIOGRAPHY OF A.A. SHOGENTSUKOV (To the 120th anniversary of the classic of kabardian literature)

Khakuasheva Madina Andreevna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Cherkess Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dinaarma@mail.ru

The article is devoted to new information about the biography of the classic Kabardian literature Ali Askhadovich Shogentsukov, the first professional writer, whose work was the result of assimilation of the basic foundations of the centuries-old development of Circassian culture. On the other hand, his creative heritage and artistic discoveries led to the formation of a new type of

artistic national consciousness. The significance of the poet's creative evolution lies not only in the formation and development of his creative personality, but also in a significant influence on the formation of national literature itself. It is not only a high degree of continuity of the iconic elements of previous epistem national culture, which dates back to the work of the poet of the XX century, but that in his artistic world at a deep level was found and crossed the West and East, Russia and the Caucasus, Islam and socialism. This variety of terms explains the significance and inconsistency of his work. The article contains new facts that explain the reference to the front of the classic Kabardian literature A. Shogentsukov, which for a long time were not disclosed for ideological and political reasons. Stalin's repressions, which affected almost the entire environment of the poet, found conceptual documentary evidence and were the direct reason for his sending to the front. Archival materials are provided that reveal the circumstances of being in German captivity and shed light on the outstanding personal characteristics that became apparent in the border situation.

Keywords: artistic evolution, national literature, political regime, Stalinist repressions, archival materials, concentration camp, new reality.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-115-122

К ИЗУЧЕНИЮ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ АДЫГСКОГО ЭПОСА

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

В создании особого характера изложения, отличающего эпическое произведение от образцов других фольклорных жанров и обеспечивающих эстетическую функцию как основную, важное значение имеет эпический стиль. При всех иных расхождениях, он свойствен как поэтическим текстам эпоса, так и прозаическому повествованию. Для героического эпоса особый стиль не только характерен, но в немалой степени является одним из его атрибутивных признаков. Что он собой представляет, как и благодаря каким художественным приемам формируется – проблема, на адыгском материале до конца не исследованная, но требующая своего изучения. Особое значение имеет также проявление стиливых особенностей в разных субэтнических версиях эпоса, поскольку оно обеспечивает этнокультурное единство массы носителей традиции. Отдавая себе отчет в том, что решить столь сложную задачу в одной небольшой статье практически невозможно, автор статьи считает целесообразным вначале подвести некоторые итоги изучения стилистических особенностей обеих разновидностей адыгского эпоса, архаического и историко-героического. Только затем, как можно полагать, открываются перспективы к тому, чтобы со всей определенностью обратиться к установлению наиболее перспективных направлений, в которых целесообразно изучать данный феномен на конкретном материале героических песен и сказаний.

Ключевые слова: героический эпос, историко-героические песни, стилистика, поэтический язык, комплексный анализ.

Известное суждение о том, что история стилей определяет историю жанров, проистекает из того, что стиль есть важнейшая особенность жанра как такового. Действительно, во многих случаях бывает не настолько важно то, что сказано, насколько существенно то, как это сказано. Вместе с тем есть одна особенность, которая может быть признана общей и обязательной для всякого текста, чтобы он назывался художественным.

Один из фундаментальных принципов образования художественного текста был предельно лаконично сформулирован Аристотелем в его «Поэтике»: «Достоинство речи – быть ясной и не быть низкой» [Аристотель 1978: 149]. Это сказано именно о языке художественного произведения. Первое условие, «быть ясной», как представляется, не требует пространных толкований: поэтический текст, как явление, рассчитанное на восприятие слушателя или читателя, должен быть доступным настолько, чтобы слушатель / читатель не ломал голову над раскрытием смысла, а, не сильно отвлекаясь на разгадывание скрытых смыслов, имел возможность получать удовлетворение от информации, призванной быть самодостаточной. Более сложным представляется содержание второй части фразы: «...и не быть низкой». Автор развивает эту идею следующим суждением: «...чудесное приятно: это видно из того, что все рассказчики, чтобы понравиться, привирают» [Там же: 155]. Иными словами, рассказчик вынужден для удержания внимания слушателей украшать речь долей своего вымысла или же образностью языка,

чему поэтическая фантазия обычно сопутствует. В «Риторике» Аристотель дает следующее толкование данного условия: «Удаленность <от привычного> заставляет <речь> казаться торжественнее: ведь люди получают от слога такое же впечатление, как от чужеземцев по сравнению со своими. По этой причине следует делать язык чуждым <...>: далекому изумляются, а то, что изумляет, приятно» [Там же: 171]. Если перевести слова древнегреческого философа на современную систему понятий, слово «чуждый» означает не просто использование непонятных слов и целых сочетаний. Это включение в текст таких лексических единиц, которые в обиходной, «низкой», речи менее употребительны или даже неуместны, но в поэтическом контексте выглядят свежо и привлекательно. Таким образом, были со всей определенностью сформулированы универсальные принципы, соблюдение которых является неременным условием создания феномена словесного искусства. При этом данные принципы универсальны для любого времени и фактически любой социокультурной и этноязыковой среды. Необходимым условием создания художественного текста ставится сочетание, с одной стороны, доступности для восприятия, а, с другой – новизны, импрессивности и даже необычности формы преподнесения информации.

Суждение Аристотеля принято не только его последователями, но, как можно считать, не оспаривается всеми, кто касался этой проблемы. Европейские и отечественные авторы подтверждали это на примере анализа особенностей языка художественного произведения на материале поэм Гомера, «Авесты», «Ригведы», «Эдды», других шедевров мировой художественной словесности, вплоть до произведений современных профессиональных писателей. Но особенно часто исследователи обращаются к образцам классического эпоса.

А.Н. Веселовский отмечает со всей определенностью: «Уже Я. Гримм, Э. Гофман и Гебель обратили внимание <...>: народ поет не на своих диалектах, а на литературном языке, либо на языке возвышенном, близком к литературному» [Веселовский: 1940: 358]. То же он отмечает в фольклоре других западноевропейских народов, оговаривая при этом, что этот феномен более характерен для героико-эпического стиля, но не настолько выражен в обрядовой лирике [Веселовский 1940: 359]. Также об особенном, отличном от обиходного, стиле художественного текста писали, часто с опорой на фольклорный материал и материал классического эпоса, Гельвеций, Гегель, В.Я. Пропп, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов, П.Г. Богатырев. Последний предложил специальный термин, «язык в его эстетической функции» [Богатырев 1973]. Любопытное замечание по данному поводу высказал Р.О. Якобсон. Он обратил внимание на то, что вне прямой зависимости от родного диалекта или говора самого сказителя, в его художественном изложении обнаруживается на уровне лексики, фразеологии, грамматического строя «немало особенностей, чуждых не только данному диалекту, но нередко и всей совокупности современного русского наречия» [Якобсон 1962: 88].

Особенности художественного языка освещались большинством авторов в связи с постановкой и решением смежных проблем, а не в специальных трудах. Несмотря на это, их отдельные заметки имеют важное значение для установления вектора анализа особенностей художественного языка в сравнительном плане с точки зрения не только лингвистической, что характерно для большинства работ, но общелингвистической и эстетической. Одна из специальных работ на затронутую нами тему – небольшое по объему исследование А.В. Десницкой на материале русской литературы и фольклора [Десницкая 1970]. В силу специфики темы и исследуемого материала ее работа выполнена на стыке нескольких смежных дисциплин – лингвистики, литературоведения и фольклористики. Для нас особенно важно, что под «наддиалектностью» автор подразумевает не абстрагирование от диалектной речи, а тенденцию преодоления двух разных факторов:

обеспечение общедоступности для носителей разных диалектов данного языка и особый «возвышенный», а вернее его эстетически ассимилированный вариант.

В кавказской фольклористике наиболее последовательно в данной области работали лингвисты З.Ю. и М.А. Кумаховы, которые с опорой на обобщающие суждения А.В. Десницкой и ряда других ученых занялись исследованием функциональных и эстетических особенностей языка адыгского фольклора. Первое монографическое исследование, которым начиналась серия трудов в данной области, была посвящена общим вопросам языкового стиля, где языку фольклора посвящалась отдельная большая глава, «Устно-поэтический стиль» [Кумаховы 1979: 26–130]. В ней авторы излагают исходные теоретико-методологические принципы, на которых базируется их основная научная концепция, и дают общую характеристику наиболее важных особенностей языка устной поэзии адыгов в сравнительном плане. Примечательно, что исследователи рассматривают фактический материал как в комплексе, так и дифференцированно – синтаксические, лексические, морфологические, фонетические особенности – фактически в русле тех наблюдений, которые относительно языка русского фольклора изложил Р.О. Якобсон. Отдельная часть главы посвящена устойчивым формулам в различных жанрах народной поэзии. Базой фактических материалов в большинстве случаев явились произведения архаического и историко-героического эпосов, хотя рассматриваются образцы и других жанров.

Следующая монография, «Язык адыгского эпоса. Нартский эпос» [Кумаховы 1985], это на конкретном материале дальнейшее развитие тех наблюдений и положений, разработка которых была начата в предыдущем исследовании. Как и явствует из самого названия, книга почти полностью посвящена языковым особенностям архаических эпических сказаний адыгов. Тем не менее, отдельная глава в ней посвящена углублению теоретико-методологических принципов, которые были изложены в предыдущей работе [Кумаховы 1985: 16–80]. Кроме того, прежде чем приступить к непосредственному анализу фольклорных текстов, исследователи посчитали принципиально важным внести ясность в такие смежные проблемы как генезис архаического эпоса адыгов, структурные особенности фактического материала, пространственно-временные отношения в системе эпических текстов [Там же: 81–128]. Таким образом, получилось системное исследование, в котором проблема языка и стиля рассматривается в достаточно широком контексте и на фоне обширного сравнительного материала. Такой подход способствовал более глубокому раскрытию темы. Благодаря ему авторам удалось на конкретных примерах установить основные закономерности формирования языкового стиля адыгского нартского эпоса. В частности, определены те атрибутивные особенности языка, которые позволяют признать художественный эпический текст не просто наддиалектным, но эстетически организованным целым, хотя как профессиональные языковеды З.Ю. и М.А. Кумаховы акцентируют внимание не на вопросах художественного восприятия, а на сугубо лингвистических аспектах. В развитие наблюдений, начатых ранее, они, как и в первой работе, выделяют синтаксические, лексические, морфологические и фонетические особенности и затем рассматривают их в комплексе. Это отнюдь не количественное накопление материала, а изучение всех значимых особенностей эпических текстов с привлечением богатейшего фактического материала. Результаты анализа, проведенного учеными, убедительно свидетельствуют о типологичности таких явлений, как особый, эмоционально маркированный возвышенный стиль эпического текста, проявляющийся в активном использовании сказителями устойчивых словесных блоков, параллельных конструкций, особой организации морфологической структуры слова и звуковой организации поэтического текста.

Третья и последняя по времени монографическая работа – «Нартский эпос: язык и культура» [Кумаховы 1998] включает серию изысканий, которые

проводились авторами в течение не менее, чем двух десятилетий. Непосредственно к теме нашей работы имеет отношение второй из двух больших разделов, составляющих названный труд, «Сравнительно-исторический анализ архаизмов и «темных мест» эпической лексики» [Там же: 191–288]. Заметим, что только слов и сочетаний, которые потребовалось вывести из разряда непонятных или труднообъяснимых, авторами проанализировано свыше 80 единиц, большинству из которых посвящены не просто краткие справки-комментарии, а полноправные самостоятельные исследования. Это потребовало не только экскурсов сугубо лингвистического характера, а и комплексного анализа в области истории, этнографии, эстетики, психологии. В основу его заложено суждение о том, что при изустной естественной актуализации эпического произведения, которое формировалось в течение многих лет, десятилетий, а часто и столетий, в тексте неизбежно встречаются слова и выражения, не употребляющиеся в данной среде. Это может возникнуть по причине их архаичности, принадлежности к узкопрофессиональной терминологии (например, к кузнечной, земледельческой, скотоводческой), локально ограниченных границ их употребления (диалектная лексика), иноязычного происхождения, искажения при естественной ретрансляции текста от одного исполнителя его преемнику или слушателю. В результате нескольких столетий устного бытования число «темных мест» накапливается, и установить их изначальное звучание и гамму значений оказывается делом сложным. Кроме того, иногда такие слова и фрагменты текста порою утрачивают свою семантическую функцию и остаются в тексте исключительно за счет гармонической звуковой организации, и это привносит в текст еще больше неясностей, приводя к искажениям смысла, но не обязательно разрушая при этом эстетическую оболочку произведения. Разобраться в каждом из подобных случаев в эпическом тексте – задача трудоемкая и требующая комплексного подхода. Супруги Кумаховы проделали эту работу не только относительно архаического эпоса, как они обозначили в названии своего исследования, но и с активным привлечением примеров из младшего, историко-героического эпоса и мифологической поэзии адыгов.

В результате проведенного анализа авторы последовательно установили общие закономерности образования эпического текста как эстетически организованного феномена и определили характер их конкретного проявления в разных жанрах фольклора адыгов, в том числе в архаической и младшей разновидностях народного эпоса. А в последней монографии они дали блестящие образцы историко-сравнительного анализа большинства «темных мест», встречающихся в вариантах адыгских эпических сказаний.

В центре их внимания были все же проблемы лингвистические, и решались они в основном на материалах записей нартских сказаний. К сожалению, чета замечательных ученых не успела с той же тщательностью проанализировать тексты историко-героических песен, но их отдельные наблюдения и общие теоретико-методологические принципы представляют надежную базу и образец для последующего исследования стиля произведений младшего эпоса.

К настоящему времени столь фундаментальных работ, посвященных песням и сказаниям историко-героического эпоса, на адыгском материале нет. Одна из причин этого заключается в том, что в течение всего времени собирания и изучения адыгского фольклора внимание ученых было обращено на запись полевых материалов, их публикации и исследования, прежде всего, «презентационного» характера: главной задачей было собрать и сохранить как можно больше аутентичных материалов, опубликовать их и представить научной и широкой культурной общественности. Изучение многих важных, но все-таки узко профессиональных вопросов стало возможным сравнительно недавно, и в данной области адыгская фольклористика редко где успела продвинуться достаточно далеко.

Тем не менее, отдельные интересные наблюдения над стилем народных песен имеются еще в фундаментальном издании «Кабардинский фольклор» под редакцией

Ю.М. Соколова и Г.И. Бройдо [Кабардинский фольклор 1936]. Один из составителей и основной научный комментатор издания М.Е. Талпа снабдил многие записи народных песен краткими комментариями, часть которых представляет собой весьма тонкие наблюдения над стилем и попытки прояснить трудные для перевода места в текстах. Эту тенденцию продолжила С.Ш. Аутлева, автор первой монографии, посвященной адыгскому историко-героическому эпосу: анализируя историю возникновения и художественные особенности отдельных песен, она делает ряд важных наблюдений над общими особенностями поэтики и стилистики эпоса в целом [Аутлева 1973]. Таковы же вышедшие позднее монографии Ш.Х. Хута [Хут 2005] и Р.Б. Унароковой [Унарокова 2004], которые посвящены более общим и не менее важным проблемам и касаются вопросов поэтического стиля только в связи с их постановкой и решением.

Ряд тонких наблюдений сделал З.М. Налоев в обширной вступительной статье к III тому серии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» [Налоев 1986: 28–34]. Так, например, характеризуя поэтические тексты песен, он обстоятельно анализирует типы параллелизмов и разновидностей повторов, наиболее часто употребительные при исполнении. Особое внимание уделяется им характеру взаимодействия партии солиста, инструментального и хорового сопровождения, роли ритмизирующих слов в песенном тексте, обращает внимание на стилистические особенности употребления слов и выражений, которые он выделяет как «смыслонесущие» и «несмыслонесущие», но обязательно повторяющиеся в поэтическом тексте. Первые, как явствует из значения слова, семантически значимы и призваны оказывать воздействие на эмоционально-оценочном уровне, определяя пафос и стилистику изложения. Лексические единицы второй группы обычно не несут выраженной семантической нагрузки, но они способствуют сохранению ритмического рисунка текста и тем самым также поддерживают единство стиля как высокого, в отличие от стиля обыденной речи.

Свой скромный вклад в изучение стилевых особенностей адыгского эпоса внес и автор настоящей статьи [Гутов 2013]. Как одно из первых по времени исследований на данную тему на материале адыгского эпоса мы успели только наметить основные тенденции в употреблении параллелизмов, а также синтаксических, лексических, фонетических повторов иного рода, а также таких приемов художественной организации текста как эпитет, метафора, гипербола, сравнение, в своей совокупности обеспечивающие речи художественное наполнение и определяющие ее поэтический стиль. Мы также отметили как одну из важных особенностей адыгского младшего эпоса тандем песни и прозаического повествования, вследствие чего песенный текст получает возможность стать значительно сложнее.

Одна из немногих специальных публикаций постсоветского времени – монография М.Б. Машуковой «Эпитет в адыгском фольклоре», в ней значительная часть исследования посвящена поэтическому языку нартского и историко-героического эпоса [Машукова 2007: 64–90]. Автору удалось на анализе песенных текстов проследить эволюцию слов, входящих в грамматическую категорию определения из обыденного речевого факта в статус эмоционально-оценочной единицы текста с выраженным эстетическим содержанием.

Подводя итог нашему аналитическому обзору, надо признать, что проблема изучения художественного стиля адыгского эпоса, в особенности его младшей разновидности, остается на данном этапе во многом проблемой не разрешенной. В частности, предстоит определить в его целостности комплекс художественных приемов, которые обеспечивают поэтическому и прозаическому текстам их эстетическую значимость. За этим должен последовать анализ конкретных семантически значимых единиц языка, употреблением которых с наибольшей интенсивностью выражаются жанровая специфика явления и его этнокультурный колорит. Также ожидает своего достойного освещения проблема наддиалектности героико-

эпического текста. Нет сомнения, что она не прямо отражает тенденцию к формированию общеадыгского литературного языка, как это может быть с эпическими феноменами некоторых других народов, а имеет свою этнокультурную специфику. В частности, представляется важным учитывать роль института древних песнетворцев и исполнителей джегуако. По многим свидетельствам они с древних времен пользовались особым статусом во всей Исторической Черкесии, имели реальную возможность разъезжать по всему обширному краю – от северо-западного Причерноморья до Затеречной Кабарды, бывать в среде носителей всех диалектов адыгского языка. Естественно, они пели, рассказывали, устраивали целые представления отнюдь не на одном диалекте, а каким-либо образом подстраиваясь под аудиторию. Но именно то обстоятельство, что они выступали в роли своего рода медиаторов между носителями различных диалектов и говоров, было важным фактором сохранения адыгского фольклора как единого целого с определенными вариантами, но с одним ядром. Такое ядро составлялось из сказаний нартского эпоса, песен и преданий историко-героического эпоса, а также из произведений других жанров фольклора. Тот очевидный факт, что песни о событиях, произошедших в Кабарде или героях из этого края, были популярны в Западной Черкесии (таковы, например, песня об Андемиркане, о «Ночном нападении», о Кучуке Аджигирееве и мн. др.), а среди кабардинцев не менее популярными были песни о событиях и героях из Шапсугии, Бжедугии прочих отдаленных краев (песни о Хатха сыне Мухамете, о Бзиюкской битве, о сыновьях Пцатхала, об Андругском сражении и пр.), следует признать следствием мощного развития института вездесущих джегуако, которые в данном плане выполняли огромную по значимости этноконсолидирующую функцию. В этом свете можно рассматривать феномен наддиалектного характера стиля героических песен адыгов.

Источники и литература

1. Аристотель и античная литература. М.: Наука, 1978. 232 с.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Ленинград: Художественная литература, 1940. 648 с.
3. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973.
4. Богатырев П.Г. Язык фольклора // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 106–116.
5. Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Изд. 2-е. Нальчик: изд-во Кабардино-Балкарского госуниверситета, 2013. 219 с.
6. Десницкая А.В. Наддиалектные формы русской речи и их роль в истории языка. Ленинград: Наука, 1970. 97 с.
7. Кабардинский фольклор. Москва-Ленинград: Academia, 1936. 650 с.
8. Марьяна Машукова. Эпитет в адыгском фольклоре. Нальчик: 2007. 118 с.
9. Кумахова З.Ю., Кумахов М.А. Функциональная стилистика адыгских языков. М.: Наука, 1979. 360 с.
10. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М.: Наука, 1985. 224 с.
11. Кумахов М.А., Кумахов З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998. 312 с.
12. Налоев З.М. Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. I. М.: Советский композитор, 1986. С. 5–34.
13. Унарокова Р.Б. Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 216 с.
14. Хут Ш.Х. Историко-героический эпос адыгов. Майкоп: Адыгея, 2005. 164 с.
15. Якобсон Р.О. О соотношении между песенной и разговорной народной речью // Вопросы языкознания. 1962. С. 87–98.

TO STUDY THE POETIC STYLE OF THE ADYGHE EPIC

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, Professor, Chief researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

In creating a special character of presentation that distinguishes an epic work from samples of other folklore genres and provides an aesthetic function as the main one, a specific epic style is important. With all other discrepancies, it is characteristic of both the poetic texts of the epic and the prose narrative. For the heroic epic, a special style is not only characteristic, but to a large extent is one of its attributes. What it represents, how and through what artistic techniques it is formed is a problem that has not been fully explored on the Adyghe material, but requires its own study. Of particular importance is also the manifestation of stylistic features in different sub-ethnic versions of the epic, since it ensures the ethno-cultural unity of the mass of traditional bearers. Realizing that it is almost impossible to solve such a complex problem in one small article, the author of the article considers it appropriate to first summarize some of the results of studying the stylistic features of both varieties of the Adyghe epic, archaic and historical-heroic. Only then, as we can assume, do the prospects open up for turning with all certainty to the establishment of the most promising directions in which it is advisable to study this phenomenon on the specific material of heroic songs and tales.

Keywords: heroic epic, historical and heroic songs, stylistics, poetic language, complex analysis.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-123-129

ФУНКЦИЯ ПЕСЕН И БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ АДЫГОВ (Вывод невесты из отчего дома)

Гутова Ляна Адамовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

В статье рассматриваются особенности вербального компонента в одном из эпизодов свадебного цикла, выводе невесты из родительского дома. Отмечается полифункциональность слова в обряде, выраженная в сочетании эстетических и магических элементов. Особое внимание обращается на характер употребления изобразительно-выразительных языковых приемов, что характеризуется насыщенностью текстов песен и благопожеланий эпитетами, сравнениями, гиперболой и др. Рассмотренный материал дает основание считать, что адыгская свадьба, как это отмечается и у других народов, может быть охарактеризована как серия ритуализованных действий, устойчиво присутствующих в традиционной культуре разных субэтнических подразделений адыгов. Отмечается роль устойчиво повторяющихся элементов самого обряда и приуроченных к нему вербальных компонентов, а также функция и характер импровизации, допускаемой при совершении ритуальных действий. Это не только не разрушает традицию, а оказывается обязательной частью формы естественного функционирования обряда, привносящей в каждый случай его воплощения свежесть и привлекательность.

Ключевые слова: свадьба, ритуал, вербальный компонент, вывод из отчего дома, импровизация, функции.

Обряды, связанные с традиционными свадебными торжествами, как это характерно, не обходятся без большого спектра вербальных стандартов.

Исследователи едины в том, что фольклор адыгской свадьбы представлен разными типами песен, дифференцируемых функционально и применительно к определенной ситуации. Каждая песня имеет варианты, которые в свою очередь подразделяются на величальные и смеховые, в большинстве своем посвященные невесте и частично жениху. Некоторые жанровые разновидности песен сохранились в единичных вариантах [Унэрэжьо Рай, Хьакьунэ Эльз 2014: 313]. Также обрядовые действия сопровождаются благопожеланиями, здравицами и стихами – импровизациями. *Думаем, что такая классификация фольклорного материала вполне уместна относительно свадебных обрядов.*

Как неоднократно отмечалось, вербальный компонент выполнял в обрядовом действе важнейшую функцию. Слово, как и мелодия, были призваны не просто украшать празднество, а выполнять еще не менее важные задачи – привлечь добро и благо, оберегать молодоженов от всяческого воздействия сил зла, способствовать благополучному разрешению дела, отгонять разного рода нечисть и дурной глаз. Более того, под их благодатное воздействие попадали не только жених и невеста, магическое действие распространялось на семью, близкую родню молодоженов, на всех участников свадебной церемонии. В связи с этим Б.Х. Бгажноков обращает внимание на одно важное обстоятельство: «В составе адыгских игрищ, как и следовало ожидать, давал о себе знать так называемый первородный синкретизм:

единство музыки, песни и пляски» [Бгажноков 1991: 62]. Добавим к этому, что понятие синкретизма в данном случае распространяется не только на единство по форме, но также и нераздельность комплекса функций. Видимо, это один из факторов, которыми обусловлена семиотическая знаковость чуть ли не каждого действия в комплексе свадебного церемониала.

Один из устойчивых компонентов произведений интересующего нас плана – это песни, приуроченные к обряду вывоза невесты из отчего дома. Началом действия становится эпизод, в котором двое-трое молодых людей, представляющих в свадебной процессии сторону жениха, должны были якобы выкупить невесту, прежде чем вывести ее из дома. Женщины, представляющие сторону невесты, преграждают им путь в комнату молодой и требуют плату «за прикосновение к ее рукаву» (ІэщхьэубыдыпщІэ). При этом женщины исполняли свою песню.

«При исполнении песни невеста стояла на самом видном месте с опущенной головой, – пишет М.А Джандар. – Из нижеприведенного текста следует, что у адыгов материальная сторона играла существенную роль в деле заключения брака» [Джандар 1994: 20]. Высоко оценивая труд данного исследователя в целом, позволим себе не согласиться с суждением о том, что на первом месте здесь «материальная сторона». Вот слова песни:

Уи, Уи-у, типшъашъэ ыуасэр
Зы дэшьэп, дышъитІоп, дышъитф!
Уи, уи-у, типшъашъэ ишъуашэр
Зы чэмэп, чэмитІоп!
Чэмибгъумэ, быгъур япщІэу отэр! –

Уи, ум-у, наша дочка стоит
Не одно, не два, а пять золотых,
Уи, уи-у, наряд нашей дочери <оценивается>
Не в одну, не в две, а в девять коров
И одного быка – целое стадо! [там же].

Как можно судить, мы имеем дело с церемониально-игровой ситуацией, в которой главное не в материальной выгоде, а в самом процессе театрализованной словесной баталии. На самом деле приведенная в тексте цена устанавливалась среди бжедугов открыто и не имела решающего значения на исход действия. Ее роль заключалась не столько в материальном выражении, сколько в символическом скреплении осуществляемого перехода девушки из одного статуса в другой и из одного человеческого окружения в иную среду. Ритуализованный эпизод был призван обеспечить магическими средствами благополучие начинаемого цикла действий в комплексе свадебных мероприятий и игровыми компонентами оживить их, придавая эстетически организованный характер. Относительно свободный лексикон, употребляемый во время этого «торга» также символически обозначал вольное течение и бесконечность жизни. Когда же невеста по сигналу вставала, готовая к выходу из родительского дома, все присутствующие в комнате прощались с нею широкоупотребительной устойчивой формулой приуроченного благопожелания-хоха: «Лъэдакъэ махуэ унэ уздыщІэкІым кыщІэнэ, лъапэ махуэу унэщІэм ухыхъауэ кыщІэукІ» – букв.: «Пусть оставишь ты [в родительском доме] счастливый след, пусть внесешь [ты в новый дом] счастливую стопу». Как и всякое традиционное благопожелание, отлитое в устойчивую формулу, оно было призвано своей магической силой обеспечить и самой девушке, и ее семье, и всей родне благополучие после того, как свершится ее переход в новый статус в ее жизненном цикле. Вторая часть формулы функционально предназначена для того, чтобы предречь сопутствие ее появлению в новом доме добра, согласия, всяческого благополучия. В данном случае ключевыми являются образные слова:

«лъэдакъэ» – «пята», символизирует уход, а «лъапэ» – «носок» – вступление, начало новой жизни. Поэтически они образуют параллельные конструкции, чем не только пожелание отливало в устойчивую формулу, но и проводилась разделительная черта между прошлым и будущим выходящей замуж. При этом разделение отнюдь не означало полного отчуждения: две части фразы образуют одну формулу, и это призвано создать представление о неразрывности этапов жизненного цикла.

В некоторых адыгских селениях, помимо платы за прикосновение к рукаву невесты и за ее вставание, требовали плату «за остановку у очага» (жъэгупашхъэ тенэ), за «остановку у порога» (бжэщхъэгу тенэ). Как можно полагать, в подобного рода «препятствиях» на пути вывода невесты доминирующим компонентом становится игра, развлечение, создание увлекательного зрелищного действия. Это не значит, что в них не может содержаться знаковости и отголосков магии. Достаточно напомнить о функциональной и символической значимости очага, порога, дворовой калитки в семиотике традиционной организации пространства.

Несмотря на стереотипичность самой ситуации, свадьба в целом представляет собой органическое сочетание канонизированных стандартов как в действиях, так и в вербальной части, с импровизациями в русле традиции. Отсюда и тексты приуроченных благопожеланий включают в себя и устойчивые формулы (например, фрагмент об оставлении в отчем доме счастливой пяты и внесении в дом жениха счастливого носка), и ситуативно мотивированные высказывания неформального характера.

Такого рода пожелания блага и добра по представлениям адыгов приносили в жизнь новой семьи позитивный настрой на совместное будущее, а также, как отмечено, вербальный компонент любого мероприятия нес функцию оберега. Вера в магическую силу слова располагала на то хорошее, что произносилось из уст людей и, несомненно, должно было коснуться тех, кому эти слова адресованы.

Б.Х. Бгажноков пишет, что «при выходе невесты из дома музыканты играли так называемый марш «выхода невесты» (бжед. нысэищ орэд, шапс. нысэчІэщ (нысэкъыкІэщ) орэд. Бесспорно, эта песня имела магическое значение и была внутренне связана с ответственностью самого момента – пересечения порога, выхода во внешнее, чужое пространство. Марш и слова марша, наряду с другими предосторожностями (например, закрывание лица и рук невесты, перенос ее через порог и т.д.), были призваны уберечь от зла и обеспечить данному акту удачу, успех. Одновременно это было и славословие невесте:

Ойрэрада, уайрэ урэ,
Ойра уэрэ уэра ураайда!
ЫнытІур нагъомэ, ыжьэгъур фыжьымэ.
Фыжьэу щыІэ пстэухэмджэ сымыхъожьын.
Уай-ра, уайра-уэуэ-уа!
Си нысэ дахэр кыкІэсэщы.
ЛъэкІэпІэосымэ, бгъэщхъо чэсэимэ,
Си нысэ дахэр кыкІэсэщы!

(Коблева, 2 Красноалександровский аул, КК)

Ойдэрада, уайра урэ,
Ойра уэрэ уэра ураайда!
Глаза карие, шея белая.
На всех белых не променяю тебя.
Уай-ра, уайра-уэуэ-уа!
Невестку-красавицу мою вывожу.
Икры белоснежные, груди кисейные.
Невесту-красавицу мою вывожу.

[Бгажноков 1991: 66].

При выводе невесты из родительского дома сопровождающие ее пели величальные песни в ее честь, вариант одной из них мы рассмотрим внимательнее [см. Приложение № 1].

Слова этой песни представляются незатейливыми. Однако их возвышенный стиль в сочетании с соответствующей торжественной мелодией придают исполнению сакральность. Каждая строфа начинается со сравнения невесты с праздником: *Уэредэ махуэй, ди нысэ! – Праздник счастливый, наша невеста!* В приподнятом величальном стиле описывается ее повозка, что иносказательно указывает на красоту, чистоту и непорочность самой невесты: *Данэмрэ дыцэмрэ и гуцхьэ – шелком и золотом ее повозка покрыта.* Разумеется, не всегда вероятно, что повозка невесты бывает украшена столь богато, это подмена действительного желаемым, а заодно – выражение ритуально-магического почтения к молодой. Также в песне невесту сравнивают с луной, с голубкой, львицей: *уэзум ит мазэр и напэ – луна, что на небе ее лицо; цхьэнтэм утесым – тхьэрыкьуэ – на подушке сидишь – голубка ...; зыбукьуэдиймэ аслъэнкьэ – выпрямишься – львица.*

Если сравнение с луной типологично и характерно для фольклора многих народов мира, то образы голубки и львицы требуют пояснения. Во первых, они образуют параллельную конструкцию: «когда ты <...> сидишь...» – «когда ты выпрямишься...». С одной стороны, невеста характеризуется как нежное, ласковое, чуткое создание, способное доставить мир и спокойствие. С другой глагол «выпрямиться» означает активное действие любого характера: когда надо действовать, чаще всего – делать домашние дела, она ловка, имеет хватку и силу. В подтверждение этого неслучайно упоминаются ножницы и иголка, которыми она ловко орудует.

Соответственно характеризует песня и молодого супруга: его уподобляют орлу: *бгъашхуэм дэхуарзэм укьешэ – орлу подобный [в жены] тебя берет.*

Помимо кратких благожелательных клише, на обряде «вывоза молодой из отчего дома» звучало множество благопожеланий восхваляющих невесту, ее внешние данные, где ее метафорично уподобляли голубке: «*гунэсу соуэр тхьэрыкьуэ*» – «от души я сочиняю голубка»; ее брови сравнивали с хвостиками ласточки, а нежность и белизну кожи лица – с белой бумагой и т.п. Последнее сравнение, как можно предположить, могло стать компонентом устойчивой формулы не ранее и не намного позднее, чем белая бумага вошла в быт. Далее все это описание сопровождается пожеланиями долгой счастливой жизни полной достатка и изобилия, которые придут в новую семью вместе с молодой снохой. Несомненно, такого рода оригинальные стихотворные «оды» в адрес невесты не только возвеличивали девушку и придавали ей сил к новым переменам, но и оживляли само мероприятие. Естественно, фактически все основные действия в комплексе ритуалов, приуроченных к выводу невесты из родительского дома и вводу ее в дом жениха, а также к промежуточным этапам между тем и другим, регламентированы традицией. Однако в ее рамках немалое место уделялось и импровизациям. Так, устная информация от сказителя дает следующее объяснение тому, как появилась пространная тирада в исполнении уникально одаренного джегуако Ляши Агноко, который, как можно судить, находился среди приехавших за невестой, но ранее был с нею знаком.

Когда красавицу по имени Хуж выводили из отчего дома, она не просто попросила, а даже поставила условие: «Пока Ляша не встанет на пороге и не перечислит мои недостатки, не выводите меня!» Ляша, о присутствии которого, невеста заранее знала, не заставил себя ждать, и эта ситуация стала каузальной основой появления одного из бесспорных шедевров старого джегуако, известного своими блистательными экспромтами. Это устное стихотворение в стиле традиционных благопожеланий, но состоящее не из устойчивых формул, канонизированных многократным употреблением, а из органического сочетания таких формул с импровизациями самого джегуако [см. Приложение № 2].

Весь монолог составляет 35 поэтических стихов, четко организованных ритмом, разного рода созвучиями, использованием параллельных стилистических конструкций. Налицо также использование в одной речевой связке как банальных, так и совершенно новых авторских изобразительно-выразительных приемов. Что характерно, устойчивые речевые блоки и явно авторские образные выражения настолько тесно переплетены, что отделить одно от другого можно только аналитическим путем. Так, например, первый стих тирады есть не что иное, как интерпретация известного устойчивого выражения «набдзэ зытелъым я нэхъ дахэ» – *красивейшая из тех, у кого есть брови*. Оно весьма употребительно со значением «красивейшая из женщин» в обиходной речи, в преданиях и нередко в сказках. Но здесь поэт-импровизатор придал образу новый виток, мало того, он усилил свое определение сравнением бровей красавицы с тонким изящным хвостиком ласточки – птицы у многих народов мира почитаемой. Следующий стих тоже перекликается с традиционной образной системой: *То, что по икрам ног бьется, – это ее косы...* Пожалуй, у всех народов мира длина девичьих кос ассоциируется с красотой. Адыги в данном плане не исключение, но в монологе Ляши Агноко этот универсальный образ выражен не через готовый словесный штамп, а оригинально, свободным авторским текстом, причем подчиненным эстетике вербального искусства ритмически, эвфонически и образно. Используемые сравнения (походка – ход корабля, румянец на щеках – *алый тегеранский шелк* и т.п.), уподобления (брови – крылья ласточки, невеста – *голубка*, эпитеты (*голубка белошеяя, светлорукая-светлоногая, род счастливый, сорочка широкополая (т.е. легко потомство приносящая)*), слово *мягкое* и пр.), гиперболы, метафоры также естественно сочетающиеся традиционные тропы и совершенно новые сугубо авторские.

В подобном ключе построен весь монолог, обращенный к невесте, которую ведут в новый дом, призванный отныне стать для нее родным, но до поры остающийся незнакомым и загадочным. Благопожелание-хох в исполнении знаменитого на всю Кабарду джегуако – это мощная моральная поддержка, стимулирующая молодую женщину, входящую в новый для нее мир. Теплота отношения, величальный стиль речи, сердечные пожелания – все это призвано и украсить церемонию, и магически призвать благополучие, и морально взбодрить невесту перед вступлением в неведомую пока жизнь.

Композиция монологической тирады открытая, допускающая при соответствующих поэтических способностях значительную долю импровизации по принципу «нанизывания» в пределах традиционной версификации. Наряду с такими общеупотребительными в фольклорных текстах образами, как *косы, ниспадающие до пят, белошеяя голубка, старый / почтенный свекор, выводящая потомство наседка* и пр., в монологе появляются *корабль, белая бумага, дождь, выпадающий в засуху*, и еще ряд подобных новаций. Примечательно, что от такого сочетания текст обретает свежесть и дополнительную жизнеспособность. При значительности доли авторской свободы, в тексте представлены все основные опорные атрибуты благопожеланий, уместных в данной ситуации. Это и внешние достоинства невесты, и ее трудолюбие, и высоко ценящееся мастерство рукоделия (кройка, шитье, вышивание, плетение), и почтительное отношение к свекрови, свекру и другим домочадцам, и ожидаемая, магически предсказываемая плодovitость, и знание тонкостей этикета.

Этот фрагмент органически вписывается в цикл свадебных церемоний, но при этом он не является каноническим и обязательным. Даже сопровождающая информация указывает на то, что выступление Ляши в этот раз было не предписанным, а ситуативно, отчасти спонтанно возникшим: знаменитый джегуако оказался в нужном месте, и невеста не упустила случая попросить, чтобы он произнес в ее честь тираду. Подобное могло иметь место, только при условии, что невеста была знакома с самим джегуако, который был профессиональным завсегдатаем разного

рода торжеств и поэтому был знаком с множеством молодых людей, так же часто посещавших празднества. И если в девичестве та самая «красавица Хуж» попала на глаза старому поэту-джегуако и чем-то хорошим ему запомнилась, она уверенно могла именно так поступить, как и поступила. Не будь такого обстоятельства, в процессе вывода ее из родительского дома или ввода в дом жениха могло не быть ни данного эпизода, ни пространного устного стихотворения. В случае отсутствия этого эпизода в ходе событий, предписанных ритуалом, ничто бы не было нарушено. Но сам данный эпизод также не выглядит чужеродным явлением; напротив, он украшает весь церемониал, если не сказать, что становится одним из его ключевых компонентов.

Рассмотренными материалами далеко не исчерпывается многообразие песен и хохов-благопожеланий, имеющих прямое отношение к таким знаковым эпизодам свадебного цикла как вывод невесты из родительского дома или ввод ее в дом жениха. Однако мы имеем основание считать, что адыгская свадьба, как это отмечается у других народов, может быть охарактеризована как серия ритуализованных действий, устойчиво присутствующих в свадебных торжествах в течение длительного времени у разных субэтнических подразделений, со значительной долей импровизации. Она не нарушает общего хода действий, сложившегося за относительно продолжительное время, но привносит разнообразие и зависит от конкретных обстоятельств, иногда – случая, индивидуальных особенностей участников торжества. Как известно, слово в обряде часто несет главную магическую функцию, и поэтому вербальный текст достаточно консервативен. Однако и здесь налицо значительная доля свободы в обращении с канонами обряда. Это не только не разрушает традицию, а оказывается обязательной частью формы естественного функционирования обряда, привносящей в каждый случай его воплощения свежесть и привлекательность.

Приложение № 1

УЭРЕДЭ МАХУЭЙ, ДИ НЫСЭ!

1. Уэредэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!
Данэмрэ дыщэмрэ и гушхьэ ...
Ежью. Уойра!
(Ра,) и гублашхьитІри дыжьынкьэ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
2. Уэ редэдэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!
И дыжьын щІыІур альтескьэ ...
Ежью. Уойра!
Альтес гьуэжьыр, (рэ,) и гьуапэщ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
3. Уэредэдэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!
Уэгум ит мазэр и напэ ...
Ежью. Уойра!
Напэху дахэм зегъазэ!
Ежью (Уоредэ,) бэри махуэ!
4. Уэ редэдэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!
Бгъашхьуэм дэхуарзэм укьешэ!
Ежью. Уойра!
Укьэзышэ щауэми уэ удэжькьэ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
5. Уэредэдэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!

Жыр лэныстэшхуэр уогъабзэ ...
Ежью. Уойра!
Жыр мастэ цЫкЛуми уэ уродэ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
6. Уэ редэдэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!
Щхьэнтэм утесым – тхьэрыкуэ ...
Ежью. Уойра!
(Уай,) зыбукъуэдиймэ аслъэнкьэ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
7. Нысэ махуэ идошэ ...
Ежью. Уойра!
Щауэ махуэ идошэжыр,
Ежью: Уойра!
Зыхуэтшэжыр Іэщхьэхукьэ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
8. Зыхуэтшэжыр Іэщхьэхукьэ ...
Ежью. Уойра!
Іэщхьэху дахэр мэтэджи ...
Ежью. Уойра!
Ар щІэтэджыр ди щауэрщ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ! [НПИНА 1980: 135]

ПРАЗДНИК СЧАСТЛИВЫЙ, НАША НЕВЕСТА!

1. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
Шелком и золотом ее повозка покрыта!
Все. Уойра!
(Ра,) козлы – серебряные!
Все. (Уоредэ,) да продлится праздник!
2. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
Ее серебряный нагрудник атласом сверкает ...
Все. Уойра!
Из атласа желтого, (ра,) ее рукава!
Все. (Уоредэ,) да продлится праздник!
3. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
Луна, что на небе, – ее лицо ...
Все. Уойра!
Белолицая красавица [величаво] ступает!
Все. (Уоредэ,) да продлится праздник!
4. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
Орлу подобный [в жены] тебя берет!
Все. Уойра!
С взявшим тебя витязем жий вам до старости!
Все. (Уоредэ,) да продлится праздник!
5. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
Стальными ножницами ты кроишь ...
Все. Уойра!
Стальной иглой ты шьешь!
Все. (Уоредэ,) да продлится праздник!
6. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
На подушке сидишь – голубка ...
Все. Уойра!

(Уай,) выпрямишься – львица!
Все. (Уореда,) да продлится праздник!
7. Невесту счастливую [в дом] вводим ...
Все. Уойра!
Витязя счастливого ведем ...
Все. Уойра!
Его ведем к светлорукой!
Все. (Уореда,) да продлится праздник!
8. Его ведем к светлорукой ...
Все. Уойра!
Светлорукая красавица встает ...
Все. Уойра!
Она встает в честь нашего витязя!
Все. (Уореда,) да продлится праздник!

Приложение № 2

ДИ НЫСЭ ФО

Дахэр зыгэдахэр и набдзэкИтИщ,
И набдзэкИтИри пцIащхьуэкIэш,
ЛьэнкIапИтИым теуэр и щхьэщ,
Кхьухьыжьыфэу тхылъымпIэр и нэкIуш,
НэжIушхьитIыр дыхьэрэным и пщафэщ,
Фадафэм зи гугьур ягьэш,
Хьуэхьубэр зыхуагьэшу ди нысэ,
Гунэсу соуэр, тхьэрыкъуэ,
Тхьэрыкъуэ пщэхугуэрэ Iэхульэху,
Зи нэгур хуитуэ псэун,
ПсэукIэм и дахэр Тхьэм къуит!
Къуитыну насыпыр щIэращIэу,
ЩауэушIэу уи лхьугьэр шауэхьуу,
Уи джанэр Iэщхьэхьуу бырыбу,
Джэджьей бынурэ убагьуэ,
Бэгьуэжари Мэзытхьэм уэ къуит!
Уи гуащэм уи бзэ хуэщабэу,
ТIысыпIэм и щабэкIэ угупсэу,
Намысыр нарт хабзэу хузепхьэу,
Узытемыхьэр уи тхьэмадэжьу,
Уи пщыкъуэжь ухуэбзэ-ухуэдэу,
Цей зыхуэбдым уи шытхьу иIуатэу,
Дунейм утетынкIэ сэ сынохьуэхьу!
Льэдакъэм и махуэр
Мы льэпкь Iумахуэм уэ къыхуэгьанэ,
Ди унагьуэм
Бадзэуэгьуэ уэшхыр нытхуэхь,
Хьэ пасэу къэщхьэлтэ,
Уи льэр щыувэм щыхьуахьуи ...
ХьуэхьубэкIэ сожьу,
Сызэжьури сыухащ.
Сыухащ, дахэ нысэ,
Ди нысэ фо,
Фом хуэдэу зыхыхьэм къальагьун,
Уи нитIыр къызэтехи, къэбакьуэ иджы! [Агьнокьуэ Лашэ 1995: 39–40] –

НАША МЕДОВАЯ СНОХА

Красавицу украшают ее брови,
Кончики ее бровей – хвостики ласточки,

То, что по икрам ног бьется, – это ее косы,
Ее лицо величаво, как корабль, и нежно, как бумага,
Ее щеки – верх тегеранского красного шелка.
О ней в застолье только и говорят,
Ей многие хохи сочиняют, нашей невесте,
От души я сочиняю, голубка,
Голубка белошеея, белорукая и белоногая,
Да проживешь ты свою жизнь, сама вольная в своей судьбе,
Пусть Бог дарует тебе красивую долю!
Пусть твое счастье умножается,
Пусть твой первенец будет мальчиком,
Пусть твоя сорочка будет свободной и в складках,
Пусть подобно выводку цыплят, ты род приумножишь,
Пусть изобилием тебя дарует Мазытха!
Пусть твое слово к свекрови мягким будет,
Пусть от души ты ставить будешь мягкие сиденья.
Пусть намыс ты соблюдать будешь, как нартские законы,
Пусть свекор твой, будет видеть твое уважение,
Пусть ты будешь деверю своему шить-кроить,
Тому, кому ты череску шьешь, пусть слово доброе о тебе говорит –
Вот так на свете жить тебе желаю!
Пяту счастливую
Ты в этом роду счастливом оставляй,
Нашему же дому
В пору засухи дождь принеси.
Рано взошедшим ячменем зацвети,
Там, где стопу поставишь, там хох скажи,
А я многими хохами тебе подпою,
То, чему подпевать, я завершаю.
Завершаю хох тебе, прекрасная невеста,
Невеста наша – мед!
Да возлюбят тебя в новом доме, как мед.
Подними же свои очи и ступи теперь!».

Источники и литература

1. *Агънокъуэ Лашэ*. Усэхэр. Налшык: Эльбрус, 1995. Н. 39–40.
2. *Бгажноков Б.Х.* Черкесское игрище. Сюжет, семантика, мантика. Нальчик, 1991. 189 с.
3. *Джандар М. А.* Песня в семейных обрядах адыгов. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 143 с.
4. НИИНА 1980 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 1. М.: Советский композитор, 1980. 224 с.
5. *Унэрэкъо Рай, Хьакъунэ Эльз*. Адыгэ нысэщэ джэгум иорылуат. ЯтIонэрэ тедзэгъу. Мыекъуапэ, 2014. 320 с.

THE FUNCTION OF SONGS AND GOOD WISHES AT THE WEDDING RITUAL FOLKLORE OF ADYHG'S (The conclusion of the bride from her father's house)

Gutova Lyana Adamovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Adyge Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

The article discusses the features of the verbal component in one of the episodes of the wedding cycle – the withdrawal of the bride from the parental home. Special attention is paid to the

nature of the use of figurative and expressive techniques, which is characterized by the saturation of song lyrics and well-wishes with epithets, comparisons, hyperbole, etc. The considered material gives reason to believe that Adyghe wedding, as it is celebrated among other nationalities, can be characterized as series of ritualized actions that are persistently present in the traditional culture of different sub-ethnic divisions of Adyghs. The role of persistently repeated elements of the rite itself and the verbal components associated with it, as well as the function and nature of improvisation allowed during the performance of ritual actions is noted. This not only does not destroy the tradition, but it turns out to be an obligatory part of the form of natural functioning of the rite which brings freshness and attractiveness to each case of its implementation.

Keywords: wedding, rite, verbal component, conclusion from the father's house, improvisation, functions.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-130-139

ОБРАЗЫ ОБОРОТНЕЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Гергокова Лейла Созакбайовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), leylagergokova79@mail.ru

В статье рассматривается мотив оборотничества в карачаево-балкарском фольклоре. Особое внимание уделяется характеристике «обура» – «ведьмы», женского демонического персонажа. Этот образ в устное художественное творчество карачаевцев и балкарцев (в былички и бывальщины) проник из низшей мифологии. Анализу подвергаются особенности конкретной объективации мотива превращения в устной прозе с привлечением сравнительного материала из других жанров, а также из образцов фольклора соседних народов, в жанровой номенклатуре которых присутствует идентичный женский мифический персонаж. В работе также рассматриваются возможные виды трансформации представленных образов, в зависимости от описываемого конкретного случая и функциональных особенностей. Указывается взаимосвязь анализируемых персонажей с тотемистическими представлениями, распространенными в древней этнической культуре – верованиях и архаических жанрах фольклора карачаевцев, балкарцев и соседних с ними народов.

С опорой на богатый фактический материал проанализированы повествования о медиальных функциях оборотней, путешествующих между двумя мирами при обязательной метаморфозе – временного превращения пожилых женщин в кошек и волков. Акцентируется внимание на том, что данные образы относятся в большинстве случаев к злой нечистой силе, деятельность которых направлена во вред людям.

Ключевые слова: ведьмы, колдуны, оборотничество, мифология, нечистая сила, былички, бывальщины.

С древних времен в народе уважали и опасались людей, обладающих оккультными познаниями и непостижимыми для сознания заурядного лица умениями. «Человек во все времена стремился познать окружающий мир, разгадать тайны природных явлений. Развитие науки способствовало объяснению многих «мистических событий», реализации фантастики. Но далеко не сразу все стало понятно и ясно. Люди чувствовали себя бессильными перед могущественными силами природы, боялись и дивились природным явлениям, поэтому все, что им было непонятно, относили к тайной высшей силе» [Джуртубаев 1991: 94].

А.Н. Афанасьев объясняет феноминальность таких людей тем, что «мало-помалу, путем чисто фактически, начинают выделяться из народа люди, одаренные большими способностями и пользующиеся потому большим влиянием. Действуя более или менее под религиозным увлечением, они являются народными учителями и предвещателями: им понятен смысл древних мифов и религиозного языка, они в силах разгадывать и объяснять всякие приметы и гадания, они знают таинственную силу трав и очищений, они могут совершать все чародейною силою заговора [Афанасьев 1996: 91].

Согласно распространенным представлениям, такие необычные люди жили изолированно от общества – на окраине села, у леса. О таких жителях у разных

народов слагались поверья, будто они в сговоре с нечистой силой, или же сами являются ее разновидностями – ведьмами, колдунами и оборотнями. По рассказам ряда информантов, данные персонажи – реальные люди, проживающие в обычных деревнях, но обладающие сверхъестественной силой. Они, по просьбе жителей, проводили магические ритуалы для исцеления больных или же наоборот (что было чаще), наводили порчу. Для этого заговаривали предметы, которыми пользовалась жертва, или ее личные вещи, после чего последняя исцелялась, или могла умереть – в зависимости от поставленной задачи. Истории об этих таинственных обрядах передавались из уст в уста в народе. Хотя считалось, что колдуны приносили как зло, так и добро, но все же функция вредительства была доминирующей, и поэтому их побаивались.

Люди-колдуны (ведьмы, оборотни), обладавшие способностью к метаморфозам, тщательно скрывали это, и только заметив их в момент превращения, можно было узнать, об их сущности. Некоторые ученые дают два определения понятию оборотничества: в широком смысле – это «разные виды магического изменения внешнего вида, способностями к чему обладают многие персонажи «низшей» мифологии» [Виноградова 1995: 467–469]; в узком смысле «временное, произвольное (чаще) или непроизвольное приобретение чужого инородного облика с последующим возвратом к своему первоначальному виду» [Виноградова 1995: 466].

Мотив оборотничества зарождается в лоне мифологического типа мировосприятия и получает свою разработку в фольклорно-мифологических повествованиях, а впоследствии эволюционирует и в литературные жанры. Более всего демонологическими персонажами в карачаево-балкарском фольклоре богаты былички и бывальщины. Бытуя в народе из поколения в поколение в рассказах, позже после принятия ислама, под влиянием религиозных воззрений, эти персонажи трансформировались в героев фольклорных (сказки) и еще позднее – литературно-художественных произведений. Несмотря на это, и в настоящее время существуют верующие в существование колдунов и оборотней, а также другой нечистой силы, обитающей в параллельном людям мире, но время от времени вмешивающейся в реальную жизнь.

У разных народов во многих странах сообщается о таких существах, которые идентичны «обурам» – «ведьмам». В основном это образ женщины-ведьмы, одинокой старухи, который встречается в мифах и сказках. Исполнители сказок описывают их как уродливых старух с длинными волосами и выцветшими глазами, в потрепанной одежде. В некоторых случаях они могут представиться как красивые молодые девушки. Обычно такие персонажи немногословны, нелюдины, говорят сложными иносказаниями или совсем непонятно, они обязательно обладают магическими способностями и силой оборотничества, тесно связаны с огненной стихией и с потусторонним миром. Данный образ в фольклоре карачаевцев и балкарцев прижился как «обур» – «ведьма», у даргинцев их называют «бязжук», у черкесов «уд» и т.д. О существовании этих персонажей свидетельствуют древние тексты, записанные от очевидцев и сохранившиеся в архивах. «Сам термин обур, видимо, происходит от того же корня, что и опуракъ – «наряд, одеяние». Превращение в другое животное рассматривалось, очевидно, как смена одежды» [Джуртубаев 1991: 94].

В карачаево-балкарском устном народном творчестве встречаются былички и бывальщины, где даются описания «обуров» – «ведьм» как одиноких старух: «Обурла кеслери къарт къатынладан боладыла . Сёз ючюн, Огъары Чегемде эски, къарангы бир юйде Пушай атлы бир къарт къатын жашагъанды. Ол обур болгъанды» [Архив КБИГИ]. – «Ведьмы сами бывают из пожилых женщин (Как не вспомнить здесь реплику из повести Н.В. Гоголя «Вий»: «Которая баба стара, та и ведьма»). К примеру, в Верхнем Чегеме в одном старом, мрачном доме жила одна старуха по имени Пушай. Она была ведьмой».

Исследуя данную тему, нельзя не задаться вопросом: «Почему же именно женский образ?». Многие исследователи считают, что именно женщина обладает в большей степени «тайными знаниями о целебных травах, умеет взаимодействовать с природой и животными, ей ведомы свойства природных женских сил [Королев 2006: 147], что наделяет их возможностью магического превращения – оборотничества (смены образа). Как и в культуре разных народов у карачаевцев и балкарцев забота об огне в жилище – это женская обязанность, поэтому «обуры» – «ведьмы», наряду с другими женщинами, занимаются домашним хозяйством, являются хранительницами очага, у них особая связь с силами огня. Следовательно, основная атрибутика «обуров» – «ведьм» связана с очагом (печкой), он дает тепло и горячую пищу, что является основным источником силы людей. В русских народных сказках распространены ведьмы, которые лежат на печи, встречают гостей, пытаются в ней изжарить похищенных детей.

В карачаево-балкарских быличках «обуры» – «ведьмы» колдуют у очага, там же произносят заклинания. «Огонь, как один из фундаментальных элементов мироздания часто используется в качестве ведущей силы при проведении обрядов, что наводит на мысль об определяющей роли ритуала в формировании мифов с участием женских демонических персонажей и их последующей трансформации в сказку» отмечает исследователь Файзуллина [Файзуллина 2019: 202]. В карачаево-балкарском фольклоре подобный обряд описывается в бывальщине «Пушай бла обурла» – «Пушай и ведьмы» записанной в Нижнем Чегеме в 1959 г., сохранившемся в архиве ИГИ КБНЦ РАН.

«Пушай тешегинден туруп, от жагъагъа келеди. Акъырын тыпыр ташны къобарды. Сора тюбюнден бир улуу къара къошун, ичинде да къап-къара жауу бла, чыгъарды.

Сора къара жауу кезоне-башына сюртдю. Эски къарангы гумудан кийиз къамичи, сибиртки чыгъарып, алагъа да сюртдю. Къурум ожакны тюбюне барып, сибирткиге минип, къамичи бла урду. Шуулдап, шырылдап, кёкге чыкъды.

Бийик кёкде булутлагъа булгъана, чулгъана, къарлы таулары тешелери таба айланып кетди» [Архив КБИГИ] – «Ведьма Пушай, встав с кровати, подошла к очагу. Осторожно приподняла очажный камень. Затем достала из-под него большой чёрный кувшин с чёрным-пречёрным маслом внутри.

Затем (она) обмазала глаза и голову маслом. Достав из старой темной кладовки войлочную плетель и метлу, обмазала и их. Подойдя под очажное отверстие, села на метлу, ударила плетелью. Свистя, шипя, поднялась в небо.

Высоко в небе путаясь, вращаясь в облаках, улетела к вершинам снежных гор».

Согласно Неклюдову «Способность к оборотничеству можно обрести, узнав соответствующую заговорную формулу, заполучив талисман или какое-нибудь другое чудесное средство, либо освоив ряд колдовских процедур – перепрыгивание через лезвие ножа, веревку, ветку, коромысло, огонь на печном шестке, осиновую колоду и прочие вещи, обозначающие рубеж между мирами» [Неклюдов 2016: 17]. Подобный обряд совершает «обур» – «ведьма»: использует черную мазь (есть рассказы, где произносит заговор) и, ударив плетелью, вылетает через печь на улицу. Магическая перемена образа происходит, как временное превращение.

Целью полета «обуров» – «ведьм» была гора Эльбрус, где по пятницам все они собирались на пир, отчитывались в содеянных злодеяниях друг перед другом. Главным лакомством у них было человеческое мясо. Они, забрав спящего человека из дома, убивали, варили и поедали его. Потом, собрав все кости в его кожу, они его оживляли и возвращали домой. После этого человек ничего не помнил. Однако же, впоследствии он мог внезапно заболеть и даже умереть.

Сходный сюжет встречается у адыгов, «было поверье, что каждую раннюю весну уды слетаются на кошках, собаках, кабанах, даже на крысах и других животных и зверях на шабаш в Сэбэруашх (Сэбэр Гуашъхь – А.К.), который

находился в верховьях реки Убын в Причерноморской Шапсугии. До этого они все отчитывались перед главным удом о том, что они сделали за год, потом всю ночь ели, пили, бесновались и на рассвете разлетались.

Здесь примечательно, что каждый уд забирал с собой мешок, в котором находились или земные блага или что-то вредное для людей» [Кук 2015: 48].

В карачаево-балкарских быличках и бывальщинах распространен тип превращения человека в животное, но в других фольклорных жанрах встречаются также иные разновидности перевоплощения. В рассказах информаторов об «обурах» – «ведьмах» и их кознях мотив оборотничества устойчиво связан с образом кошки или волка, хотя, диапазон образов животных в которых могли превратиться сверхлюди, в карачаево-балкарском фольклоре весьма широк (орлы, медведи, быки, волки, лисы, кошки, собаки змеи и т.д.). «Интересно отметить и тот факт, что оборотничество, традиционно понимаемое в европейской и американской культуре как зависящее от фаз луны превращение человека в волка, ставшее следствием укуса оборотня, в карачаево-балкарском устном творчестве не встречается» [Гулиева (Занукова) 2019: 97].

В мифических преданиях, легендах и сказках, народных обычаях карачаевцев и балкарцев волк представляется как тотемический предок, что дает возможность тождества человека и животного [Гергокова 2017: 25]. Следовательно, в исследуемом фольклоре распространены былички с перевоплощением «обура» – «ведьмы» в волчиц. Одним из таких рассказов является «Обурла» – «Ведьмы», записанный от 85-летней Гыжайдан Ахматовой в 1973 г. Здесь повествуется о том, как две пожилые женщины возле реки скинули с себя одежду и, превратившись в волков, растерзали стадо коз. Обряд перевоплощения не описан полностью. «Информаторы сообщают отдельные его детали. К ним относится такая, очевидно, главная акция, давшая название обряду, как кувырkanie, переворачивание через голову» [Филатова 2004: 104].

«Эки кьарт кьатын, келе-келип, алай суу боюнунда тешиндиле. Сора, сейир этип, узакъдан кьарап тургъанымлай, беш кере суугъа кирип, беш кере юзmezге аунап, бёрюле болдула» [Архив КБИГИ] – «Две старухи, придя, там у реки скинули с себя одежду. Пока я смотрел в удивлении, пять раз окунувшись в воду и пять раз кувыркнувшись на песке, (они) превратились в волчиц».

Кувырkанием или поворотом «отмечается пересечение рубежа между мирами: для перехода из одного состояния в другое надо повернуть кольцо или иной волшебный предмет, повернуться, перевернуться, перекувыркнуться, «перекинуться», соответственно, оборотня называют перекидышем, перевертышем» [Даль 1991: 38].

В народе бытует множество рассказов о превращениях «обуров» – «ведьм» в кошек. Люди верят, что «обуры питают пристрастие к крови грудных младенцев, или что они, пробравшись к колыбели младенца в образе кошки, душат детей» [Джуртубаев 1991: 89]. Считалось, что если ранить оборотня, пока он находится в животном обличье, то рана сохранится и после возврата в исконное состояние. Именно так в древности и выявляли ведьм-оборотней. Об этом рассказывается в быличке «Кечелик» – «Ночной», зафиксированной от Тюбеевой Зафуры в 1974 г. Сказительница передала рассказ со слов бабушки, которая обожгла морду кошки-оборотня, высасывавшей кровь из пупка младенца. Позднее узнали, что подобное увечье оказалось у какой-то женщины в селе. Она и была «обуром» – «ведьмой».

«Кече, сабий жукълап тургъанлай, обур, киштик сыфатны алып, ожакъ бла неда эшик бла тюшюп, сабийни киндигинден къанын эмип ёлтюргенди. Мени аммам кеси обурну тутханды. Эки жашындан бирин алай этип ёлтюргенди. Экинчисин да алай этип ёлтюре тургъанлай тутуп, жухун отха сукъгъанды. Ол алай этгенлей, киштик ычхынып къачханды. Экинчи кюн къоншу кьатын ауруп жатханды. Сора баргъанда, аны жуху байланып тура эди. Обур кьатын ол

болганды. Аны жуху отха күйюп тура эди» [Архив КБИГИ] – «Ночью, когда ребёнок спал, ведьма (колдунья), приняв облик кошки, спустившись через трубу или через дверь, убила ребёнка, высосав из него кровь через пупок. Моя бабушка сама поймала ведьму. Одного из двух ее сыновей она убила таким образом. Когда она и второго так же убивала, поймала и сунула мордой в огонь. Когда она сделала так, кошка вывернулась и убежала. На второй день соседка слегла. Когда пошла проведать, у нее было забинтовано лицо. Ведьмой была она. Ее лицо было обгоревшим».

Способность «обуров» – «ведьм» перевоплощаться породила поверье о том, что как бы человек ни остерегался их, они все равно проникали в закрытое жилище. Поэтому, чтобы обезопасить себя от подобных несчастий, люди совершали особый ритуал: изгоняли их, читая молитвы, или же проводили магические обряды. Считалось, что только так можно защитить жилище от нечистой силы.

В карачаево-балкарском устном творчестве встречается большое количество повествований и поверий о кошках. Подобные рассказы мы слышали от старшего поколения. Например, одним из таких повествований является текст о том, почему кошки едят с закрытыми глазами. В рассказе говорится, что в другом мире, кошку спросят, кормил ли ее хозяин, на что она ответит, что не видела.

Кошка вхожа в жилище человека, она находится рядом с ним, что дало ему возможность в повседневной жизни изучить ее повадки и привычки, и узнать хитрости, поэтому и перевоплощение «обуров» – «ведьм» в кошек было не случайным. Преимущество превращения в кошек отслеживается и в фольклоре других народов Кавказа: «...уды чаще всего выступают в образе кошек. Основное время похождения удов – ночь, когда они свободно охотятся за своими жертвами». [Шортанов 1982: 185].

Похожие рассказы о котках-оборотнях встречаются и в османской демонологии. Животное похожее на кошку, садящееся на грудь спящему человеку, и таким образом душащее его называют «Кара-кура». «Кара-кура, животное вроде кошки, тихонько-тихонько ступая, садится на человека, когда он погружен в глубокий сон. Куда ни сядет Кара-кура, человек чувствует, что на него навалилась тяжесть; он не только не может повернуться, но теряет голос, дыхание у него обрывается. Ему хочется крикнуть, и не может. Так продолжается несколько минут. Человек обливается потом. Вдруг приходит ему в голову прочесть стих из Корана «Эзюю, бесмеле»; тихонько открывает он глаза, но Кара-кура, сидевшая на нем, уже исчезла, ошалелый, смотрит он по сторонам – кругом все тихо. Он все читает Коран» [Гордлевский 1962: 308].

Итак, мифы проникают «в фольклорные тексты как в виде архаических представлений о мире, традиционных архетипов народного сознания, так и в качестве формообразующего элемента (языка и стиля), а многие мифологические мотивы становятся генетической основой для дальнейшего развития их, трансформации в иные фольклорные жанры» [Маргуни 1983: 142]. Колдуны и ведьмы в других жанрах фольклора совсем иные, чем в быличках и бывальщинах. В карачаево-балкарском языке синонимом слова «обур» является «кьурха», переводится – «ворожея», «чародейка», «ведьма». «Это может быть злая старуха, вредящая героям, наводящая чары, помогающая их врагам коварными советами, но чаще это старая мудрая женщина, сведущая в травах и снадобьях» [Джуртубаев 1991: 93]. Она наравне с демонологическими героями может менять свой облик, превращаясь в животных.

Таковыми сверхъестественными возможностями обладает героиня карачаево-балкарского эпоса «Нарты» – Сатанай. Она лечит нартов травами, учит их хитростям, чтобы помочь попавшему в плен к эмегенам Ёрюзмеку, она оборачивается чернубурой лисой. За ней в сказаниях прикрепились такие эпитеты как «обур Сатанай», «кьуртха Сатанай».

«Ёрюзмекни обур къатыны Сатанай аны билгенди, дейди,
Ол къара тюлюк болуп, эртденликге, дейди,
Къаланы аллына келгенди, дейди» [Нарты 1994: 108].

«Жена Ёрюзмека – ведунья Сатанай об этом узнала, говорят,
Она, обернувшись черной лисой, утром, говорят,
Пришла к крепости, говорят»

В нартском эпосе силой оборотничества обладали не только «обуры» – «ведьмы», но и другие герои, владевшие «чудесными предметами». Например, великан, рассердившись, на нарта Ёрюзмека, ударив плетью, превращает его в охотничью собаку.

Эмеген ачууланды, кюкюреди, дейди.
Ундурукъ кьулагъындан *къамичини* алды, дейди.
– Кёкде баргъан къанатлы болмаса,
Жерде баргъан жаныуарны иймеэча, эгер бол! – деп,
Жатхан Ёрюзмекни урду, дейди.
Ёрюзмек, сынсып, эгер болуп кьопду, дейди» [Нарты 1994: 108].

«Великан разозлился, загремел, говорят.
Снял со спинки кровати *войлочную плеть*, говорят.
– Кроме птиц, пролетающих на небе,
Чтобы не упускал ни одного зверя на земле,
стань охотничьей собакой! – сказав,
Ударил, лежащего Ёрюзмека, говорят.
Ёрюзмек, заскулив, обернулся в охотничью собаку, говорят»

Этот атрибут ведьм из мифологии перешел в другие жанры фольклора, трансформировавшись в предмет, обладающий чудесными свойствами, имеющий возможность изменять облик персонажа сам без помощи колдунов. Подобное обращение имеет насильственный характер, являющийся следствием воздействия наделенного волшебной силой предмета.

Чудесная плеть часто встречается и в волшебных сказках. «Обычно ее владельцами выступают антагонисты героя...» [Гулиева (Занукоева) 2019: 89].

С подобными сюжетами мы сталкиваемся во многих карачаево-балкарских волшебных сказках. Но в данном жанре роль «обуров» – «ведьм» иная. «Сказочные колдуны и ведьмы – это волшебники, с их великим сказочным могуществом, между тем как колдуны и ведьмы в быличках и бывальщинах реальные люди. В отличие от быличек, в волшебных сказках «в образе обур могут представлять как женщины, так и мужчины» отмечает Гулиева Ф. «Они также обладают магическими способностями, умеют перевоплощаться в других людей, животных и даже неодушевленные предметы» [Гулиева (Занукоева) 2019:89].

Таким образом, одно из главных мест среди демонологических персонажей в устном народном творчестве карачаевцев и балкарцев, как и в мифах и сказаниях большинства народов, занимает ведьма. Внешний облик и некоторые особенности «обуров» – «ведьм» сближает ее образ с подобными персонажами других народов Кавказа, а так же с образами славянской демонологии: антропоморфность, женская основа, отрицательная внешность, магические возможности, распущенные волосы, особая отношение к огненной стихии, мотив похищения людей, перемещение между мирами. Взаимопроникновение сюжетов и образов культуры одного народа в фольклорные произведения другого определило их многовековое соседство.

Хотя уже много столетий карачаевцы и балкарцы проповедуют мусульманскую религию, в их этнической духовной культуре все же сохранились следы

языческих верований: суеверия, обряды, заговоры. Через устные рассказы можно отследить исчезнувшие в прошлые времена обрядность и мифологию, во многом определяющие самобытность народа, его отношение к разным явлениям действительности, в том числе и к нечистой силе, колдовству. С развитием науки многие сверхъестественные явления, нашли рациональное объяснение, но страх людей перед тайнами природы не покинул полностью их сознание.

Источники и литература

1. *Архив ИГИ КБНЦ РАН*. Карачаево-балкарский фольклор. 1 папка, 50 паспорт; 2 папка, 40 паспорт; 24 паспорт, 43 папка.
2. *Афанасьев А.Н.* Происхождение мифа. М.: Индрик, 1996. 638 с.
3. *Виноградова Л.Н.* Оборотничество // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И.Толстого. Т. III. М., 2004.
4. *Гергокова Л.С.* Мифологические персонажи в карачаево-балкарских быличках и бывальщинах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6 (72). Ч. 2. 2017. С. 24–26.
5. *Гордлевский В.А.* «Из османской демонологии» // Избранные сочинения. Т. 3. История и культура. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 299–325.
6. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* «Карачаево-балкарская волшебная сказка». Нальчик, 2019. 108 с.
7. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Мотив оборотничества в карачаево-балкарских волшебных сказках // Вестник КБИГИ. 2019. № 4–1 (43). С. 97–103.
8. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Русский яз. 1981–1982. Т. 4. P-V. 1982. 683 с.
9. *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев (краткий очерк). Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.
10. *Королев К.* Энциклопедия сверхъестественных существ. М.: Мидгард, Эксмо, 2006. 720 с.
11. *Кук А.С.* Потусторонние силы и нартский эпос: мифические образы уда и джын // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2015. № 7 (31). С. 46–56.
12. *Маргуни А.В.* К вопросу о происхождении и развитии сюжета и жанра (Миф – эпос – сказка) // Historical-Philological Journal. 1983. № 1. С. 136–148.
13. *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев.* М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 656 с.
14. *Неклюдов С.Ю.* Оборотничество: «природа вещей», объем понятия, региональные версии // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 5 / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М.: Индрик, 2016. С. 12–34.
15. *Файзуллина Г.Ч.* Женские демонические персонажи в мифах и фольклоре народов Западной Сибири: генезис, функции, атрибутика // Научный диалог. 2019. № 12. С. 198–209.
16. *Филатова В.Ф.* Былички об оборотнях // Язык и образы фольклора. Русская речь. № 6. 2004. С. 103–107.
17. *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. 194 с.

IMAGES OF WELFARE IN KARACHAYEV-BALKAR FOLKLORE

Gergokova Leyla Sozakbayovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Karachay-Balkar Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), leylagergokova79@mail.ru

The article examines the motive of werewolves in the Karachai-Balkarian folklore. Particular attention is paid to the characteristics of «obur» – «witch», a female demonic character. This image penetrated into the oral artistic creation of the Karachais and Balkars (in bylichki

and former lands) from lower mythology. The particularities of the specific objectification of the transformation motive in oral prose are analyzed using comparative material from other genres, as well as from samples of the folklore of neighboring peoples, in the genre nomenclature of which there is an identical female mythical character. The work also considers possible types of transformation of the presented images, depending on the described specific case and functional features. The interrelation of the analyzed characters with totemistic ideas widespread in the ancient ethnic culture – beliefs and archaic genres of folklore of the Karachais, Balkars and neighboring peoples is indicated.

Based on the rich factual material, the author analyzes the narratives about the medial functions of werewolves traveling between two worlds during the obligatory metamorphosis – the temporary transformation of elderly women into cats and wolves. Attention is focused on the fact that these images refer in most cases to evil evil spirits, whose activities are aimed at harm to people.

Keywords: witches, sorcerers, werewolves, mythology, evil spirits, bylichki, past.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-140-147

ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ. К 80-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Х.И. БАКОВА

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», adam.gut@mail.ru

Статья посвящена 80-летию юбилею ведущего научного сотрудника сектора адыгской литературы ИГИ КБНЦ РАН, доктора филологических наук, профессора Бакова Хангери Ильясовича. Отмечаются основные вехи биографии ученого, его наиболее знаменательные достижения и заслуги в области адыгского и кавказского литературоведения. В частности, отмечается его существенный вклад в изучение взаимосвязи между общим ходом становления и эволюции национальной литературы и ролью творческой индивидуальности в этом процессе. Постановке и решению этой важной проблемы исследователь посвятил четыре фундаментальные монографии и несколько десятков статей. Установление особенностей проявления роли творческой личности в названной области имеют важное теоретико-методологическое значение не только для адыгского литературоведения, а и для установления общих закономерностей развития национальных художественных литератур разных народов. Особое внимание уделяется ученым творчеству таких знаковых для адыгской литературы фигур как А. Шогенцуков, Т. Керашев, А. Кешоков, Х. Бештоков, И. Машбаш, Б. Утижев. Творчеству последних двоих посвящены отдельные монографии. Значителен вклад юбиляра в разработку ряда других проблем адыгского литературоведения, а также в дело развития среднего и высшего образования. Кроме того, обращается внимание на гармоническое сочетание в нем высокого интеллекта, преданности своей профессии и личностных качеств.

Ключевые слова: адыгское литературоведение, творческая индивидуальность, литературный процесс, новописьменные народы, эволюция.

Признано, что достаточно полную информацию о человеке может дать официальная справка, называемая в обиходе объективкой. Но не всегда это так. Вот, например, данные из одной такой справки.

Баков Хангери Ильясович – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный деятель науки КБР И КЧР, член Союза писателей России.

Родился в 1940 году в ауле Жако Карачаево-Черкесии. В 1942 году в боях за Сталинград погиб отец. Мать, рядовая крестьянка, осталась с тремя малышами на руках. Младшие классы окончил в сельской школе, в 1956 г. был определен в областную школу-интернат – как сын погибшего участника Великой Отечественной войны. По окончании 2 года работал в строительной бригаде совхоза. 1961–1964 – служба в Советской Армии. 1964–1969 – учеба в КБГУ – Историко-филологический факультет, специальность – филолог, преподаватель кабардино-черкесского и русского языков и литературы. 1969–1973 аспирантура Института мировой литературы Академии наук СССР, написание кандидатской диссертации и успешная защита. 1973–2004 – ассистент, преподаватель, далее последовательно – доцент, профессор, заведующий кафедрой, декан факультета, директор Института филологии Карачаево-Черкесского государственного педагогического института (позднее – Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Алиева). С 2004 г.

по настоящее время – ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

Автор пяти монографий, сборника избранных статей по литературе, более сотни других научных трудов, в их числе участие в фундаментальных коллективных работах «Адыгская энциклопедия», «История кабардино-черкесской литературы» в двух томах, доклады на многих региональных, всероссийских, всесоюзных, международных научных форумах в нашей стране и за ее пределами, публикации в солидных отечественных и зарубежных научных изданиях.

Даже и самого подробного перечисления было бы недостаточно для того, чтобы создать портрет человека, дать полное представление о том, что сделано им за несколько десятилетий плодотворного труда. Поэтому позволим себе не акцентировать внимание на таких видах деятельности как создание многочисленных учебных пособий и программ, участие в составлении школьной программы по кабардино-черкесской литературе, а также членство в межвузовских комиссиях и квалификационных советах регионального и всероссийского масштаба. Вклад юбиляра в каждую названную область неординарен. Но чтобы получить объективное представление о многогранной деятельности юбиляра нужно самому увидеть тот след, который человек продолжает вести по целинному полю под названием жизнь.

В университете мы учились параллельно, а из пяти лет учебы четыре, начиная со второго года, жили в одной комнате в общежитии. Еще в студенческие годы Хангери выделялся из нашей общей среды масштабностью и оригинальностью мышления, а это, как считают специалисты, явные признаки таланта. Уже тогда он целенаправленно изучал не просто общий курс литературы, а ее природу и индивидуальные особенности каждого автора. «Ему повезло с удачно выбранной темой», – так говорят иногда о человеке, если он успел все вовремя выполнить и получить соответствующую высокую оценку своего труда. Но выбор темы это не лотерея, и здесь нет принципа «повезет – не повезет» – ее актуальность и перспективность требуется увидеть, даже логически бесстрастно вычислить. А для этого нужно не уповать на слепую фортуна, а проявить ясность ума, глубину знания проблематики, широту общего кругозора. Перспективность того или иного направления в науке умеет почувствовать только тот, кто в ней хорошо разбирается изначально. Вот и Хангери Ильясович, попав в аспирантуру, не гадал на кофейной гуще, а сразу же принялся за решение очень интересной и малоизученной проблемы – роли творческой индивидуальности в становлении и развитии новописьменной литературы адыгов. На примере анализа творчества нескольких поколений адыгских поэтов и писателей он блестяще исследовал основные закономерности влияния яркой творческой индивидуальности на процесс фактического возникновения и развития литератур, которые именуются новописьменными, а вернее – которые начали формироваться и интенсивно развиваться где-то в конце XIX или начале XX столетий.

Сказать по правде, отечественное литературоведение, как и вся официально признанная эстетическая теория, несколько десятилетий находилось в состоянии вялотекущего кризиса, обусловленного без всякой меры жесткой привязкой его теоретических постулатов к так называемой формационной теории и ее «литературному отпрыску» под названием «социалистический реализм». Предложенный Баковым ракурс исследования вписывался в русло довольно корректных, но продуктивных попыток выхода из тупика вульгарно-социологического подхода к искусству. Не сказать, что наш коллега и старый товарищ был первым, кто обратил внимание на данное явление, но он оказался одним из первых, кто с дотошностью настоящего ученого исследовал индивидуальные феномены в контексте всей истории национальной литературы. Суть его концепции начинала проявляться с признания объективных законов развития искусства и литературы, общих и для

народов с многовековыми письменными традициями, и тех, которые волею судеб обрели письменность сравнительно недавно. Но при этом особое внимание акцентировалось на следующем суждении: *не только время выдвигает достойных его личностей, но и сами личности играют важную, а иногда и решающую роль в выборе путей эволюции словесного искусства, всей совокупности его видов вообще и даже всего общества на определенном историческом этапе*. Избранный ракурс изучения оказался настолько интересным и перспективным что в его русле требуется сделать не одно и не два конкретных исследования. Неудивительно, что Хангери Баков написал на эту тему не только первую большую квалификационную работу, он и докторскую свою посвятил дальнейшим и более глубоким разработкам проблемы личности и объективных законов эволюции адыгских литератур. Площадь небольшой статьи не позволяет развернуть обстоятельный анализ оригинальной концепции ученого, хотя литературоведение относится к таким научным дисциплинам, которые должны быть доступны широкому кругу читателей. Да и большой необходимости в том здесь может и не быть. Достаточно отметить главное – что теоретико-методологические принципы, выработанные профессором Х.И. Баковым, признаны востребованными и состоятельными в отечественной гуманитаристике. Свидетельство тому – не просто комплиментарные, а сугубо научно-оценочные отзывы многих ведущих литературоведов страны и высокая частотность ссылок на его труды.

В наше время редко какой уважающий себя исследователь истории литературы народов Северного Кавказа обходится без опоры на обобщения и выводы, которые сделаны в статьях и монографиях профессора Х.И. Бакова. Естественно, без учета его трудов и его основополагающих выводов невозможно сегодня написать обобщающее научное исследование в области истории и теории нашей национальной литературы. Невозможно также без апелляции к его статьям и книгам представить себе творчество таких корифеев адыгской и кавказской художественной словесности, каковы Бекмурза Пачев, Тембот Керашев, Алим Кешоков, Алим Ханфенов, Исхак Машбаш, Хабас Бештоков, Борис Утижев и целый ряд других знаковых фигур.

Довершая характеристику заслуг юбиляра в области научных изысканий, никак нельзя не упомянуть отдельно сделанного им вклада в литературоведение за последние полтора десятилетия с небольшим, с той поры, как он перешел в академическое исследовательское учреждение из вуза, где подготовке новых кадров было отдано более трех десятилетий. За это относительно короткое время им написано три монографические работы, порою совершенно разные по тематике, но близкие по духу. Это – исследование многогранного художественного дарования одного из самых ярких представителей национальной литературы Бориса Утижева, исследование творческого своеобразия крупнейшего адыгского поэта и писателя Исхака Машбаша, а также историко-литературный и теоретический труд, посвященный природе сатиры и юмора в адыгских литературах. И то, и другое, и третье – это значительные вклады в национальное, кавказское и в целом всё отечественное литературоведение. Кроме того, он принял самое деятельное участие в завершении ранее начатой двухтомной истории кабардино-черкесской литературы. Здесь он выступил и в качестве автора, и в качестве одного из трех членов редколлегии. Именно с его приходом в авторский коллектив связано проявление полной компетентности относительно той составной части целого, которая представляет творчество адыгских писателей Карачаево-Черкесии. Весьма лестные и, надо признать, вполне заслуженные высокие отзывы получил выпущенный им в эти же годы сборник избранных статей, посвященных актуальным проблемам истории, нынешнего состояния и перспектив развития национальных литератур в современном мире.

Однако возвратимся к годам, проведенным в Карачаевске. Только появившись в стенах вуза, он уже обратил на себя внимание как блестящий оратор и разносторонне

образованный специалист. Без этого, пожалуй, было бы невозможно читать лекции по таким совершенно разным темам как родная кабардино-черкесская литература, литература народов России, русский фольклор, зарубежная классическая и современная литература. Как он читал – об этом можно судить по тому, что начальство быстро заметило его и стало охотно водить разные приезжающие комиссии именно на его занятия. Талантливого педагога заметило и более высокое начальство: его и самого стали включать в состав разных комиссий федерального министерства, и благодаря этому Х.И. Баков побывал во многих крупных учебных заведениях страны. Побывал не просто с ревизией, а еще и с огромной пользой для себя – в плане обмена передовым опытом. Примечательно, что однажды, было это в Ульяновске, он так блестяще провел мастер-класс по творчеству французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери, что из трех десятков конкурсантов оказался одним из трех, которые получили высший балл.

Став руководителем факультета, а позднее – института в составе университета, он сумел поставить работу таким образом, что его подразделение всегда выходило на первое место в вузе. Хангери Ильясовичу принадлежит также заслуга создания первого в Карачаево-Черкесском госуниверситете специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по литературе. Благодаря этому десятки молодых специалистов получили возможность писать и защищать свои диссертации, не ломая себе головы над тем, куда бы поехать и кого бы попросить о помощи. В деле подготовки национальных кадров это было бесценным подспорьем. Вот из таких и множества других дел общественного и государственного масштаба составлялся авторитет ученого и педагога. Впоследствии знаками признания их явились те официальные награды и почетные звания, которые сами по себе не всегда способны дать полное представление о значении незаурядной личности, а могут лишь дополнить портрет очень важными штрихами. Но чем мы ближе знакомимся с такими людьми, тем больше понимаем, что и за глубокими званиями, и за не очень частыми награждениями стоят годы напряженной и продуктивной работы, без которой жизнь общества так и осталась бы в черно-белом отражении.

Говорят, представители гуманитарных дисциплин достигают поры интеллектуальной зрелости в довольно преклонном возрасте, потому что здесь огромную роль играет жизненный опыт в сочетании с теоретическими познаниями. Возможно, это не совсем так, потому что история знает примеры того, как блистательные знания и глубокие научные обобщения делались людьми довольно молодыми. Но что касается Хангери Ильясовича, то в свои восемьдесят он полон и новых идей, и энергии, достаточной для их воплощения.

Умный читатель, конечно же, с полным на то основанием волен упрекнуть автора настоящей статьи в чрезмерной идеализации своего друга и коллеги. Признаюсь, я сознательно пишу только о достоинствах, хотя никто из нас не ангел небесный. Но мне думается, мы нередко и товарищей своих боимся перехвалить, да и сами готовы представлять себя меньше, чем мы есть на самом деле. Уместно будет напомнить о нравственной ответственности представителя гуманитарных дисциплин: каждый крупный ученый в ответе перед обществом, в особенности за те области деятельности, которые он сам избрал сферой своей компетенции, потому что всё, что он в этой сфере делает – хорошо или плохо, – будет маркировано его именем, а что не сумеет, никто другой, возможно, не сделает никогда. Хангери Ильясович один из таких специалистов, которые живут с чувством ответственности за накопление знаний. Поэтому при оценке личности его человеческие слабости не главное. Многолетняя дружба с ним позволяет мне признать его, пусть и со всеми слабостями, надежным и верным товарищем, готовым при надобности отдать другу последнее, не задумываясь над тем, с чем он сам останется, и как будет жить. За свою жизнь я сталкивался со многими людьми. Одни ушли из этой

жизни, оставшись навсегда в благодарной памяти, многих я без сожаления сам вычеркнул из своей жизни, хотя они могут быть совсем рядом, с некоторыми состою в приятельских, но не дружеских отношениях. Хангери Баков из тех немногих, кто за долгие годы – с середины 60-х годов и до наших дней – ни разу не дал повода усомниться в своей высокой порядочности, и поэтому я горд, что сумел быть достойным его дружбы.

Незаметно для себя мы из молодых начинающих превратились в среднее, а затем и в старшее поколение. Это превращение обозначено для Х.И. Бакова не просто прибавлением в возрасте, но также монографиями, статьями, докладами на научных конференциях разных уровней, диссертациями, которые даются только упорными египетскими трудами. И только вдогонку за этим следуют научные и почетные звания, награды, иногда и общественное признание. Также этот труд вознаграждается множеством учеников, наиболее одаренные из которых пошли по стопам своего наставника и сами уже защитили кандидатские и докторские диссертации. Никому не дано знать, сколько нам отмерено жить на этой земле, здесь последнее слово, увы, не за нами. Наш юбилей принадлежит к быстро рдеющей, быть может исчезающей, когорте интеллектуалов, которые всю жизнь учатся, постигая мудрость жизни не только из книг и интернета, но и из живой действительности. К настоящему времени у него накопился огромный потенциал знаний и опыта, который ничем заменить невозможно, и ни в одной иной голове его не может быть. Не может, потому что каждый человек индивидуален, каждый копил свои знания и свой опыт всю свою жизнь. А накопленное такими людьми во все века было уникальным багажом всего общества. Поэтому и хочется, чтобы его знания, его умение, его доброта, обаяние и высокая порядочность еще многие годы были активно действующей силой.

HIGH HONOR. ON THE OCCASION OF THE 80th ANNIVERSARY OF PROFESSOR KH.I. BAKOVA

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Adygeyan Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

The article is dedicated to the 80th anniversary of the leading researcher of the Adygeyan literature sector of the Institute of Humanities KBSC RAS, Doctor of Philology, Professor Bakov Khangeri Ilyasovich. The main milestones in the biography of the scientist, his most significant achievements and services in the field of the Adyge and Caucasian literary criticism are noted. In particular, his significant contribution to the study of the relationship between the general course of formation and evolution of national literature and the role of creative individuality in this process is noted. The researcher devoted four fundamental monographs and several dozen articles to the formulation and solution of this important problem. The establishment of the features of the manifestation of the role of a creative person in the named area is of great theoretical and methodological significance not only for the Adygeyan literary criticism, but also for the establishment of general patterns of development of national artistic literatures of different peoples. Special attention is paid to the scholarly creativity of such significant figures for the Adygeyan literature as A. Shogentsukov, T. Kerashev, A. Keshokov, Kh. Beshtokov, I. Mashbash, B. Utizhev. Separate monographs are devoted to the creativity of the last two. The contribution of the hero of the day to the development of a number of other problems of the Adygeyan literary criticism, as well as to the development of secondary and higher education. In addition, attention is drawn to the harmonious combination of high intelligence, dedication to his profession and personal qualities.

Keywords: Adyge literary criticism, creative individuality, literary process, newly written peoples, evolution.

**ГУЗЕЛАНЫ ЖАМАЛНЫ КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛНИ ТИНТИУГЕ
ЭМ АЙНЫТЫУГЪА САЛГЪАН КЪЫЙЫНЫ
(Гузеланы Жамалны 80-жыллыгына)**

Махийланы Хамангерийни кызы Людмила, Гуманитар тинтиулени Институтуну «Федерал араны «Россей академияны илмуларыны Къабарты-Малкъар илму ара» деген Федерал кырал бюджет учрежденияны Филиалыны къарачай-малкъар тил бѣлюмюню тамата илму кьуллукъчусу, директорну орунбасары, liudmila.makhiieva@mail.ru

Локияланы Магомедни кызы Жаухар, Гуманитар тинтиулени Институтуну «Федерал араны «Россей академияны илмуларыны Къабарты-Малкъар илму ара» деген Федерал кырал бюджет учрежденияны Филиалыны къарачай-малкъар фольклор бѣлюмюню кичи илму кьуллукъчусу, lokujeva.zh@mail.ru

Статья белгили алим, тюрколог, филология илмула ны доктору, профессор, Къабарты-Малкъарны илмусуну сыйлы кьуллукъчусу, Къабарты-Малкъар республиканы кырал премиясыны лауреаты, Халкъла аралы тюрк академияны академиги, Россейни тюркологларыны комитетини члени Гузеланы Магомедни жашы Жамалны юбилейине жораланады. Гузе улу кѣп жылланы ичинде илму, окьутуу иште да жетишимли урунганды, къарачай-малкъар тил билимни угъай, саулай тюрк тиллени тинтиуге да аслам кыйын салгъанды. Ол 10 сѣзлюкню, 15 монографияны, онла бла саналгъан окьуу эм окьутуу-методика китапланы, тѣрт жюзге жууукъ илму статьялары авторуду. Аны къарачай-малкъар тилни тюрк тилле бла бирчалыгъын, башхалыгъын, энчиликлерин да тенглешдириу халда тинтген статьялары республикадан, кыралдан тышында да белгиледи, саулай тил илмуда да даражалыдыла. Гузеланы Жамал республиканы илму эм илму – педагогика кьуллукъчуланы: школлагъа, орта эм бийик билим берген юйлеге устазланы хазырлаугъа да тийишли юлюшюн кьошханды. Андан сора да, аны башчылыгъы бла тѣртеулен филология илмуланы докторуна, онеки адам филология илмуланы кандидатына диссертацияларын жазгъандыла эм жетишимли кьоруулагъандыла. Белгиленген затла барысы да алимни ишини кыйматлыгъына, къарачай-малкъар тилни тинтиуге бла айнытыугъа, саулайда тил илмугъа да болмагъанча уллу кыйын салгъанына шагъатлыкъ этедиле.

Баш магъаналы сѣзле: алим, къарачай-малкъар тил, тил билим, лексикология, лексикография, фонетика, фонология, фразеология, орфография, орфоэпия.

Белгили алим, тюрколог, Халкъла аралы тюрк академияны академиги, Къабарты-Малкъар республиканы илмусуну сыйлы кьуллукъчусу, филология илмуланы доктору, профессор, Къабарты-Малкъар илму араны гуманитар тинтиуге бардыргъан институтуну къарачай-малкъар тил бѣлюмюню баш илму кьуллукъчусу Гузеланы Магомедни жашы Жамал 1940 жылда Къабарты-Малкъарны Черек районну Огъары Жемтала элинде туугъанды.

Аны сабийлиги миллетни сынаулу жылларында туугъан журтундан узакъда кѣчгюнчюлюкде ѳтгенди. 1957 жылда, малкъар халкъны азатлыгъы кыйтарылгъандан сора, ол юйюрю бла бирге туугъан жерине кыйтады эм, Тѣбен Жемталаны интернат-школун айырмалы бошап, Къабарты-Малкъар кырал университетни тарых-филология факультетини орус-малкъар бѣлюмюне окьургъа киреди. 1964 жылда аны жетишимли тауусуп, элине устаз болуп кыйтады. Бир ненча жылны ичинде эли школунда немец тилден, орус тилден бла адабиятдан сабийлени окьутады, школну директоруну орунбасары болуп да ишлейди. Аны эччилени, жууукъ-тенгни, устазланы, окьуучулары арасында да сыйы-намысы ююрюдю, барысы бла да акъылы иги келишеди. Алай Гузе улу школну иши бла чекленир акъылдан азат эди. Ол арсарсыз илмуну жолун сайлайды эм 1970 жылда Къыргъызтанны ара шахары Фрунзеде кырал университетни орус тилден

аспирантурасына киреди. Анга илму ишни жазаргъа берилген замандан иги да алгъаракъ, 1972 жылда «Сопоставительная фонетика русского и карачаево-балкарского языков» деген кандидат диссертациясын [Гузеев 1972] жетишимли къоруулайды.

Гузеланы Жамалны акъылы, билими, дунягъа кѳз къарамы илмуну бийигине ѳрлерге, ол сыйлы борчну жашауда заманны излемине кѳре тамамларгъа онг береди. Жаш алим кесини билимин тийишлисича хайырланыр акъылда 1972 жылда Къабарты-Малкъарны илму-излем институтуна (шѳндюгю Къабарты-Малкъарны илму арасыны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуна) кичи илму къуллукъчу болуп киреди, кѳп да турмай, аны тамата илму къуллукъчугъа кѳчюрюледди. Билими, илму ишге кѳл салыуу, къарамыны энчилиги, ишни тамамлауда айырмалылыгъы бла да кѳплеге юлгю болаллыкъ жаш адамны къысха заманны ичинде къарачай-малкъар тил бѳлюмге тамата этип саладыла.

Гузеланы Жамал, къарачай-малкъар тил билимни айнытыуну, анга къуллукъ этиуню кесини сыйлы борчларындан бирине санап, илмуну жолунда алгъа таукел барыргъа борч салады эм, КъМІІІІ-де ишлей тургъанлай, 1986 жылда къыралыбызны ара шахары Москвада «Теоретические основы составления толковых словарей тюркских языков» деген доктор диссертациясын [Гузеев 1986] жетишимли къоруулап, миллетни докторларыны ал сатырына къошулады.

Къарачай-малкъар тил билимде тамамланырыкъ жумушла аслам болгъанын, тилни тазалыгъын, кирсизлигин сакълар ючюн бек биринчиден сѳзлюкле керек болгъанын Гузе улу шарт ангылайды эм ишни арсарсыз къолгъа алады, бир къауум жылыны ичинде ондан артыкъ тюрлю-тюрлю сѳзлюклени жарашдырады. Филология илмуланы кандидаты Созайланы Борис бла бирге «Малкъар тилни школ орфография сѳзлюгюн» (1982, 1999); филология илмуланы доктору Ахматланы Ибрагим бла бирге «Малкъар тилни орфография эм пунктуация жорукъларын» (1991); Къабарты-Малкъар илму араны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну къарачай-малкъар тил бѳлюмню къуллукъчулары Ахматланы Ибрагим, Отарланы Исмаил, Улакъланы Махти, Жаппуланы Алий, Жабелланы Люба, Махийланы Людмила, Апполаны Алим бла бирге «Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѳзлюгюн» (1996, 2002, 2005); «Малкъар тилни школ ангылатма сѳзлюгюн» (2000); «Малкъар-орус школ орфография сѳзлюгюн» (2003); «Къарачай-малкъар тилни омонимлерини сѳзлюгюн» (2013); филология илмуланы кандидаты Махийланы Людмила бла бирге «Къарачай-малкъар тилни малкъар ц/з диалектини къысха сѳзлюгюн» (2015) эм «Къарачай-малкъар тилни антонимлерини сѳзлюгюн» (2016); Къабарты-Малкъар илму араны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну къарачай-малкъар тил бѳлюмню илму къуллукъчулары Улакъланы Махти, Мусукланы Борис, Махийланы Людмила, Апполаны Алим, Кючмезланы Лариса бла бирге «Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сѳзлюгюн» (2017) хазырлагъанды. Бир сѳз бла айтханда, белгиленген сѳзлюклени асламысы Гузеланы Жамалны башчылыгъы бла жарашдырылгъандыла. Бу сѳзлюкле ѳмюрден ѳмюрге, тѳлюден тѳлюге тилибизни тыпыр ташлары болгъанлай турлукъдула эм ала бла алимле, устазла, студентле, окъуучула суюноп хайырланырыкъдыла.

Гузеланы Жамалны илму монографияларын къарачай-малкъар тил илмуда энчи белгилерге тийишлиди: «Сопоставительная фонетика русского и карачаево-балкарского языков (К вопросу о лингвистических основах русского произношения в балкарских и карачаево-балкарских школах)» (1976), «Основы карачаево-балкарской орфографии» (1980), «Проблематика словника толковых словарей тюркских языков» (1984); «Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков» (1985), «Бусагъатдагъы къарачай-малкъар литература тил. 1-чи кесеги» (1998), «Къарачай-малкъар тилни тинтиуню тарыхы эм проблемалары» (2002), «Школда малкъар тилни окъутууну проблемалары» (2005), «Бусагъатдагъы

къарачай-малкъар литература тил. Морфемика, морфонология, сёз къурау. 2-чи кесеги» (2006), «Проблемы полисемии и омонимии в карачаево-балкарском языке» (2007), «Семантический способ словообразования в тюркских языках» (2009), «Карачаево-балкарская фонетика» (2009), «Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка» (2010), «Фразеологизация свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке» (2013), «Проблемы внутриглагольного словообразования в карачаево-балкарском языке» (2013), «Однокоренные синонимы в карачаево-балкарском языке» (2014). Бу илму монографияла жаланда къарачай-малкъар тил билимни угъай, саулайда тюркологияны бай хазнасыдыла.

Арт жыллада Къабарты-Малкъар илму араны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуна къарачай-малкъар тил бёлюмюню илму къуллукъчулары жарашдыргъан «Современный карачаево-балкарский язык» (2016, 2018) деген эки китапдан къуралгъан кыйматлы илму иш чыкъгъанды. Анда къарачай-малкъар тилни фонетикасына, фонологиясына, орфоэпиясына, орфографиясына, лексикологиясына, фразеологиясына, морфемикасына, морфонологиясына, сёз къурауна да тынгылы къаралады, заманга кёре тилде тюрлениулерине да энчи эс бурулады. Биринчи китапны баш редактору Гузеланы Жамалды, экинчи китапда уа ол бир бёлюмюню авторуду.

Алай бла, Гузе улу илмугъа уллу къошумчулукъ этгени даулашысызды: ол ондан артыкъ сёзлюкню, онбешге жууукъ илму монографияны, отуздан артыкъ университетни устазлары хайырланырча окъуу-методикалы пособияны, окъуу программаланы, студентлеге методика кёргюзтюмле бла сынау ишлени пособияларын, 4-чю, 5-чи классланы окъуучуларына школ-окъуу китапланы да жарашдыргъанды.

Андан сора да ол кёп жылланы ичинде илму китаплагъа, статьялагъа рецензияла жазгъанды, аланы асламысына редакторлукъ этгенди, илму сборниклени редколлегияларыны члени болгъанлай талай жыл тургъанды, кандидат эм доктор диссертацияларын къоруулагъанлагъа оппонентлик этгенди. Бир сёз бла айтханда, аны илмуда тамамлагъан ишлерине барысына да багъа бичерге, ол угъай, энчи-энчи белгилеп санаргъа окъуна кыйынды. Заман бара-баргъанда Гузеланы Жамалны илмуда кыйынына жораланган кыйматлы илму ишле жазыллыгына, алимни ёмюрлюк кыйынына тийишли багъа бичиллигине ийнанабыз.

Тюрлю-тюрлю жыллада республиканы газетлеринде, журналларында аны публицистика халда жазылгъан статьялары, тилни сакъланыу амалларын оюмлагъан интервьюлары да басмалангандыла. Алада белгили тюрколог тил бла байламлы ёз къарамын кесгин шартлагъанды, илму жаны бла тамам белгиленмеген даулашлы соруулагъа башха тюрк тиллени юлгюсюнде тенгleshдириу халда тюз жууап бергенди.

Ёз тилин суйген, аны жюрютюлюу, къуралыу амалларын тынгылы тинтген, суратлау сёзню уста хайырлана билген алим, къаламыны кючюн суратлау чыгъармачылыкъда да сынагъанды. Аны талай назмусу бла тамсиллери «Коммунизмге жол» газетде, «Минги-Тау» журналда да дайым басмалана тургъандыла. Не хыйсапдан болгъанын чертген кыйынды, алай Гузеланы Жамал суратлау чыгъармаларын бир заманда да кесини аты бла белгилемегенди: Жеммал-эддин, Мухаммат улу, Къоркъмаз деген жашырын атла бла басмалагъанды. Сёз ючюн, «Жууукъларым, тынгылагъыз!» деген назмула бла тамсилледен къуралгъан жыйымдыкъны да Мухаммат улу деп бериледи [Мухаммат улу 1993]. Ол, табийгъат берген фактусун уста хайырлана, билимин кючлей, не ишни да бет жарыкълы тамамлай билген адамды. Баям, ол затны бу китапха кирген назмуланы суратланыу амалларында, рифма, магъана энчиликлеринде да эслерге боллукъду. Тамсиллерини юсюнден айтханда уа, аланы энчи алып илму жаны бла къараргъа да тийишлиди.

Билим адам улуну умутун бийик, жүрегин жарык, саггышын чууак этеди, жашау жолун кенг ачады. Гузеланы Жамал да илму бла, кыалам сынау бла чекленип кыалмай, кесин устазлык иште да сынаганды. Ол жыйырмадан артык жылны ичинде Кыбарты-Малкыар кырал университетте устазлык этгенди, студентлеге, устазлагы да кесин билими бла, адеби бла да сыйдургенди.

Гузе улу кыарачай-малкыар тил билимни кеп даулашлы сорууларына жууап таба келгенди. Ол халкыла аралы илму конференциялагы, конгресслеге, симпозиумлагы, форумлагы да хар заманда да тири кыатышханды. Аны кыарачай-малкыар тил билимге эм да тюркологиягы кыйматлы кышумчулук этген илму статьялары республикалада, кыралыбызны ара шахарында, тыш кыраллада да басмалангандыла.

Илмуну жолунда не уллу жетишимле болдурса да, алимге даража берген затладан бири ол хазырлаган сохталарыдыла. Алим адам, артыксызда, аз миллетни тилин, келден чыгармачылыгын, адабиятын тинтген заманда, аны тамбласын тынгылы оюмларгы борчлуду. Белгилисича, гитче, уллу миллетни да миллетлигин сакыларык аны тили, келден чыгармачылыгы, маданияты, адабият энчилиги болганын, ол байлыкны даусундурмай сакылар ючюн, алимле хазырларгы керек болганын Гузе улу теренден оюмлайды эм тил хазнабызны тамблагы кюнюн сыйлай да, жүрюте да, тинте да билирча, тазалыгын, кирсизлигин емюрлеге шарт белгилерча, миллетине кыуллук этерча алимлени филология илмуланы докторлары (Текуланы Муссаны, Алийланы Тамараны, Эбизеланы Фатиматны, Мызыланы Ахматны), филология илмуланы кандидатларын (Ахматланы Мариямны, Аппайланы Фатиманы, Хачирланы Еленаны, Созайланы Азаматны, Гелястанланы Танзиляны, Киштикланы Любаны, Трамланы Зухураны, Таукенланы Жаннетаны, Черкесланы Захураны) хазырлайды. Ала бюгюнлюкде барысы да Кыарачайда, Малкыарда институтлада, бийик билим берген окуу юйледе, газетледе, журналлада, тилни сакылауу, тюз жүрютюнуу баш борча санай, ез тиллерине устазлары юйретгенча алдаусуз кыуллук этедиле.

Гузеланы Жамалны илму-устазлык иште жетишимлери ючюн Кыбарты-Малкыар республиканы Баш советини, Россейни билим бериу министрствосуну, Кыбарты-Малкыарны профсоюзларыны эм дагыда башха тюрлю Сыйлы грамотала бла саугыалайдыла. Анга 1986 жылда «Кыбарты-Малкыар АССР-ни илмусуну сыйлы кыуллукчусу», 1993 жылда «Кыбарты-Малкыар республиканы илмусуну сыйлы кыуллукчусу» деген атланы бередила. Андан сора да ол Халкыла Аралы Тюрк академияны членине, Россейни тюркологларыны комитетине членге да айырылганды. 2015 жылда аны Кыарачайда Кырымшамхалланы Исмаил-Бийни медали бла «Илму» номинацияда саугыалагандыла. Гузе улуну илмуда жетишимлерине, монографияларына, сезлюклерине да алимле бийик багы бичгендиле эм аны кыарачай-малкыар тил илмуда, битеуда тюркологияда илму магыналарын тынгылы чертгендиле [Отарланы 1981; Хабичев 1981; Ахматов 1984; Магеррамова 1987; Башиев, Геляева 1999; Мокыаланы 2007; Гаджиахмедов, Аппоев 2010; Толгуров, Махиева 2015; Кетенчиланы, Апполаны 2011; Улаков 2015].

Гузеланы Жамал Кыбарты-Малкыар илму араны гуманитар тинтиле бардырган институтуну кыарачай-малкыар филология бelyмюне эм кыарачай-малкыар тил бelyмюне талай жыл таматалык этгенди. Бюгюнлюкде 80-жыллык юбилейине жетишген акылыман, илму жолдан таймай, жаш алимлеге билеклик эте, насыйхат сезюн айта, илмуну излемлерин эм энчиликлерин ангылата, билими, акылы сезюу бла да даражалы бола, этген илму ишин, адамлык елчемге сыйындыра, кереклисича тамамлайды.

Илмуну жолу емюрде да кыйын жолладан бириди, анда даулашлы соруула кеп тубеучюдуле, алай Гузеланы Магометни жашы Жамал бюгюнлюкде да, тибийгыт саугыалагган факмусун, жашау акылын билим бла кычлей, илмугы тийишлисича кыуллук этеди.

Хайырланылгъан литература

1. *Ахматов И.Х.* Ж.М. Гузеев. Проблема словника толковых словарей тюркских языков // Советская тюркология. 1984. № 6. С. 72–75.
2. *Башиев Х. Л., Гельева А. И.* Книга, которую ждали: о монографии Ж.М. Гузеева «Современный карачаево-балкарский литературный язык» // Кабардино-Балкарская правда. 1999. 11 февр.
3. *Гаджиахмедов Н.Э., Анноев А.К.* Путь ученого, педагога // Вопросы тюркологии. Махачкала, 2010. Вып. 6. С. 139–140.
4. *Гузеев Ж.М.* Сопоставительная фонетика русского и карачаево-балкарского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1972. 207 с.
5. *Гузеев Ж.М.* Теоретические основы составления толковых словарей тюркских языков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1986. 42 с.
6. *Кетенчиланы М.Б., Анполаны А.К.* Айтхылыкь тюрколог, белгили педагог эм адам: филология илмуланы доктору, профессор Гузеланы Жамалгъа – 70 жыл // Минги-Тау. 2011. № 1. Б. 170–173 (*Кетенчиев М.Б., Анноев А.К.* Знаменитому тюркологу, педагогу, профессору Жамалу Гузееву – 70 лет // Эльбрус. 2011. № 1. С. 170–173).
7. *Магеррамова Р.Дж.* Ж.М. Гузеев. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков // Советская тюркология. 1987. № 1. С. 98–101.
8. *Мокьаланы З.Х.* Тюркологияда быллай дерслик алыкьына чыкъмагъанды // Заман. 2007. 31 мая (*Мокаева З.Х.* В тюркологии такой книги пока нет // Время. 2007. 31 мая).
9. *Мухаммат улу (Гузеланы Ж.М.).* Жууукьларым, тынгылагъыз! Назмула бла тамсилле. Нальчик: Эльбрус, 1993. 96 б. (*Сын Мухаммата (Гузеев Ж.М.).* Прислушайтесь, родные мои! Стихи и басни. Нальчик: Эльбрус, 1993. 96 с.).
10. *Отарланы И.М.* Тилни орфографиясын иги этиуню юсюнден илму иш // Шуьхлукь. 1981. № 1. Б. 112–115 (*Отаров И.М.* Научная работа об улучшении карачаево-балкарской орфографии // Дружба. 1981. № 1. С. 112–115).
11. *Толгуров З.Х., Махиева Л.Х.* Путь в большую науку // Жамал Магомедович Гузеев / сост. Ж.М. Локьяева. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 7–9.
12. *Улаков М.З.* Результативный, креативный, универсальный // Кабардино-Балкарская правда. 2015. 25 нояб.
13. *Хабичев М.А.* Ж.М. Гузеев. Основы карачаево-балкарской орфографии // Советская тюркология. 1981. № 4. С. 97–98.

ВКЛАД Ж.М. ГУЗЕЕВА В ИЗУЧЕНИЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА И РАЗВИТИЕ ТЮРКОЛОГИИ (К 80-летию со дня рождения Гузеева Ж.М.)

Махиева Людмила Хамангериевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», liudmila.makhiieva@mail.ru

Локьяева Жаухар Магомедовна, младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», lokyueva.zh@mail.ru

Статья посвящена юбилею известного российского ученого-тюрколога, языковеда, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки КБР, лауреата Государственной премии КБР, академика Международной тюркской академии, члена Российского комитета тюркологов Жамала Магомедовича Гузеева. В течении многих лет он успешно сочетал преподавательскую и научную деятельность. Как ведущий языковед, ученый, внес неопределимый вклад в развитие не только карачаево-балкарского, но и общетюркского языкознания. Является автором и соавтором 10 словарей, 15 монографий, десятков учебных и учебно-методических пособий, сотен научных статей. Многие его труды по различным разделам карачаево-балкарского языкознания известны далеко за пределами республики и даже страны. В качестве преподавателя Ж.М. Гузеев способствовал

подготовке и профессиональному росту научных и научно-педагогических кадров республики: преподавателей школ, СУЗов и ВУЗов. Кроме того, под его руководством защитили диссертации 4 доктора и 12 кандидатов филологических наук. Все это свидетельствует о многогранной деятельности Жамала Магомедовича Гузеева в дело изучения и развития карачаево-балкарского языка и лингвистической науки в целом.

Ключевые слова: ученый, карачаево-балкарский язык, лингвистика, лексикология, лексикография, фонетика, фонология, фразеология, орфография, орфоэпия.

**CONTRIBUTION OF J.M. GUZEEV
IN STUDY OF THE KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE
AND DEVELOPMENT OF TURKOLOGY
(On the occasion of the 80th birthday of Guzeev J.M.)**

Mahieva Lyudmila Hamangerievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Scientific Worker of the Sector of Karachay-Balkarian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liudmila.makhiieva@mail.ru

Lokyaeva Jauhar Magomedovna, Junior Scientific Worker of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lokyeva.zh@mail.ru

The article is devoted to the anniversary of the famous Russian scientist-Turkologist, linguist, Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of the KBR, laureate of the State Prize of the KBR, Academician of the International Turkic Academy, member of the Russian Committee of Turkologists Jamal Magomedovich Guzeev. For many years he has successfully combined teaching and research activities. As a leading linguist, scientist, he made an invaluable contribution to the development of not only Karachay-Balkarian, but also general Turkic linguistics. He is the author and co-author of 10 dictionaries, 15 monographs, dozens of educational and teaching aids, hundreds of scientific articles. Many of his works on various sections of his native linguistics are known far beyond the borders of the republic and even the country. As a teacher J.M. Guzeev contributed to the training and professional growth of scientific and scientific-pedagogical personnel of the republic: teachers of schools, colleges and universities. In addition, under his supervision 4 doctors and 12 candidates of philological sciences defended their dissertations. All this testifies to the versatility of activity of Jamal Magomedovich Guzeev to the study and development of Karachay-Balkarian language and linguistic science in general.

Keywords: scientist, Karachay-Balkarian language, linguistics, lexicology, lexicography, phonetics, phonology, phraseology, spelling, orthoepy.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия/ главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
 - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
 - сведения об авторе;
 - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
 - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заклучение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31–33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *v* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010b].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961].

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККЕА [АБККЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКЧС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.
2. *АП* – Адыгэ псалгальэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. *Клыцокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.
5. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/ueм/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).
6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.
7. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).
8. *Малкондуев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 28 (67). С. 146–154.
9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // *Медиаскоп*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).
10. *Павшук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.
11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.
12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.
13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л.
14,2

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 265

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*